

ТОМАС ХАРРИС

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

Молчание ягнят
Томас Харрис

Аннотация
Томас Харрис. Молчание ягнят
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61

Аннотация

Зверские, беспощадные убийства маньяка-садиста наводят ужас на жителей нескольких городов США. ФБР пытается вызвать на сотрудничество маньяка-убийцу, доктора Лектера, отбывающего пожизненное заключение. Эта попытка заканчивается трагически…

Томас Харрис
Молчание ягнят

Глава 1

Отдел исследования человеческой личности — подразделение ФБР, занимающееся изучением психологии убийц-маньяков — расположен на самом нижнем этаже Академии ФБР в Куонтико.

Раскрасневшись от быстрой ходьбы, Кларис Старлинг примчалась туда прямо со стрельбища. К волосам и форменной куртке с нашивкой курсанта Академии ФБР прилипли травинки: только что на занятиях по задержанию преступника приходилось то и дело падать на землю, уворачиваясь от пуль.

В приёмной было пусто, и Кларис быстро посмотрела на своё отражение в стеклянной двери. Она знала, что ей не нужно долго прихорашиваться, чтобы выглядеть хорошо. Руки ещё пахли пороховым дымом, но мыть их времени не было — вызывая её, начальник отдела, Кроуфорд приказал явиться *срочно.*

Джек Кроуфорд стоял за чьим-то письменным столом в одном из кабинетов отдела и разговаривал по телефону. Впервые за весь этот год Кларис смогла, наконец, разглядеть его.

Вид шефа вызвал у неё чувство тревоги и беспокойства.

Обычно Кроуфорд походил на подтянутого инженера средних лет, в своё время наверняка игравшего в бейсбол за сборную колледжа — эдакий хитрый и коварный защитник, смелый и напористый во время ответственных матчей. Сейчас он сильно похудел, воротничок рубашки свободно болтался на тонкой шее, вокруг покрасневших глаз под очками с половинчатыми стёклами появились тёмные круги.

Все, кто читал газеты, знали, что отделу исследования человеческой личности досталось просто дьявольское дело. Старлинг очень надеялась, что Кроуфорд не начал прикладываться к бутылке. В нынешнем положении это было бы очень некстати.

Кроуфорд закончил разговор резким «нет» и вынул из-под мышки её досье.

— Итак, Старлинг Кларис М., — прочёл он. — Что ж, доброе утро.

— Здравствуйте, — она постаралась вложить в улыбку максимум учтивости. Но ничего больше.

— Надеюсь, мой вызов не очень напугал вас?

— Нет, — ответила Кларис. «Хотя и порядком удивил», — промелькнуло в голове.

— Преподаватели сообщают, что вы довольно успешно справляетесь с учёбой и даже входите в число лучших курсантов группы.

— Надеюсь, хотя они мне ничего не говорили.

— Я сам интересуюсь вашими успехами время от времени.

Эти слова немного озадачили Кларис. Честно говоря, она уже давно вычеркнула Кроуфорда из списка своих симпатий и теперь относилась к нему не иначе как к обыкновенному вербовщику, подбирающему молодые кадры для Академии ФБР. Чистой воды сукин сын, которому совершенно наплевать на тебя, как на человека.

Впервые она увидела Кроуфорда ещё тогда, когда, будучи следователем по особо важным делам, тот приезжал читать лекции в университет штата Вирджиния. Именно качество его семинаров по криминалистике и послужило тогда главной причиной её прихода в Бюро. Сдав вступительные экзамены в Академию, она написала ему письмо, но Кроуфорд не ответил, и теперь, в течение вот уже трёх месяцев учёбы в Куонтико, буквально игнорировал её.

Старлинг относилась к тем людям, которые никогда не просят поблажек и никому не навязывают своей дружбы, но поведение Кроуфорда

удивило и даже расстроило её. Но сейчас, снова встретившись с ним лицом к лицу, девушка почувствовала, что невольно начинает снова проникаться симпатией к этому человеку.

Было ясно, что с Кроуфордом происходит что-то неладное. Помимо интеллигентности, Кларис всегда замечала в нём какой-то особый ум и проницательность, проглядывающий даже сквозь форменную одежду агента ФБР, которую Кроуфорд умудрялся носить не просто опрятно, а даже с каким-то шиком. Сейчас он тоже выглядел аккуратно, но как-то тускло и пожухло, как после линьки.

— Появилась кое-какая работа и я подумал о вас, — продолжал Кроуфорд. — Можно сказать даже не работа, а просто интересное поручение. Сбросьте со стула все эти бумаги и присаживайтесь. Вот здесь, в деле, вы пишете, что после окончания Академии хотели бы сразу начать работать в отделе исследования человеческой личности, верно?

— Да.

— У вас, конечно, неплохая судебная практика, но никакого опыта работы в нашей сфере. А мы подбираем в отдел людей со стажем, шесть лет как минимум.

— Мой отец служил начальником полиции, так что я имею представление о вашей специфике. Да и о жизни тоже.

— Что вы действительно имеете, — улыбнулся Кроуфорд, — так это неплохие оценки по психологии и криминалистике. Плюс опыт работы в психиатрической лечебнице. Сколько раз вы там работали, два?

— Два. Во время летних каникул.

— А ваши адвокатские права, они ещё в силе?

— Да, ещё на два года. Я получила их до того, как вы читали нам лекции в университете. До того, как решила прийти работать сюда, к вам.

— Я смотрю, вас допустили к экзаменам сразу же, без малейших колебаний.

Кларис кивнула.

— Мне просто повезло. А вообще-то я собиралась работать в судебной лаборатории до тех пор, пока не смогу попасть в Академию.

— Вы написали мне письмо, когда решили поступать к нам, да? А я, кажется, не ответил. Да, точно, не ответил. Хотя должен был.

— У вас и без этого много дел.

— Вы знаете что такое ППОТП?

— Программа по предотвращению особо тяжких преступлений. В одном юридическом

журнале писали, что вы работаете в этой области, но что о результатах пока ещё рано говорить.

Кроуфорд согласно кивнул.

— Мы тут разработали вопросник. Составлен на основе допросов всех известных маньяков-убийц нашего времени. — Он передал Кларис толстую пачку скреплённых скоросшивателем листов. — Здесь есть раздел и для следователей, и для выживших жертв, если таковые имеются. На голубых листах — вопросы для убийцы, если он, конечно, пожелает отвечать. На розовых — вопросы, которые убийце задаёт следователь, чтобы фиксировать не только ответы, но и реакцию преступника. Так что тут довольно много писанины.

Писанины. Чутьё уже подсказывало Кларис, что сейчас последует предложение работы — хотя, быть может, Кроуфорд просто попросит её заняться какой-нибудь скукотищей, типа вбивать свежие данные в новую компьютерную систему. Конечно, она готова приложить все усилия, чтобы попасть в отдел исследования человеческой личности, но ни для кого не секрет, что происходит с женщиной, однажды согласившейся поработать в качестве секретарши — обычно она гниёт на этом месте до конца своих дней. Но так

или иначе, случай представился, и нужно было сделать правильный выбор.

Кроуфорд чего-то ждал. По-видимому, окунувшись в собственные мысли, Кларис прослушала его вопрос. Ей пришлось напрячься, чтобы вспомнить, что он сказал.

— Какие тесты мне приходилось проводить? Многоаспектный «Миннесота», «Тематическая Апперцепция»… да, и ещё однажды я давала детям «Бендер-Гештальт».

— Вы пугливы, Старлинг?

— Пока что особо нечего было бояться.

— Понимаете, мы постарались опросить всех известных нам маньяков-убийц, которые в настоящее время отбывают тюремное заключение. Тридцать два человека. Нужно выстроить психологическую систему для выявления ещё не раскрытых преступлений. Большинство, как мне кажется, честно ответили на все вопросы — просто им нет никакого смысла запираться или пускать пыль в глаза. Двадцать семь согласились, так сказать, сотрудничать. Четверо приговорённых к смертной казни тут же потребовали за свои откровенные ответы право подать апелляцию. Что ж, вполне резонно. Но одного, причём самого важного для нас, расколоть так и не удалось. Я

хочу, чтобы завтра вы встретились с ним в психиатрической лечебнице.

У Кларис радостно забилось сердце. Но вместе с радостью и приятным волнением вдруг появилось какое-то тревожное предчувствие.

— Кто он? — спросила девушка.

— Психиатр, доктор Ганнибал Лектер, — ответил Кроуфорд.

Оба замолчали. В любом цивилизованном обществе упоминание имени этого человека всегда вызывало одну и ту же реакцию.

— Ганнибал — каннибал, — наконец пробормотала Кларис, не сводя неподвижных глаз с Кроуфорда.

— Да.

— Хорошо, то есть... Ну, да, конечно. Я даже рада, что мне представилась такая возможность. Но просто интересно — почему именно я?

— В основном потому, что вы для этого подходите, — ответил Кроуфорд. — Хотя я даже не надеюсь, что он станет сотрудничать с нами. Он уже отказался, правда через третье лицо — главврача лечебницы. Но мне нужно хотя бы зафиксировать, что один из наших квалифицированных специалистов лично приходил к нему и пытался задавать вопросы. Впрочем, эти про-

блемы вас не касаются. Но дело в том, что у меня в отделе нет ни одного свободного сотрудника, который мог бы этим заняться.

— Знаю, ваш отдел сейчас очень перегружен… Дело Буйвола-Билла… Да ещё эти проблемы в Неваде.

— Всё правильно. Нехватка кадров — вечная история.

— Вы сказали «завтра». Значит вопрос срочный? Есть какая-то связь с текущим делом?

— Нет. Хотя я очень хотел бы её найти.

— А если он будет упираться, я всё равно должна представить вам психологическую оценку?

— Нет. Я уже и так по уши завален психологическими оценками доктора Лектера, и ни одна не похожа на другую. — Кроуфорд высыпал на ладонь две таблетки витамина «С» и плеснул в стакан минералки. — Понимаете, всё это очень странно. Лектер сам психиатр, пишет статьи для научных журналов — и нужно заметить, выдающиеся статьи — но ни в одной из них не касается проблем своих собственных отклонений. Как-то он прикинулся, что не против ответить на вопросы главного врача больницы Чилтона. Тот провёл несколько тестов, дал ему поскладывать какие-то глупые картинки. Лектер плёл полнейшую чушь,

всем своим видом корчил из себя ненормального, даже грушу от тонометра на член надевал — а потом взял и опубликовал статью с психологической характеристикой самого Чилтона, где выставил его полным идиотом. Он отвечает на серьёзные письма студентов психиатрических факультетов, если темы их вопросов не связаны с его случаем — но это всё, что удаётся от него добиться. Если он откажется разговаривать, мне нужна от вас только конкретная информация: как он выглядит, что представляет собой палата, чем он занимается. Местный колорит, как говорится. Остерегайтесь прессы. Я имею в виду не настоящей прессы, а всех этих репортёришек из бульварных газетёнок. По-моему, они любят Лектера больше, чем самого принца Эндрю.

— Если мне не изменяет память, одна такая газета, кажется, предлагала ему пятьдесят тысяч долларов за какие-то кулинарные рецепты, — вспомнила Кларис.

Кроуфорд кивнул.

— Не удивлюсь, если эта «Нэшинал Таттлер» подкупила кого-нибудь из персонала лечебницы. Так что они вполне могут узнать о вашем приходе, когда я позвоню доктору Чилтону, чтобы договориться о времени визита.

Кроуфорд подался вперёд, так, что лицо его оказалось в нескольких сантиметрах от лица Кларис. Изо рта исходил едва уловимый запах листерина.

— А сейчас прошу максимального внимания, Старлинг. Вы слушаете?

— Да, сэр.

— Будьте предельно осторожны с Ганнибалом Лектером. Доктор Чилтон, главный врач лечебницы, подробно объяснит, какие меры предосторожности нужно принимать во время разговора. Ни в коем случае не отклоняйтесь от его инструкций. *Ни на йоту, ни при каких обстоятельствах.* Если Лектер выразит желание поговорить, то только для того, чтобы выведать всё о вас. Но это то же самое любопытство, которое заставляет змею заглядывать в гнёзда птиц, вы меня понимаете, надеюсь? Само собой, во время разговора нельзя только задавать вопросы, нужно говорить кое-что и самой. Но ни в коем случае не говорите ему ничего о себе. У него в голове не должно остаться ни единой подробности вашей жизни. Надеюсь, вы в курсе, что он сделал с Уиллом Грэмом?

— Я читала в газетах, после того, как всё это произошло.

— Он просто взял нож и выпустил Уиллу кишки, когда тот попытался добраться до него. Просто чудо, что он остался жив. А Красного Дракона помните? Лектер тогда направил Фрэнсиса Долархайда на Уилла и его семью. И вот теперь, благодаря Лектеру, лицо Грэма напоминает рисунок Пикассо. А тот случай, когда прямо в лечебнице он выколол глаз медсестре? В общем, делайте свою работу, но ни на секунду не забывайте, с кем имеете дело.

— Так с кем же? Вы знаете, кто он?

— Я знаю только одно: он просто чудовище. Больше никто не может сказать о нём абсолютно ничего. Быть может, это удастся разгадать вам. Я ведь не просто наобум выбрал вас для этого дела. Когда я читал лекции в университете Вирджинии, вы задали мне несколько весьма интересных вопросов. В общем, директор будет читать ваш собственный отчёт за вашей подписью. Если, конечно, он будет написан достаточно ясно, сжато и лаконично. Это моё решение. А мне вы должны представить его в воскресенье к 9.00. Всё, Старлинг, можете приступать.

Кроуфорд улыбнулся ей, но глаза по-прежнему оставались мрачными и безрадостными.

Глава 2

Доктор Фредерик Чилтон, пятидесятивосьмилетний главный врач Государственной клиники для душевнобольных преступников города Балтимора, никогда не держал на своём огромном письменном столе никаких тяжёлых или острых предметов. Кое-кто из персонала больницы в шутку называл этот массивный стол крепостным рвом, спасающим врача от особо агрессивных пациентов. Когда Кларис Старлинг вошла в кабинет, доктор Чилтон остался сидеть на своём рабочем месте, так и не выйдя навстречу посетительнице.

— Знаете, за многие годы у нас здесь перебывала просто уйма сыщиков, но не припомню ни одного, кто был бы более привлекательным, — заметил он, даже не приподнявшись с кресла.

Кларис окинула доктора быстрым взглядом, механически заметив, что его протянутая рука блестит от ланолина, которым он смазывает волосы, и, не ожидая, пока он выйдет из-за стола, прошла в кабинет.

— Мисс Стерлинг, если не ошибаюсь? — улыб-

нулся Чилтон, особо подчеркнув слово «мисс».

— Старлинг, доктор, с буквой «а». Спасибо, что смогли уделить мне время.

— Значит, ФБР, как и все конторы мира, начало задействовать прекрасный пол. Ха-ха-ха. — Чилтон снова улыбнулся, обнажив пожелтевшие от никотина зубы.

— Вполне естественно, доктор Чилтон. Бюро тоже хочет улучшить работу.

— Собираетесь пробыть у нас в Балтиморе несколько дней? Могу заверить, если знаешь город, здесь можно довольно неплохо провести время. Не хуже, чем в Вашингтоне или в Нью-Йорке.

Она отвернулась, чтобы не видеть его очередной улыбки, и тут же почувствовала, что он догадался о её неприязни.

— Уверена, что Балтимор — чудесный город, но мне нужно встретиться с доктором Лектером и сегодня же днём доложить о результате начальству.

— Могу я хотя бы позже позвонить вам в Вашингтон? Спросить, как вы справились с заданием. У вас есть телефон?

— Конечно. Было бы очень любезно с Вашей стороны. Программой этих исследований руко-

водит следователь по особо важным делам Джек Кроуфорд. Вы всегда можете связаться со мной через него.

— Понятно, — проворчал Чилтон. Его испещрённое розовыми прожилками лицо никак не гармонировало с докторской шапочкой. — Попрошу ваши документы.

Так и не предложив ей сесть, он лениво просмотрел удостоверение. Затем вернул его и встал.

— Надеюсь, это не займёт много времени. Пойдёмте.

— Насколько я знаю, вы должны проинструктировать меня, доктор Чилтон.

— Ничего, расскажу всё по дороге. — Он вышел из-за стола и посмотрел на часы. — Через полчаса у меня ленч.

Чёрт, даже с её небогатым опытом можно было сразу разобраться в ситуации. И не можно, а нужно. С первого взгляда видно, что за тип этот Чилтон. А ведь он мог бы рассказать и кое-что полезное. Наверняка много знает. Ведь не держат же главврачами круглых идиотов. Ничего бы не случилось, если бы она и пококетничала с ним немного, пусть даже через силу.

— Доктор Чилтон, наша встреча специально на-

значена в удобное для вас время, чтобы вы могли уделить мне немного внимания. Во время разговора с пациентом я, возможно, узнаю некоторые вещи, которые сможете объяснить только вы.

— Очень, очень сомневаюсь. Да, совсем забыл, мне нужно позвонить, пока мы не ушли. Так что присоединюсь к вам в приёмной.

— Не возражаете, если я оставлю здесь плащ и зонтик?

— Лучше там, в приёмной. Отдайте Алану, он куда-нибудь пристроит.

На Алане был похожий на пижаму костюм, в какие одевали всех пациентов лечебницы. Концом рубашки он сосредоточенно протирал пепельницы.

Когда Кларис отдала ему плащ, он молча вывалил изо рта язык.

— Спасибо, — проговорила девушка.

— Всегда-всегда пожалуйста, — ухмыльнулся Алан. — А ты часто какаешь?

— Что вы сказали?

— Правда, оно выходит такой дли-и-инной, дли-и-инной колбасой?

— Пожалуй, я сама повешу плащ…

— Тебе же ничего не мешает — просто наклонись и смотри, как оно вылазит и тут же на

воздухе начинает менять цвет. Ты же так делаешь, да? Правда, похоже, что у тебя вырастает такой здоровый коричневый хвост?

Отдавать плащ он явно не собирался.

— Доктор Чилтон просит вас немедленно зайти к нему в кабинет, — выпалила Кларис.

— Нет, не прошу, — раздался за спиной голос выходящего в приёмную Чилтона. — Алан, повесь плащ в шкаф и не трогай, пока нас не будет. Выполняй. У меня была штатная секретарша, — повернулся он к Кларис, — но эти вечные сокращения лишили меня такой роскоши. Так что теперь осталась только машинистка, которая впускала вас в кабинет, да и та приходит только на три часа в день. Ну и вот Алан. Просто диву даёшься, куда подевались все девушки, что работали в конторах! Вы случайно не знаете, мисс Старлинг? Кстати, вы вооружены?

— Нет, я не вооружена.

— Разрешите мне посмотреть вашу сумочку?

— Вы же видели мои документы.

— Да, и там сказано, что вы всего лишь курсант. Так что позвольте, я всё же проверю сам.

За спиной Кларис Старлинг с грохотом захлопнулась первая тяжёлая стальная дверь. Девушка вздрогнула. Громко лязгнув, встал на своё место

металлический засов. Чилтон шёл чуть впереди, уверенно шагая по длинному зелёному коридору, наполненному запахом лизоля и глухими звуками хлопающих где-то вдалеке дверей. Кларис злилась на себя за то, что позволила Чилтону копаться в своих вещах, и теперь в сердцах твёрдо печатала шаги, пытаясь собраться. Как всегда, такое средство очень быстро помогло и уже скоро Кларис снова ощутила внутренний контроль.

— Вечно хлопоты у нас с этим Лектером, — бросил Чилтон через плечо. — Каждый день санитар тратит минут десять, чтобы снять все скрепки с его корреспонденции.

Мы пытались сократить или вообще отменить его переписку, но он настрочил жалобу, и суд отменил наше решение. Обычно его личная почта просто огромна. Слава Богу, поток писем хоть немного уменьшается, когда по телевизору сообщают о каком-нибудь другом, новом монстре. Но иногда мне кажется, что каждый мало-мальски занимающийся психологией студент хочет обязательно получать какую-нибудь информацию от Лектера. Медицинские журналы по-прежнему печатают его статьи, правда, похоже, только из-за его скандальной репутации.

— А по-моему, он написал неплохую статью по

хирургической наркомании в журнале «Клиническая психиатрия», — возразила Кларис.

— Серьёзно? — саркастически усмехнулся Чилтон. — Ну-ну. Только пока вы все читали его статьи, мы пытались изучать самого Лектера. Вот где настоящая возможность сделать серьёзный вклад в науку. Редко удаётся получить в руки такой экземпляр живым.

— Такой — что?

— Такого чистой воды социопата, коим он наверняка является. Но он оказался совершенно непроницаемым, к тому же слишком искусным для стандартных тестов. А уж как ненавидит нас! Меня так вообще считает своей Немезидой. А Кроуфорд молодец, сообразил всё правильно. Ну, что решил послать к Лектеру вас.

— Что вы имеете в виду, доктор Чилтон?

— Молоденькая женщина — как раз то, что надо, чтобы расшевелить Лектера. Думаю, у вас должно получиться. Он уже несколько лет не видел ни одной женщины — разве только уборщиц, да и то мельком. Обычно слабый пол мы стараемся держать подальше. В таких местах от них только лишние хлопоты.

Заткнулся бы ты лучше, Чилтон.

— Знаете, я с отличием закончила университет

в Вирджинии, доктор. А это отнюдь не школа обаяния и кокетства.

— Что ж, в таком случае, надеюсь, вы будете в состоянии запомнить следующие правила:

Не просовывать руку через решётку, даже не касаться решётки. Не передавать ему ничего, кроме мягкой бумаги. Никаких ручек или карандашей. У него есть свои мягкие фломастеры. На листах бумаги, которые вы будете ему передавать, не должно быть ни скрепок, ни булавок. Передавать бумагу можно только по скользящей ленте через окошко для подачи пищи. Забирать обратно точно таким же образом. И никаких исключений. Не вздумайте брать ничего, что он попытается передать вам через решётку. Вы всё поняли?

— Да.

Они прошли ещё две стальные двери, и естественный свет остался позади. Теперь они находились намного дальше тех обычных палат, где больные могли собираться вместе или хоть как-то общаться. Здесь, в этой части здания, не было ни окон, ни какого-либо общения. Фонари в коридоре закрыты массивными решётками, словно в машинном отделении корабля. Доктор Чилтон остановился под одним из них. Когда эхо его шагов замерло, где-то вдали, за стенами, Кла-

рис услышала приглушённый хриплый крик.

— Лектера никогда не выводят из камеры без смирительной рубашки и намордника, — продолжал Чилтон. — И я объясню, почему. В первый год заключения он был настоящим образцом поведения и желания всеми силами содействовать лечению. И меры безопасности по отношению к нему немного ослабили. Это было ещё при старой администрации лечебницы. И вот 8 июля 1976 года он пожаловался на боль в груди и его отправили в амбулаторию. Смирительную рубашку сняли, чтобы можно было сделать электрокардиограмму. Когда сестра наклонилась над ним, он сделал с ней вот что. — Чилтон протянул Кларис старую фотографию с потрёпанными углами. — Врачам тогда удалось спасти ей один глаз. Лектер буквально вырвал бедняжке челюсть, чтобы добраться до языка. Кстати, всё это время он был подключён к приборам. Так вот, его пульс ни разу не превысил восьмидесяти пяти. Даже когда он жрал её язык.

Кларис не могла понять, что ужаснее: изображение на фотографии или внимательный взгляд быстрых, пронизывающих насквозь глаз Чилтона. Словно обезумевшая от жажды курица склёвывает тебе слёзы с лица.

— Я держу его здесь, — сказал Чилтон и нажал кнопку рядом с массивной двойной дверью из бронированного стекла. Огромный санитар впустил их внутрь изолированного от внешнего мира бокса.

Кларис остановилась, и, приняв для себя нелёгкое решение, проговорила:

— Доктор Чилтон, для нас очень важны результаты этих тестов. Поэтому, если доктор Лектер видит в вас своего врага, как вы сами говорите, мне кажется будет лучше, если я пойду к нему одна. Как вы думаете?

У Чилтона дёрнулась щека.

— Что ж, ничего не имею против, — холодно пожал он плечами. — Хотя вы вполне могли бы предложить мне это ещё в кабинете. Я бы послал с вами санитара и по крайней мере сэкономил время.

— Я бы предложила это и в кабинете, если бы вы сразу проинструктировали меня.

— Не думаю, что мы встретимся с вами ещё раз, мисс Старлинг. Барни, когда она закончит беседовать с Лектером, позвони, чтобы кто-нибудь вывел её отсюда.

С этими словами Чилтон ушёл, больше не удостоив её и взглядом.

Кларис осталась наедине с бесстрастным гигантом-санитаром. За его спиной беззвучно тикали часы, в шкафу с проволочной сеткой покоились смирительные рубашки, намордник и ружьё, заряженное ампулами со снотворным. У двери стояло сваренное из труб приспособление с U-образной вилкой на конце, чтобы в случае чего прижимать к стене особо буйных больных.

Санитар окинул Кларис безразличным взглядом.

— Доктор Чилтон предупреждал вас, что нельзя дотрагиваться до решётки? — спросил он. Голос оказался одновременно и высоким, и хриплым.

— Да, он говорил.

— Хорошо. Его камера в самом конце, последняя справа. Когда будете идти, держитесь посередине коридора и ни на что не обращайте внимания. Можете захватить его почту, но действуйте строго по инструкции. — Санитар, казалось, получал удовольствие от своих напутствий. — Положите всё на поднос, и он сам закатится в камеру. Потом можете вытащить поднос, он привязан на шпагате, или Лектер сам пришлёт его обратно.

Санитар вручил ей два расшитых журнала с торчащими из-под обложки страницами, три газеты и несколько распечатанных писем.

Коридор был около тридцати метров длиной. По обе стороны располагались камеры. Некоторые двери были обшиты войлоком со смотровыми окошками в центре, длинными и узкими, словно бойницы. Другие представляли собой обычные тюремные камеры с толстыми металлическими решётками вместо передней стены.

Кларис всем телом чувствовала шевелящихся в камерах сумасшедших, но твёрдо решила смотреть строго вперёд и не поворачивать головы. Где-то на полпути до неё донёсся шипящий голос:

— Я чувствую, как пахнет у тебя из трусов.

Она сделала вид, что не услышала, и пошла дальше.

В последней камере горел свет. Кларис перешла на левую сторону коридора, чтобы попытаться украдкой заглянуть внутрь. Но стук каблуков выдал её приближение.

Глава 3

Камера доктора Лектера находилась отдельно от других, выходила на кладовку на другой стороне коридора и была совсем не похожа на все остальные. Передняя стена представляла собой всё ту же толстую металлическую решётку, но дальше, на расстоянии больше вытянутой руки, находилась ещё одна преграда — прочная нейлоновая сеть, натянутая от пола до потолка и от одной стены до другой. За сеткой Кларис разглядела привинченный к полу стол, заваленный бумагами и книгами в мягких обложках. За столом — привинченный к полу стул.

Доктор Ганнибал Лектер полулежал на топчане, листая итальянское издание журнала «Вог». Правда, слово «листал» не совсем соответствовало его действиям. Просмотрев очередную страницу, он просто-напросто откладывал её в сторону. Кларис заметила, что на левой руке у него шесть пальцев.

Она остановилась в полуметре от решётки и позвала:

— Доктор Лектер.

Голос прозвучал довольно уверенно и почти естественно.

Лектер оторвался от чтения.

На какую-то долю секунды ей показалось, что его взгляд производит едва слышное жужжание, но нет, это стучала в висках её собственная кровь.

— Меня зовут Кларис Старлинг. Могу я поговорить с вами? — И тон голоса, и расстояние от решётки, на котором она остановилась, выражали максимум вежливости.

Несколько секунд доктор Лектер сидел неподвижно, приложив палец к губам, словно не в силах оторваться от своих листков. Затем встал, не спеша подошёл к сетке, огораживающей его клетку, и, задумчиво глянув сквозь неё, остановился.

Это был маленький, худенький человек, но в его тонких жилистых руках Кларис сразу угадала такую же силу, как и в своих собственных.

— Доброе утро, — наконец проговорил Лектер, словно только что открыл дверь своего дома какому-нибудь знакомому. Ровный голос издавал лёгкий металлический скрип, возможно, от редких разговоров.

Тёмно-бордовые глаза блеснули в электри-

ческом свете ярко-красными точками. Кларис показалось, что эти точки искрами стекаются в центр к самому зрачку. Пронзительный взгляд охватывал её целиком с ног до головы.

Она шагнула чуть ближе к решётке. Волосы на руках зашевелились и встали дыбом.

— Доктор, у нас возникли серьёзные проблемы по вопросам, связанным с психологией. Я хочу попросить вас помочь.

— У нас — это у отдела исследования человеческой личности в Куонтико. Значит, как я понимаю, вы работаете у Джека Кроуфорда?

— Да, всё правильно.

— Можно взглянуть на ваши документы?

Кларис не ожидала такого оборота.

— Я уже показывала… в кабинете главврача.

— Вы имеете в виду Фредерика Чилтона, доктора философии?

— Да.

— А его собственные документы вы проверили?

— Нет.

— Могу вам заметить, что учёные обычно читают не очень внимательно. Кстати, вы видели там Алана? Он просто чудо, правда? С кем из них вы бы стали говорить скорее?

— Ну, вообще-то пожалуй с Аланом.

— Вы вполне можете оказаться обычным репортёром, которых Чилтон пускает ко мне за деньги. Так что, по-моему, я просто обязан взглянуть на ваши документы.

— Ну, хорошо. — Она достала удостоверение.

— Я не могу читать с такого расстояния. Будьте добры, передайте его сюда.

— Не могу.

— Понятно. Запрещено.

— Да.

— Тогда попросите Барни.

Подошедший санитар решительно проговорил:

— Доктор Лектер, я передам вам удостоверение. Но если вы не возвратите его, когда я вам скажу — если нам придётся тревожить людей, чтобы забрать его у вас — я очень расстроюсь. А если вы меня расстроите, вам придётся постоять связанным по рукам и ногам, пока я не перестану на вас сердиться. Питание через трубку, дважды в день смена грязного белья. Ну и ещё на недельку придержу вашу почту. Понятно?

— Конечно, Барни.

Поднос с удостоверением вполз в камеру. Доктор Лектер поднёс документ к свету.

— Курсант? Здесь написано «курсант». Это что же, Джек Кроуфорд послал для беседы со мной *курсанта?* — Он постучал удостоверением по своим маленьким белым зубам и вдохнул его запах.

— Доктор Лектер, — предупредил Барни.

— Конечно-конечно. — Он положил удостоверение обратно на поднос, и Барни вытащил его наружу.

— Да, я пока ещё учусь в Академии, — проговорила Кларис. — Но, по-моему, мы собираемся обсуждать не работу ФБР, а вопросы психологии. Так что думаю, вы сами сможете определить, достаточно ли я подготовлена, чтобы разговаривать с вами на эту тему.

— Хм, — пробормотал Лектер. — Довольно скользкий ответ. Барни, как ты полагаешь, мы можем предложить даме стул?

— Доктор Чилтон не давал никаких указаний насчёт стула.

— А что подсказывает тебе твоя внутренняя культура и правила этикета?

— Хотите присесть? — обратился Барни к Кларис. — Где-то у нас тут должен быть один стул, но обычно он… обычно никто здесь надолго не задерживается.

Барни принёс из кладовки раскладной стул и

удалился.

— Итак, — начал Лектер, усевшись за стол лицом к Кларис, — что же вам сказал Миггс?

— Кто?

— Малтипл Миггс, из камеры в середине коридора. Он что-то там прошипел вам. Что он сказал?

— Он сказал: «Я чувствую, как пахнет у тебя из трусов».

— Понятно. А я не чувствую. Вы пользуетесь кремом «Эвиан» и иногда духами «Лер дю тем», но не сегодня. Сегодня вы вообще не применяли косметики. Ну и что же вы думаете о словах Миггса?

— Он слишком враждебен по непонятной для меня причине. Это очень плохо. Он враждебен по отношению к людям, поэтому и люди враждебны по отношению к нему. Получается замкнутый круг.

— А вы враждебны по отношению к нему?

— Мне жаль, что я вывела его из равновесия. А вообще он просто болтун. Что на уме, то и на языке. А как вы узнали о духах?

— Почувствовал запах из сумочки, когда вы доставали удостоверение. Кстати, у вас очень красивая сумочка.

— Спасибо.

— Взяли по такому случаю самую лучшую, да?

— Да. — Это была правда. Она решила не брать с собой обычного портфеля, а эта сумочка была лучшей из всех, что у неё имелись.

— Гораздо красивее, чем ваши туфли.

— Может, когда-нибудь подберу что-то получше.

— Не сомневаюсь.

— Это ваши рисунки развешены на стенах, доктор?

— Неужели вы думаете, ко мне приглашают сюда художников?

— Вон там, над умывальником, это что, какой-то европейский город?

— Да, Флоренция. Палаццо Веччио и Дуомо. Вид с Бельведера.

— И вы нарисовали всё по памяти? Все детали?

— Память, дорогая моя Старлинг, это всё, что теперь осталось у меня от реального мира.

— А там что нарисовано? Распятие? Но средний крест пуст.

— Это Голгофа после снятия с креста. Цветные мелки, фломастер, обёрточная бумага. Это то, что получил вор, которому обещали все богатства рая, когда он стащит пасхального ягнёнка.

— И что же это?

— Переломанные ноги, что же ещё? Как и у его товарища, того, который предал Христа. Вы что, не читали Евангелие от Иоанна? Там подробно описана вся сцена распятия. Как, кстати, поживает Уилл Грэм? Как он выглядит?

— Я не знакома с Уиллом Грэмом.

— Но вы прекрасно знаете о ком идёт речь. Ещё один протеже Джека Кроуфорда. Как раз перед вами. Как сейчас выглядит его лицо?

— Я никогда не видела его.

— Это называется «нанести несколько новых мазков на старое полотно». Вы не возражаете против такого определения?

Секунда молчания — и Кларис решила перейти в наступление.

— Может, мы лучше нанесём несколько мазков на наше с вами полотно? Я принесла…

— Нет. Никогда не меняйте тему разговора с помощью дешёвой остроты. Понимание остроты и такой ответ на неё заставляет собеседника быстро перейти к другой теме, независимо от его желания и настроения. Мы же с вами в течение всего разговора руководствуемся как раз именно желанием и настроением. Вы так неплохо начали беседу, вежливо и учтиво, всё как положено, внушили доверие, высказав не очень приятную

правду о Миггсе, — и тут же так топорно вдруг перескочили на свой вопросник. Нельзя так.

— Доктор Лектер, я прекрасно знаю, что вы достаточно опытный врач-психиатр. Неужели вы считаете, я настолько глупа, что буду пытаться какими-то шутками изменить ваше настроение? Поверьте мне. Я просто прошу вас ответить на несколько вопросов, и вы вправе согласиться или отказаться. Но неужели вам так трудно хотя бы просто взглянуть на этот вопросник?

— Дорогая Старлинг, вы читали какие-нибудь публикации отдела исследования человеческой личности? Из тех, что выходили в последнее время?

— Да.

— Я тоже. ФБР по своей глупости отказывается посылать мне свой бюллетень, но я получаю его через третьи руки, равно как и «Ньюз» Джона Джея, и ещё целую кучу журналов по психиатрии. Так вот, они делят всех людей, которые совершают серии убийств, на две группы — осознающих и не осознающих свои действия. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Ну это… базовое деление, по всей вероятности они…

— Упрощают, вы это хотите сказать. Совершен-

но верно. Действительно, большинство аспектов психологии развито на настоящий момент на уровне игры в бирюльки, где дело не заходит дальше пустой болтовни. Что же касается той темы, которой занимается сейчас отдел Джека Кроуфорда, по-моему, её вообще можно поставить в один ряд с френологией. Дело в том, что психология не располагает достаточным количеством материала, чтобы начать развиваться как наука. Пойдите на факультет психологии любого университета и взгляните на этих студентов — группка радиолюбителей из африканской деревушки, к тому же наверняка не вундеркинды. Осознающие и неосознающие — что ж, как раз соответствует их умственному развитию.

— А как бы вы изменили эту классификацию?

— Никак.

— Кстати о публикациях, доктор. Я читала ваши статьи о хирургической наркомании и о право- и левосторонней мимике лица.

— Да, неплохо написано, — согласился Лектер.

— Я тоже так считаю, и Джек Кроуфорд такого же мнения. Он и посоветовал мне прочесть их. Это как раз одна из причин, по которой он так нуждается в вашей…

— Стоик-Кроуфорд в чём-то нуждается? Хм,

должно быть, он очень занят, если привлекает к работе даже студентов.

— Он и в самом деле очень занят и хочет…

— Занят делом Буйвола-Билла?

— Наверное.

— Нет. Никаких «наверное». Дорогая Старлинг, вы же прекрасно знаете, что он занят именно делом Буйвола-Билла. Думаю, Джек Кроуфорд и прислал вас ко мне, чтобы попытаться выведать о нём.

— Нет.

— Значит, вы не занимаетесь этим делом.

— Нет, я пришла, потому что нам нужна ва-ша…

— А что вам известно о Буйволе-Билле?

— Никто не может сказать о нём ничего опре-делённого.

— Только то, что было в газетах?

— Скорее всего, да. Видите ли, доктор Лектер, я не имею доступа к секретным документам по этому делу, моя работа…

— А сколько женщин Буйвол-Билл уже э-э… использовал?

— Полиция нашла пятерых.

— И со всех содрана кожа?

— Да, местами.

— В газетах никогда не пытались объяснить происхождение его прозвища? А вы знаете, почему его называют Буйвол-Билл?

— Да.

— Расскажите.

— Расскажу, если просмотрите вопросник.

— Просмотрю, но больше ничего не обещаю. Ну так почему же его так прозвали?

— Всё началось с неудачной шутки в отделе по расследованию убийств в Канзас-Сити.

— Да..?

— Его прозвали так, потому, что он сдирает со своих жертв кожу, как знаменитый индеец Буйвол-Билл из книжки.

Кларис заметила, что страх прошёл, но вместо него появилось странное чувство неловкости. Хотя она всё же предпочла бы лучше испытывать страх.

— Ладно, давайте сюда ваш вопросник.

Она положила бумаги на поднос и молча созерцала, как Лектер бегло просматривает страницы. Наконец, он бросил листы обратно на поднос.

— Ох, Старлинг, Старлинг, неужели вы думаете, что сможете изучить меня с помощью всей этой тупости?

— Нет, думаю, вы могли бы вникнуть в суть де-

ла и помочь нам продвинуться в исследованиях.

— И с какой стати я буду заниматься всем этим?

— Ну хотя бы из простого любопытства.

— Любопытства? По поводу чего?

— По поводу того, почему вы здесь, что с вами случилось?

— Со мной ничего не случилось, Старлинг. Я сам *случился.* И вы не можете свести мою личность к простому набору случайных обстоятельств. Ради своего бихевиоризма вы предали и добро, и зло. На всех напяливаете костюм морального достоинства — никто никогда ни в чём не виноват. Посмотрите на меня, Старлинг. Вы можете назвать меня олицетворением зла? Неужели я не само зло, Старлинг?

— Думаю, вы просто опасны для общества. А для меня это одно и то же. Вы несёте в себе силу разрушения.

— Так значит зло — это всего лишь сила разрушения? Тогда ураганы — тоже зло, если всё так просто. Или огонь, или град в конце концов. Страховые агенты называют это всё «стихийные бедствия» или иногда «Деяния Господни».

— У них есть на это свои причины…

— Знаете, я собираю коллекцию разрушений

церквей, просто так, ради развлечения. Видели последнее на Сицилии? Грандиозно! Фасад обрушился на головы шестидесяти пяти старушек во время обедни. Что это — зло? Если да, то кто же его сотворил? Если это дело рук самого Господа, значит это Ему просто нравится, Старлинг. И у тифа, и у прекрасных белых лебедей — у всего одно и то же единое начало.

— Я не в состоянии объяснить вам, доктор Лектер, но знаю, кто может…

Он прервал её, нетерпеливо подняв руку. Кларис отметила, что шестой палец совсем не искажает пропорции кисти. Редчайшая форма полидактилии.

Когда Лектер снова заговорил, голос его зазвучал более мягко и любезно.

— Вам бы, конечно, очень хотелось разобрать меня по косточкам, Старлинг. Вы честолюбивы, не правда ли? Но знаете, на кого вы похожи со своей очаровательной сумочкой и дешёвыми туфлями? На обыкновенную деревенщину. Прилизанную, рвущуюся вперёд деревенщину с ничтожным вкусом. Ваши глаза напоминают дешёвые драгоценности — тут же вспыхивают, как только вы ухватываете какой-нибудь маломальски нужный ответ. И сама вы вся просто

светитесь от радости. Так хочется быть хоть чем-то лучше своей мамаши. Хорошее питание позволило вам вырасти высокой и стройной, но вы всего лишь следующее за нашим поколение. Не думайте, что вы далеко ушли от нас, Старлинг. Кстати, откуда пошла эта фамилия? Похоже на Западную Вирджинию. Или Оклахому? Конечно, Оклахома, наверняка вы родом из глубинки. Вот и пришлось выбирать между колледжем и женским армейским корпусом, правильно? Могу рассказать вам даже кое-какие подробности вашей жизни, курсант Старлинг. В вашей комнате, например, вы держите золотые чётки. И всякий раз, когда вы бросаете на них взгляд и видите, что золотые бусинки уже просто слиплись от долгого лежания без дела, вы чувствуете, как ваш мозг словно пронзают острой иглой. Все эти утомительные «спасибо», «пожалуйста», вечное желание выглядеть искренне и пристойно… Всё это и заставляет бусинки на ваших чётках тускнеть и слипаться. Утомительно. Ох, как утомительно. Ску-у-учно. Да, желание вырваться вперёд требует больших жертв, не правда ли? Да и хороший вкус нельзя получить просто так, без всяких усилий. Так что когда вы будете думать о нашем разговоре, то вспомните только звериную

ухмылку на лице маньяка, да желание поскорее избавиться от него. Но если бусинки на чётках слипаются и тускнеют, не потускнеет ли со временем и кое-что и в вас самой, если вы будете продолжать жить в том же духе? Наверняка вы частенько думаете об этом долгими бессонными ночами. Я прав?

Старлинг подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Вы весьма проницательны, доктор Лектер. Я не буду отрицать ничего из того, что вы сказали. Но только что, вольно или невольно, вы начали отвечать на мой вопрос: Достаточно ли вы сильны для того, чтобы направить эту свою незаурядную проницательность на себя самого? Это не легко. Я поняла это за несколько последних минут. Ну так что? Взгляните на себя со стороны и напишите всю правду. Что может быть легче и в то же время тяжелее? Или вы просто боитесь себя?

— А вы напористы, Старлинг.

— В какой-то степени, да.

— И ненавидите мысль, что можете быть обыкновенной заурядностью, такой же, как все. Неужели это вас так мучит? Боже мой! Да нет, не переживайте, вы далеко не заурядны. Только

боитесь, что это так. Какого размера бусинки на ваших чётках? Семь миллиметров?

— Семь.

— Могу вам кое-что предложить. Достаньте где-нибудь несколько камней «тигровый глаз» и нанизайте их вперемешку с золотыми бусинками. Два плюс три или один плюс два, как вам больше понравится. Камень будет собирать цвет ваших глаз и отблеск волос. Вам когда-нибудь присылали «валентинки» — открытки с любовными стишками в День Святого Валентина?

— Да.

— А ведь до Дня Святого Валентина осталась всего неделя. Ожидаете снова получить от кого-нибудь открытку?

— Разве это когда-нибудь угадаешь?

— Да, действительно. Никогда не угадаешь… Знаете, я тут как раз размышлял о Дне Святого Валентина. Он всегда связан у меня с чем-нибудь смешным и весёлым. И теперь мне кажется, что я смог бы развеселить в этот день и вас, Старлинг.

— Каким образом, доктор Лектер?

— Ну, например, прислать вам к празднику «валентинку» с милыми стихами. Нужно обязательно подумать над этим. А сейчас прошу меня извинить. До свидания, Старлинг.

— А как же вопросы?

— Как-то один умник уже пытался разобрать меня по косточкам. Я съел его печень с овощным гарниром и запил бокалом красного вина. Так что бегите обратно в школу, крошка Старлинг.

Желая остаться вежливым до конца, Ганнибал Лектер не повернулся к ней спиной. Лишь боком прошёл вглубь камеры и там улёгся на свой топчан, тут же став таким же далёким и недосягаемым, как камень на могиле давно погибшего крестоносца.

Кларис вдруг почувствовала себя совершенно опустошённой, словно из неё выпустили всю кровь. Она долго копалась в сумочке, засовывая вопросник, не в силах сделать ни единого шага. Итак, полный провал. Она сложила стул и прислонила его к двери кладовой. Снова придётся проходить мимо этого проклятого Миггса. Насколько она могла рассмотреть, Барни в конце коридора был полностью погружён в чтение какой-то книги. Можно позвать его, чтобы он проводил её к выходу. Чёртов Миггс. Всё равно, что в городе пройти мимо бригады остряков-строителей. Напрягшись всем телом, Кларис двинулась по коридору.

Где-то совсем рядом раздалось шипение

Миггса:

— Я кулак разбил, теперь, наверное, умру-у-у-у. Смотри, как кровь хлещет!

Нужно было крикнуть Барни, но испугавшись, она невольно заглянула в камеру. Миггс тряхнул рукой — и прежде, чем она успела отвернуться, на щёку и плечо брызнули какие-то капли. Кларис резко отстранилась и тут заметила, что забрызгана не кровью, а спермой. И скорее почувствовала, чем услышала голос Лектера.

— Старлинг.

Нетвёрдыми шагами она упрямо зашагала к выходу, на ходу роясь в сумочке в поисках салфетки или платка.

— Старлинг, — снова позвал Лектер.

Но она уже взяла себя в руки и продолжала двигаться к бронированной стеклянной двери.

— Старлинг. — В голосе Лектера зазвучали новые нотки.

Кларис остановилась. *Что, чёрт возьми, я хочу этим доказать?* Миггс снова что-то прошипел, но она уже не слышала.

Она снова стояла перед камерой Лектера и взволнованно наблюдала очередной спектакль доктора. Она знала, что он обязательно учует на ней запах этой дряни. Он всё что угодно может

учуять.

— Мне очень жаль, что так произошло. Я всей душой ненавижу проявление грубости.

Как будто все его убийства требовали от него меньшей грубости, — подумала Кларис. — А может, ему просто доставляет удовольствие смотреть на неё, помеченную таким вот образом? Трудно сказать. Искры в его глазах угасли, словно светлячки, унёсшиеся в тёмную пещеру.

Да что бы это ни было, не упускай свой шанс, Кларис!

Она открыла сумочку и вытащила бумаги.

— Прошу вас, сделайте это для меня.

Поздно. Его взгляд снова был пустым и холодным.

— Нет. Но раз уж вы вернулись, я хочу, чтобы это было не зря. Я дам вам кое-что другое. То, что вы хотите больше всего на свете, Кларис Старлинг.

— Что, доктор Лектер?

— Я дам вам совет, как добиться продвижения по службе. Уверен, он отлично сработает — я в прекрасном настроении. День Святого Валентина навёл меня на эту мысль. — Улыбка на его лице могла означать что угодно. Он говорил очень тихо, так, что Кларис с трудом разбирала слова. —

Ищите свои открытки к Дню Святого Валентина в машине Распейла. Вы меня слышите? Ищите свои «валентинки» *в машине Распейла.* А сейчас вам лучше уйти. Не думаю, что Миггс сможет так быстро восстановить силы и повторить свою выходку, но кто его знает, он же всё-таки сумасшедший.

Глава 4

Кларис Старлинг чувствовала себя одновременно возбуждённой, уставшей и обескураженной. Кое-что из того, что Лектер сказал о ней, действительно было правдой, что-то только походило на правду.

На несколько секунд у неё потемнело в глазах, и она чуть было впервые в жизни не потеряла сознание. Все давно разложенные по полочкам мысли вдруг зашатались и разлетелись в разные стороны, словно под ударами великана, забравшегося в магазин хрустальной посуды.

Её злили слова Лектера в отношении её матери, но нужно было избавиться от злости. Работа есть работа.

Тяжело дыша, Кларис сидела в своём стареньком «Пинто», стоящем напротив лечебницы. Когда окна запотели, стало немного уютнее. Как будто непроницаемая стена отгородила её от суеты улицы.

Итак, Распейл. Она помнила это имя. Это был пациент Лектера и одна из его жертв. У неё был всего один вечер, чтобы ознакомиться с делом

Лектера. Папка оказалась очень толстой, а Распейл — всего лишь одной из многочисленных жертв. Нужно ещё раз подробно изучить дело. Все детали, касающиеся этого случая.

Старлинг уже собралась было тут же, не теряя ни минуты, рвануть в обратный путь, но, подумав, пришла к выводу, что сама выдумала всю эту срочность и спешку. Дело Райспела закрыто уже несколько лет назад. Никому не грозит никакой опасности. Время есть. Теперь гораздо важнее получить максимум информации и несколько раз взвесить каждую мелочь, прежде чем делать следующий шаг.

Кроуфорд вполне может забрать у неё это дело и передать кому-нибудь другому. Нужно постараться не упустить свой шанс.

Она попыталась дозвониться до него по автомату, но ей ответили, что Джека Кроуфорда срочно вызвали в Комитет по ассигнованиям.

Можно было бы разузнать о подробностях этого дела в отделе по расследованию убийств полицейского управления Балтимора, но убийство — не федеральное преступление, так что можно не сомневаться, что в этом случае у неё наверняка отберут дело.

Немного поразмыслив, Кларис отправилась

назад в Куонтико, в отдел исследования человеческой личности с его по-домашнему уютными шторами на окнах и пухлыми серыми папками, полными кошмаров. Когда отправилась домой последняя секретарша, Кларис расположилась в одном из кабинетов, чтобы прокрутить посвящённый Лектеру микрофильм. Старый проектор отбрасывал на её лицо причудливые разводы света.

Распейл Бенджамин Рене — первая флейта филармонического оркестра Балтимора. Пациент врача-психиатра доктора Ганнибала Лектера. 22 марта 1975 года не явился на концерт оркестра в Балтиморе. 25 марта его обнаружили мёртвым. Он сидел на скамье в небольшой деревенской церквушке возле Фоллс Чёрч, штат Вирджиния, одетый только в белую бабочку и фрак. Вскрытие показало, что Распейлу проткнули сердце, а затем вырезали зобную и поджелудочную железу.

Кларис Старлинг, которая с раннего детства знала о разделке туш даже больше, чем хотелось бы, помнила, что, вырезанные у молодого ягнёнка, эти органы всегда считались деликатесом.

Позже полиция Балтимора выяснила, что из желёз Распейла были приготовлены блюда, поданные на обеде в честь руководителя и главного

дирижёра филармонического оркестра Балтимора, который устраивал Лектер на следующий день после исчезновения флейтиста.

Доктор Ганнибал Лектер заявил, что не имеет об этом ни малейшего понятия. Руководитель и главный дирижёр оркестра не смогли припомнить каких-то необычных блюд на столе Лектера, хотя тот и считался большим знатоком кулинарного искусства и даже печатал многочисленные статьи в гастрономических журналах.

Позднее руководитель оркестра лечился в санатории Базеля от потери аппетита и алкоголизма.

Согласно данным полиции Балтимора, Распейл стал девятой по счёту найденной жертвой Лектера.

Флейтист не оставил завещания, и в течение нескольких последних месяцев, пока не затих интерес публики, газеты много писали о спорах родственников по поводу раздела его имущества.

Для более успешного, по их мнению, ведения судебной тяжбы, родственники Распейла, объединившись с семьями других жертв доктора Лектера, тайно уничтожили картотеку и все записи в кабинете психиатра. Неизвестно, какую чушь наболтает на допросах этот идиот о своих

жертвах, считали они. Картотека же, являясь документом, вполне может открыть суду самые нежелательные подробности о покойных.

В конце концов поверенным по делам наследства Распейла был назначен его адвокат — Эверетт Йоу. Именно у него и нужно было просить разрешения осмотреть машину. Но ради защиты памяти покойного тот мог уже давным-давно уничтожить всё мало-мальски важные улики.

Старлинг не терпелось действовать, но нужен был хороший совет и официальные полномочия. Она покопалась в телефонной книге и нашла домашний телефон Кроуфорда.

От волнения Кларис не слышала гудков, но внезапно в трубке раздался как всегда ровный и спокойный голос:

— Джек Кроуфорд слушает.

— Это Кларис Старлинг. Надеюсь, не оторвала вас от ужина… — Он молчал. Нужно было продолжать. — Сегодня Лектер сообщил мне кое-что о машине Распейла. Я сейчас в отделе, просматриваю его дело. Он сказал, что в машине Распейла находится какая-то улика. Я собираюсь действовать через его адвоката. Завтра суббота, занятий нет, так что я хотела бы попросить вас…

— Старлинг, вы помните, что я приказал вам

сделать с полученной информацией о Лектере? — Голос Кроуфорда звучал убийственно спокойно.

— Представить вам отчёт в воскресенье к 9.00.

— Вот и занимайтесь отчётом, Старлинг. Отчётом и ничем другим.

— Слушаюсь, сэр.

В трубке раздались короткие гудки.

Лицо Кларис исказила язвительная гримаса, глаза блеснули.

— Вот дерьмо собачье, — процедила она. — Старый козёл, сукин сын. Кончил бы этот Миггс на тебя, посмотрела бы я тогда, как бы ты запрыгал.

Когда Арделия Мапп, соседка Кларис по комнате, вернулась из библиотеки, Старлинг сидела в домашнем халате и усердно трудилась над отчётом. Спокойная, добродушная негритянка Мапп оказалась единственным нормальным человеком, с которым встретилась Кларис за весь день.

— Чем это ты сегодня занималась, девочка моя? — спросила Мапп, рассматривая осунувшееся и усталое лицо подруги.

— Да обхаживала одного сумасшедшего, а он обкончал меня с ног до головы.

— Боже, где бы мне найти такую общественную работу? Даже не знаю, и как ты всё это успеваешь? Да ещё умудряешься и занятия не пропускать.

Кларис разразилась хохотом. Арделия Мапп сдержанно улыбнулась. Старлинг продолжала хохотать, не в силах остановиться. Сквозь брызнувшие из глаз слёзы она увидела, что Мапп смотрит на неё с грустной улыбкой.

Глава 5

Пятидесятитрехлетний Джек Кроуфорд сидит во вращающемся кресле в спальне своего дома и читает при свете настольной лампы. Перед ним две кровати, обе приподняты на подставках до уровня больничных коек. Одна кровать его, на другой лежит жена Белла. Кроуфорд слышит её частое дыхание. Прошло уже два дня с тех пор, как она в последний раз смогла пошевелиться и произнести несколько слов. Её дыхание вдруг прерывается, Кроуфорд поднимает голову от книги и смотри на жену поверх очков с половинчатыми стёклами. Затем кладёт книгу на стол. Белла снова начинает дышать, сначала часто и прерывисто, потом полной грудью.

Кроуфорд встаёт, чтобы измерить ей пульс и давление. За последние несколько месяцев он научился прекрасно управляться с тонометром.

Чтобы оставаться рядом с женой и ночью, он перенёс свою кровать в её спальню. В темноте ему приходится часто проверять её состояние, поэтому и его кровать тоже стоит на подставках.

Если не считать положения кроватей и высоких

подушек для удобства Беллы, комната совсем не похожа на больничную палату. Кроуфорд сделал для этого всё возможное. На столе стоят цветы, но не слишком много. Не видно никаких лекарств — ещё перед тем, как забрать жену из клиники, он освободил бельевой шкаф в холле и сложил туда все таблетки, шприцы и ампулы. Привезя её тогда из больницы, Кроуфорд во второй раз в своей жизни перенёс жену на руках через порог собственного дома.

С юга пришёл тёплый фронт. Все окна в спальне открыты, воздух в комнате мягок и свеж. Откуда-то снаружи едва доносится тихое кваканье лягушек.

Комната безупречно чиста, но ковёр начал слегка тускнеть — Кроуфорд не включает в спальне громкий пылесос, а подметает обыкновенным веником, толку от которого, похоже, ни на грош. Он тихо подходит к шкафу и щёлкает выключателем. С обратной стороны на дверце приколоты листы бумаги. На одних он отмечает пульс и давление Беллы. Цифры, написанные им и медсестрой, дежурящей днём, занимают уже несколько десятков страниц, означая бесконечную вереницу беспокойных дней и бессонных ночей. На других листах медсестра оставляет список инъекций,

вводимых Бёлле в течение её дежурства.

Кроуфорд тоже умеет сделать любой укол. Следуя указаниям медсестры, ещё до того, как привезти жену домой, он долго практиковался сначала на лимоне, а потом на собственных ягодицах.

Кроуфорд несколько минут стоит у изголовья кровати, внимательно вглядываясь в лицо жены. Голова её повязана тонким шёлковым шарфом. Она настояла на этом, ещё когда была в состоянии на чём-то настаивать. А теперь он и сам привык к этому шарфу. Он смазывает ей губы глицерином и большим пальцем смахивает прилипшую к веку пылинку. Белла не шевелится. Переворачивать её ещё рано.

Стоя у зеркала, Кроуфорд убеждает себя, что абсолютно здоров, что не должен уходить в могилу вместе с женой, как бы ему этого и ни хотелось. Он ловит себя на этой предательской мысли, и ему становится стыдно.

Вернувшись в кресло, он не может вспомнить, что читал, и ощупывает книги в поисках той, которая ещё сохраняет тепло его пальцев.

Глава 6

В понедельник утром в почтовом ящике Кларис Старлинг обнаружила послание от Кроуфорда:

> К. С.
>
> Займитесь автомобилем Распейла. Но в свободное время. Мой отдел предоставит вам кредит для междугородных переговоров. Прежде чем выходить на поверенного или куда-то уезжать, обязательно свяжитесь со мной. Доложите в среду в 16.00. Директор ознакомился с отчётом по Лектеру за вашей подписью. Хорошая работа.
>
> Дж. К.

Кларис радостно улыбнулась. Конечно, она понимала, что Кроуфорд даёт ей это задание чисто для практики. Распейл мёртв вот уже восемь лет. Какие улики могут сохраниться в машине так долго? Но Кроуфорд хочет учить её. Хочет, чтобы она росла в своём деле. А это уже нечто гораздо большее, чем простое проявление вежливости.

Из опыта своей собственной семьи она зна-

ла, что поскольку автомобили падают в цене довольно быстро, апелляционный суд часто разрешает родственникам покойного продать машину ещё до утверждения завещания, а до принятия решения перевести полученные деньги на депозитный счёт. Поэтому маловероятно, что поверенный, даже такой преданный, как у Распейла, будет держать автомобиль так долго.

У Кларис хронически не хватало времени. Вместе с перерывом на ленч в её распоряжении был всего один час пятнадцать минут в день для телефонных звонков. А в среду уже нужно докладывать Кроуфорду о выполнении задания. Значит, за три дня у неё остаётся всего три часа сорок пять минут, чтобы отыскать машину, да и то если использовать все перерывы в занятиях, а домашние задания выполнять по ночам. Она всегда получала только «отлично» по методике расследования, и вот теперь представился случай на практике применить знания, полученные от опытных преподавателей и инструкторов.

В понедельник, во время перерыва на ленч Кларис трижды связывалась с балтиморским судом. Трижды её просили подождать и трижды забывали о ней. На одной из перемен она, наконец, попала на разговорчивого и довольно доброже-

лательного служащего, который отыскал копию решения суда о разделе имущества Распейла.

Служащий подтвердил, что родственникам действительно было дано разрешение на продажу автомобиля, и сообщил Кларис модель и серийный номер машины, сказав, что имени нового владельца автомобиля в документах не значится.

Во вторник она потратила больше половины перерыва на ленч, безуспешно пытаясь разыскать этого человека. Удалось узнать лишь то, что управление транспорта штата Мэриленд никогда не регистрировало автомобили по серийным номерам, используя в своей картотеке лишь регистрационные номера.

В этот же день, после обеда ливень заставил курсантов уйти со стрелкового полигона и разместиться в конференц-зале, тут же пропахшем потом и мокрой одеждой. Джон Брайэм, бывший преподаватель курса «Виды огнестрельного оружия» у морских пехотинцев, решил проверить силу рук Старлинг и, выставив её перед группой, посчитать, сколько раз за минуту она сможет нажать на курок девятнадцатой модели «Смит и Вессона».

Она нажала семьдесят четыре раза левой и,

сдув упавшие на глаза волосы, переложила пистолет в правую. Другой курсант начал отсчёт. Она стояла боком к импровизированной мишени, расставив чуть согнутые в коленях ноги, вытянув вперёд правую руку и прищурившись, хотя, погружённая в свои мысли, только к середине минуты смогла, наконец, ясно разглядеть мишень и нормально прицелиться.

Пока курсант громко считал щелчки, Кларис решилась задать Брайэму мучающий её вопрос и, не поворачивая головы, тихо шепнула:

— Как можно узнать, на чьё имя зарегистрирована…

— *…шестьдесят пять, шестьдесят шесть, шестьдесят семь, шестьдесят восемь, шестьдесят…*

— …машина, если знаешь только серийный номер…

— *…семьдесят восемь, семьдесят девять, восемьдесят, восемьдесят один…*

— …и модель?

— *…восемьдесят девять, девяносто. Время.*

— Так, хорошо, — обратился Брайэм к аудитории. — Я хочу, чтобы вы запомнили только одно: сила кисти играет главную роль при стрельбе из огнестрельного оружия. Некоторые из сидя-

щих здесь джентльменов сейчас нервничают, что я могу вызвать их к доске следом за Старлинг. И их переживания вполне оправданны — Старлинг намного превышает нормативы и правой, и левой. И всё потому, что она постоянно упражняется. Упражняется с обыкновенным эспандером, который может приобрести себе каждый. А большинство из вас никогда не сжимало ничего твёрже собственного… — Брайэм запнулся, вспомнив, что выступает не перед громилами из морской пехоты, а интеллигентными людьми с высшим образованием. — …собственного носа, — нашёлся он через секунду. — Кстати, Старлинг, вам тоже не мешало бы ещё немного поднажать. Я бы хотел, чтобы к окончанию Академии ваша левая рука тоже могла нажимать на курок девяносто раз. А сейчас разбились на пары и посчитали друг у друга. Хип-хоп! Начали! Подойдите ко мне, Старлинг. Что ещё известно об этой тачке?

— Только серийный номер и модель. Да ещё фамилия прошлого владельца.

— Хорошо, слушайте. Большинство бл… людей допускают ошибку, когда пытаются найти машину по регистрационному номеру. Если автомобиль продан в другой штат, вы тут же

потеряете след. Даже полиция часто ничего не может найти. Но все мы почему-то привыкли всегда искать машину только по регистрационному номеру.

Зал наполнился щелчками учебных револьверов, и ему пришлось наклониться к ней поближе.

— Но есть один довольно простой и надёжный способ. «Р. Л. Полк и Компания», которая выпускает телефонные справочники, регистрирует также и автомобили, используя для этого названия модели и серийный номер. Это единственная контора такого рода. Торговцы автомобилями пропускают через неё свою рекламу. А откуда вы узнали, что с этим вопросом нужно обратиться именно ко мне?

— Вы работали в межштатной комиссии по транспортировке грузов, и я подумала, что вам приходилось не раз сталкиваться с поисками пропавших автомобилей. Спасибо большое.

— Вместо спасибо лучше доведите левую руку до девяносто выстрелов в минуту и утрите нос некоторым из этих мужчин с музыкальными пальчиками.

Снова перерыв в занятиях — и снова телефонная кабина. Руки трясутся так, что едва можно

разобрать записанный на бумажке номер. У Распейла был «форд». Возле университета Вирджинии есть одна контора по продаже и ремонту «фордов», которая все пять лет учёбы поддерживала, как могла, её старенький «Пинто». Владелец неспеша просмотрел списки машин в справочнике «Полка» и через минуту выдал Кларис фамилию и адрес человека, на которого в последний раз была зарегистрирована машина Бенджамина Распейла.

Кларис умница. Кларис просто молодец. Не нервничай и держи себя в руках. И не будь дурой, звони ему прямо домой, в Арканзас. Джек Кроуфорд никогда не разрешит тебе ехать туда. Зато теперь ты хотя бы можешь сообщить ему имя владельца этой колымаги.

В трубке длинные гудки — и никто не подходит к телефону. Кларис звонила целый день, пробовала даже ночью, но телефон в Арканзасе упорно молчал.

В среду, во время перерыва на ленч, в трубке, наконец, раздался мужской голос:

— Слушаю вас. И давайте покороче.

— Здравствуйте, я звоню, чтобы…

— Значит так, я не занимаюсь отходами алюминия, не желаю путешествовать в трейлере во

Флориду, или что там ещё у вас?

В голосе мужчины Кларис уловила обилие характерных для жителей Арканзаса интонаций. Она могла бы поддержать шутку и ответить что-нибудь в том же духе, но времени балагурить не было.

— Сэр, я звоню по совершенно другому делу, и если вы мне поможете, буду вам весьма обязана. Мне нужно поговорить с мистером Ломаксом Бардуэллом. Меня зовут Кларис Старлинг.

— Никто не знает, кто такая Старлинг? — крикнул мужчина, очевидно кому-то из домашних. — А зачем вам понадобился Бардуэлл?

— Я звоню из средне-южного регионального отделения по обслуживанию «фордов». Он у нас в списках на бесплатный гарантийный ремонт.

— Ах, вот оно что. Это я Бардуэлл. А мне сначала показалось, что вы хотите всучить мне по телефону какой-нибудь товар. Но насчёт машины вы поздно побеспокоились, я уже присматриваю себе новую. Мы с женой ехали на ней из Литтл-Рок и возле Саусленд-Малл угодили в аварию.

— Как же так?

— Да, влетели прямо в лужу масла. Какой-то придурок вёз на грузовике несколько бочек масла, а на повороте его занесло, он и опрокинулся.

Ну и мы следом.

— Боже милосердный.

— Ох, и не говорите. Так шарахнулись, что все стёкла повылетали. Хорошо хоть живы остались.

— Ясно. И что с ним стало потом?

— С кем?

— С вашим «фордом».

— А, да двинул его Бадди Саппери с автомобильного кладбища. За пятьдесят зелёных. Думаю, он уже давно повытаскивал из него все внутренности.

— Вы не подскажете мне его номер, мистер Бардуэлл?

— А зачем это вам понадобился Саппер? Если кому что и причитается во всём этом деле, так уж только мне.

— Я понимаю, сэр. Просто выполняю распоряжение начальства. А оно распорядилось до пяти часов дня разыскать эту машину. Служба, сами понимаете. Так у вас есть его номер телефона?

— Да я уже два дня не могу найти свою телефонную книгу. Как кто-то ноги ей приделал. Беда с этими внучатами, наверняка они куда-то утащили. Да вы позвоните на «центральную», там должны знать. Саппер Сэлведж его полное имя.

— Очень вам благодарна, мистер Бардуэлл.

Сэлведж сообщил, что машина была разобрана на запчасти и пущена под пресс. Старший техник зачитал Кларис серийный номер.

— Дьявольщина, — прошептала Кларис. — Мёртвая точка. Вот тебе и «валентинки» к праздничку.

Она повесила трубку, прислонившись головой к холодному пластику телефона, и закрыла глаза. Арделия Мапп постучала в дверь и протянула ей банку апельсинового сока.

— Спасибо, Арделия. Мне нужно сделать ещё один звонок. Если быстро дозвонюсь, зайду за тобой в кафетерий, хорошо?

Мапп кивнула, закрыла дверь кабины и удалилась.

Старлинг чувствовала, что ей необходимо ещё раз встретиться с Лектером и попытаться выудить у него побольше информации. Если она сама договорится с доктором Чилтоном, быть может тогда Кроуфорд не станет возражать против её визита в психиатрическую лечебницу. Кларис набрала номер приёмной, но трубку взяла машинистка.

— Доктор Чилтон сейчас беседует со следователем и заместителем прокурора округа, — отрезала девушка. — Он уже разговаривал с вашим

начальством и не сможет сообщить вам ничего нового. До свидания.

Глава 7

— Ваш приятель Миггс мёртв, — проговорил Кроуфорд. — Вы мне всё рассказали, Старлинг? — Его усталое, измождённое лицо реагировало на каждый посторонний звук, как изогнутые перья на шее совы, встающие дыбом при каждом шорохе. Воспалённые глаза смотрели холодно и равнодушно.

— Как? — она почувствовала, что тело вдруг онемело.

— Где-то под утро проглотил собственный язык. Чилтон считает, что это Лектер толкнул его на такой поступок. Дежуривший ночью санитар слышал, как Лектер что-то тихо говорил Миггсу. Лектер знал о нём очень многое. Он что-то говорил ему, но санитар не смог разобрать слов. Миггс немного поорал, а потом затих. Так вы мне всё рассказали, Старлинг?

— Да, сэр. Почти слово в слово. И то, что было в отчёте, и то, что просто запомнила.

— Тут мне звонил Чилтон. Жаловался на вас… — Кроуфорд сделал небольшую паузу и, казалось, даже обрадовался, что она ни о чём не спроси-

ла. — Я сказал ему, что нахожу ваше поведение вполне удовлетворительным. Чилтон сейчас пытается избежать расследования по защите гражданских прав.

— А такое возможно?

— Конечно, если семья Миггса обратится в суд. В этом году было уже тысяч восемь подобных дел. Так что они будут даже рады добавить к этому списку ещё и Миггса. — Кроуфорд внимательно посмотрел на девушку. — С вами всё в порядке?

— Даже не знаю, как ко всему этому отнестись.

— Никак. По-моему, вам вообще нет смысла забивать этим голову. Лектер просто немного позабавился. Знал, что ему ничего за это не будет, так почему бы не подурачиться? Чилтон на несколько дней забрал у него книги, да снял унитаз, только и всего. — Кроуфорд сложил руки на коленях и свёл большие пальцы. — Лектер что-нибудь спрашивал обо мне?

— Он только поинтересовался, очень ли вы заняты. Я ответила, что да.

— И всё? Может, вы не хотите чего-то говорить, потому что боитесь, что мне будет неприятно это услышать?

— Нет. Он, правда, назвал вас стоиком, но я об этом написала.

— Да, написали… И больше ничего?

— Нет, я ничего не забыла и не утаила. Вы же не думаете, что я разговорила его какими-нибудь сплетнями?

— Нет.

— Да я и не знаю-то о вас ничего, а если бы и знала, всё равно не стала бы обсуждать. Если вы не верите мне, давайте разберёмся сразу.

— Я вполне удовлетворён. Переходите ко второму вопросу.

— Вы всё же что-то подумали, или…

— Переходите ко второму вопросу, Старлинг.

— Намёк Лектера на машину Распейла привёл в тупик. Четыре месяца назад она попала в аварию, была разобрана на запчасти и пущена под пресс. Может, если я снова схожу к Лектеру и поговорю с ним, он сообщит мне ещё что-нибудь?

— Вы проследили всю цепочку?

— Да.

— Почему вы думаете, что этот «форд» был единственной машиной Распейла?

— На его имя был зарегистрирован только «форд», он жил один, никакой семьи, и я решила…

— Ага, вот именно, — Кроуфорд поднял указательный палец, словно указывая на нечто

невидимое, но чрезвычайно важное. — Вы решили. Вы ре-ши-ли. Посмотрите сюда, Старлинг. — Кроуфорд придвинул блокнот и написал слово «решили». Многие из преподавателей Кларис знали за ним эту привычку, некоторые даже переняли её, но Старлинг не могла припомнить, что видела такой способ размышлять раньше.

— Итак, вы *решили,* Старлинг. — Кроуфорд начал подчёркивать слово. — Но если вы всё *решили ещё* до того, как я дал вам задание, то в *дураках* можете остаться не только *вы,* но *и я*. — Он удовлетворённо откинулся в кресле. — Распейл коллекционировал автомобили. Вы знали об этом?

— Нет. И что, они всё ещё могут находиться у поверенного?

— Не знаю. Сможете сами это выяснить?

— Да, смогу.

— С чего начнёте?

— Прямо с поверенного.

— А, я кажется помню. Адвокат из Балтимора, какой-то китаец…

— Эверетт Йоу, — подсказала Кларис. — Он есть в телефонной книге Балтимора.

— А как вы полагаете, для осмотра машины Распейла вам потребуется ордер?

Иногда Кроуфорд напоминал Старлинг всезнающую гусеницу из книжки Льюиса Кэррола. Но сейчас было не до того, чтобы обращать на это внимание.

— Поскольку Распейл мёртв и ни в чём не подозревается, то если мы возьмём разрешение на осмотр автомобиля у его поверенного, это будет вполне законный осмотр и обнаруженная таким образом улика будет считаться добытой вполне легальным путём, — протараторила Кларис, словно отвечая урок.

— Всё верно. А я, пожалуй, свяжусь с балтиморским отделением и предупрежу о вашем приезде. В субботу, Старлинг, в свободное от занятий время. Езжайте, ищите свою улику, если она там есть.

Кроуфорд сделал над собой усилие, чтобы не посмотреть ей вслед, когда она выходила из кабинета. Затем наклонился, вытащил из мусорной корзины скомканный листок розовой бумаги и разложил его на столе. На листке отрывистым почерком были начертаны следующие строки:

Философы, затеяли вы спор,
В каком погибнет этот мир огне.
Но не способны обратить вы взор На

женщину, что мечется во сне.

У женщины страшнейший жар.

С него начнётся мировой пожар.

Мне искренне жаль, Джек, что так случилось с Беллой.

Ганнибал Лектер

Глава 8

Сидя за рулём своего чёрного «бьюика» с наклейкой университета Де Пол на заднем стекле, Эверетт Йоу направлялся к выезду из Балтимора. Под тяжестью его тела машина слегка кренилась влево. Кларис Старлинг ехала следом, стараясь не отставать. Шёл проливной дождь. Над городом сгущались вечерние сумерки. День, выделенный ей для расследования, подходил к концу, и другого в ближайшее время не предвиделось. Запруженная машинами 301-я трасса не позволяла увеличить скорость. Кларис раздражённо забарабанила пальцами по рулю.

Йоу оказался тучным мужчиной интеллигентного вида, страдающим одышкой. На вид Кларис дала бы ему лет шестьдесят. Всё короткое время их знакомства он проявлял максимум любезности и уступчивости, и в том, что день прошёл для Старлинг практически впустую, его вины не было. Вернувшись уже после обеда из недельной командировки в Чикаго, балтиморский адвокат прямо из аэропорта сразу же поспешил в контору, чтобы встретиться с Кларис.

Йоу рассказал, что старую модель «паккарда» Распейл приобрёл ещё задолго до смерти. Не потрудившись даже зарегистрировать его, он сразу же загнал машину в гараж и ни разу никуда не выезжал на ней. Сам Йоу видел «паккард» всего один раз, когда делал опись имущества своего погибшего клиента. Машина была законсервирована и накрыта брезентовым чехлом. Если следователь Старлинг пообещает «сразу же честно рассказать» ему обо всём, что ей удастся обнаружить и что может причинить какой-то вред его безвременно погибшему клиенту, он готов без лишних проволочек сам показать ей автомобиль и вся официальная суета по оформлению разрешения будет не нужна.

Кларис важно восседала за рулём выделенного ей на один день фэбээровского «плимута» с форсированным двигателем и телефоном. Кроме того, Кроуфорд выписал ей новое удостоверение, в котором под её фамилией стояло просто «федеральный следователь». Удостоверение было действительно на одну неделю.

Они направлялись в «Мини-хранилища Сплит-Сити» в шести километрах от Балтимора. Медленно двигаясь в потоке машин, Старлинг, воспользовавшись телефоном, попыталась

узнать всё, что возможно, об этих хранилищах и к тому времени, когда они подъехали к оранжевому знаку «МИНИ-ХРАНИЛИЩА СПЛИТ-СИТИ — ПРЕДЪЯВИТЕ КЛЮЧИ», она уже получила кое-какие сведения.

Контора имела межштатную лицензию на право комиссионной торговли и перевозку грузов, выписанную на имя некоего Бернарда Гэри. Три года назад федеральный суд присяжных едва не осудил Гэри за перевозку краденых товаров из штата в штат, и сейчас повторно пересматривал вопрос о выдаче ему лицензии.

Йоу въехал под знак и показал ключи от ячейки молодому прыщавому парню в форменной куртке. Тот записал номера их машин, открыл ворота и нетерпеливо махнул рукой, словно его оторвали от какого-то более важного занятия.

Расположенные на открытом месте и продуваемые всеми ветрами «Мини-хранилища Сплит-Сити» занимались по большей части тем, что складировали у себя разделённое после развода имущество. Почти все помещения были забиты гостиными гарнитурами, чайными сервизами, старыми матрацами и детскими игрушками. В полицейском управлении Балтимора нисколько не сомневались, что где-то в недрах этого хра-

нилища спрятаны также и наиболее ценные «подарки» отдела по делам несостоятельности.

Всё здесь очень напоминало добротный военный склад: ровные ряды длинных строений общей площадью шесть гектаров, разделённых огнеупорными стенами на ячейки, каждая размером с хороший гараж, со своей отдельной поднимающейся кверху дверью. Умеренные цены позволяли хранить здесь вещи годами. Надёжно и безопасно. Вся территория была огорожена двумя рядами колючей проволоки, между которыми круглые сутки бегали по периметру хорошо знающие своё дело волкодавы.

Нижняя часть двери ячейки № 31, в которой покоился «паккард» Распейла, была завалена прошлогодними листьями вперемешку с бумажными стаканчиками и другим мусором. С обеих сторон двери висели огромные амбарные замки. Левый замок был опломбирован. Эверетт Йоу наклонился и внимательно проверил печать. Старлинг раскрыла зонтик и посветила ему фонариком.

— Ну что ж, кажется с тех пор, как я побывал здесь пять лет назад, замки никто не открывал, — сказал адвокат. — Видите, вот моя личная печать. Честно говоря, я думал, что родственники

окажутся более любопытными и за столько лет обязательно попытаются проникнуть внутрь.

Йоу взял у Кларис фонарь и зонт и позволил ей сделать несколько снимков замка и пломбы.

— У мистера Распейла была студия в городе, — продолжал он. — Я закрыл её, чтобы не платить лишние налоги. А всю мебель перевёз сюда и сложил рядом с машиной и другими вещами, которые здесь хранились. Да в этой студии и было-то всего-ничего. Пианино, кровать, несколько коробок книг да куча нотных тетрадей. — Он попытался вставить ключ. — Вот чёрт, а замки, похоже, заржавели. Плюс ещё не оттаяли после зимних морозов. Вот в этот, смотрите, ключ совсем не лезет.

Ему было трудно наклониться и дышать одновременно. Когда он попробовал присесть на корточки, коленки хрустнули.

Кларис с радостью заметила, что замки были классической модели фирмы «Американ Стандартс». Несмотря на их внушительный вид, она знала, что без труда смогла бы открыть их с помощью обыкновенного болта и молотка — в детстве отец показывал ей, как воры взламывают такие запоры. Только где сейчас найдёшь этот болт и молоток? У неё в машине не было даже обычного

набора инструментов.

Кларис порылась в сумочке и выудила баллончик с размораживателем, которым часто пользовалась, чтобы открыть свой «Пинто».

— Может, немножко отдохнёте в машине, мистер Йоу? Сядьте погрейтесь, а я пока поковыряюсь в замках. Возьмите зонт, дождь уже почти перестал.

Она подогнала к ячейке «плимут» и осветила дверь фарами. Затем достала из машины маслёнку, капнула в замки масла и побрызгала сверху размораживателем. Мистер Йоу любезно улыбнулся из своего «бьюика». Кларис была довольна, что адвокат оказался покладистым интеллигентным человеком. По крайней мере, можно спокойно выполнять задание, зная, что в его лице всегда найдёшь понимание и поддержку.

Уже совсем стемнело. Наконец, замок в руках Кларис подпрыгнул, словно лягушка, и открылся. Со вторым, уже пропитавшимся маслом, возиться пришлось меньше.

Но дверь не желала подниматься. Кларис напрягалась из всех сил, пока в глазах не заплясали яркие точки. Йоу вышел из машины, чтобы помочь, но, похоже, в его толстеньких пухлых ручках было не особенно много силы.

— Можно подъехать сюда на следующей неделе, — предложил он. — Захватим с собой моего сына или пару рабочих. Просто сейчас мне бы хотелось поскорее попасть домой.

Но Кларис не очень-то надеялась, что сможет вернуться сюда ещё раз: Кроуфорду будет намного проще позвонить и поручить это дело балтиморскому отделению.

— Я постараюсь побыстрее, мистер Йоу. У вас в машине есть домкрат?

Подставив домкрат под ручку двери, она всем телом налегла на рычаг. Дверь отчаянно скрипнула и приподнялась на пару сантиметров. Потом, чуть выгнувшись посередине, сдвинулась ещё на сантиметр, и ещё, пока Кларис не удалось подложить под неё запасное колесо. Удерживая дверь таким образом, она установила домкрат мистера Йоу и свой собственный под оба края двери ближе к пазам, по которым когда-то свободно бегали её заржавевшие теперь ролики, и, орудуя поочерёдно то одним, то другим, за несколько минут подняла её примерно на полметра, где та застряла окончательно, несмотря на то, что Кларис из всех сил давила на рычаги домкратов.

Мистер Йоу снова поспешил на помощь и снова от его толстого, заплывшего тела оказалось

мало толку.

— Хм, а оттуда воняет, — заметил он. — Вроде как мышами. Странно, а в контракте написано, что они обрабатывают все ячейки мышиным ядом. Но я, кажется, даже слышу, что там кто-то копошится… Вот сейчас, слышите?

— Слышу, — кивнула Кларис, и посветив под дверь фонариком, выхватила из темноты несколько картонных коробок и большое плоское колесо в брезентовом чехле.

Она отогнала «плимут» чуть дальше, так, чтобы свет фар попадал под дверь, и вытащила из под сидения резиновый коврик.

— Вы что, хотите лезть внутрь? — удивился адвокат.

— Мне обязательно нужно посмотреть, что там, мистер Йоу.

Толстяк вынул из кармана носовой платок.

— Могу я посоветовать вам хотя бы обвязать штанины вокруг лодыжек? Мыши так любят забираться под одежду.

— Спасибо, сэр, хорошая мысль. В общем так, мистер Йоу, если дверь вдруг сорвётся и захлопнется, ха-ха-ха, или случится что-нибудь ещё, я вас попрошу, будьте так любезны позвонить вот по этому телефону. Это наше отделение в

Балтиморе. Они в курсе, что я сейчас здесь с вами и забеспокоятся, если от меня долго не будет никаких известий. Вы слушаете?

— Да, да, конечно. Я всё понял. — Он протянул ей ключи от «паккарда».

Кларис бросила коврик на сырую после дождя землю перед дверью ячейки и легла, придерживая рукой фотоаппарат и контейнер с полиэтиленовыми пакетами для вещественных доказательств. Брюки были обвязаны на лодыжках носовыми платками — мистера Йоу и её собственным. На лицо упало несколько дождевых капель. В нос ударил запах мышей и плесени. Ни с того, ни с сего на ум вдруг пришли латинские выражения. Абсурд.

Перед её первым занятием по судебному праву, преподаватель написал на доске девиз древнеримских врачей: *Primum non nocere.* Первое — не навреди.

Никто не сказал, что в этой чёртовой ячейке полно мышей.

И вдруг в памяти возник голос отца: «Знаешь, Кларис, если не можешь играть тихо, без визга и писка, иди-ка тогда домой».

Она застегнула верхнюю пуговицу на блузке, вобрала голову в плечи и проскользнула под

дверь.

«Паккард» стоял задом к входу почти вплотную к левой стене ячейки. С правой стороны поднимались стопки картонных коробок. Кларис изогнулась и вползла в узкий проход между машиной и коробками. Луч фонарика выхватил из темноты густую сеть паутины. «Королевские ткачи», отметила про себя Кларис. Паутина чуть провисает и сплетена очень аккуратно.

Ну что ж, нужно только следить, чтобы не нарваться на коричневых «отшельников», но обычно они не плетут свои сети в таких местах. А от остальных вреда никакого.

У заднего бампера «паккарда» проход был чуть шире и ей удалось встать на колени. Лицо оказалось как раз на уровне заднего колеса машины. Кларис заметила, что обод и резина покрыты толстым слоем засохшей плесени. Сбив рукой паутину, она поднялась на ноги.

— Всё в порядке, мисс Старлинг? — раздался снаружи голос Йоу.

— Нормально, — крикнула она. От вибрации её голоса струны пианино издали тихий высокий звук. Фары «плимута» освещали её ноги до колен.

— Вы что, уже добрались до пианино? — снова

позвал адвокат.

— Нет, оно само.

— О, Господи.

Машина оказалась очень длинной и непривычно высокой. Лимузин «паккард» 1938 года, если верить записи в документах Йоу. Накрыт брезентовым чехлом. Она осветила автомобиль фонариком.

— Это вы накрывали машину чехлом, мистер Йоу?

— Когда я здесь был, она уже была накрыта, — крикнул тот из-за двери. — Я даже не стал снимать чехол. Не переношу пыли, знаете ли. Наверное, ещё сам Распейл её накрыл. А мне тогда нужно было просто убедиться, что автомобиль на месте. Те грузчики, с которыми я привёз мебель из студии, поставили у стены пианино, накрыли его какой-то тряпкой, сложили возле машины несколько коробок и ушли. Я оплачивал им за один час работы. А в коробках в основном книги и ноты.

Чехол оказался толстым и неимоверно тяжёлым. Когда Кларис потянула его, вверх взметнулись тучи пыли. Она дважды чихнула и, встав на цыпочки, с трудом сдвинула чехол к середине машины. Окна «паккарда» оказались наглухо

завешены шторками. На ручке двери лежал толстый слой пыли. Кларис перегнулась через коробки. Но ручка не опускалась. Заперто. Причём изнутри, снаружи никакого замка не видно. Ну, конечно. Дверь-то задняя. Кларис принялась передвигать коробки, чтобы освободить переднюю дверь, и вдруг заметила, что между шторками на заднем окне есть узкая щель.

Кларис снова перегнулась через коробки, вплотную приблизила лицо к пыльному стеклу и направила луч фонарика в щель. Ничего не видно, кроме собственного отражения. Она прикрыла фонарик рукой. Луч пополз по заднему сидению… и осветил открытый альбом. К страницам были приклеены старые «валентинки».

— Ну, спасибо, доктор Лектер, — выдохнула Кларис, подняв облачко пыли. От учащённого дыхания стекло запотело. Ей не хотелось вытирать его. Пришлось отвернуться и подождать, пока оно не прояснится само.

Луч фонарика двинулся дальше. Прополз по свёрнутому коврику и осветил пару лакированных мужских туфель. Чуть выше — чёрные носки, над носками — брюки от вечернего костюма, явно одетые на чьи-то ноги.

Здесьженебылоникогоцелыхпятьлет… спокой-

но, спокойно, крошка, не нервничай, соберись.

— Эй, мистер Йоу, вы там?

— Да, мисс Старлинг?

— Мистер Йоу, похоже тут в машине кто-то сидит.

— О, Господи-Боже мой… Может, вам лучше вылезти обратно?

— Пока нет, мистер Йоу. Подождите, пожалуйста, ещё немного, если можете.

Так, теперь нужно думать. Собраться и думать. Поплакать в подушку сможешь и дома. А сейчас нужно взять себя в руки и соображать… Во-первых, нельзя нарушить возможные следы. Чёрт, как хочется, чтоб хоть кто-нибудь помог. Правда, больше всего хочется задрать голову и повыть, как волк. Ничего, если поднимешь на ноги всё балтиморское отделение и полицию, а тут ничего такого не окажется, так уж точно завоешь. Ну, увидела ты что-то похожее на ноги. Если бы мистер Йоу знал, что здесь покойничек, он ни за что бы не привёз тебя сюда. Она невольно улыбнулась про себя. «Покойничек» прозвучал нелепой бравадой. *Со дня последнего приезда Йоу здесь никого не было. И что это значит? А это значит, что когда сюда заносили все эти коробки, это что-то или кто-то уже был в машине. Из*

чего следует, что можно двигать эти коробки направо и налево и не бояться нарушить следы.

— У меня всё в порядке, мистер Йоу.

— Хорошо. Может вызвать полицию? Или сами справитесь?

— Справлюсь. Только подождите, пожалуйста, ещё немного.

Передвинуть коробки оказалось не проще, чем сложить кубик Рубика. Она попыталась держать фонарик под мышкой, дважды уронила его на пол и, наконец, установила на крыше «паккарда». Нужно было переставить передние коробки назад, ближе к входу. Несколько книг упали на пол и завалились под машину. Какая-то щепка или осколок больно уколола палец.

Наконец, можно заглянуть в пыльное окно правой передней двери. Между большим рулём и ручкой скоростей какой-то паук сплёл шикарную паутину. Перегородка между передними и задними сидениями закрыта.

Кларис было подумала, что зря не смазала ключ от «паккарда» маслом, но он вошёл и провернулся в замке на удивление легко.

Из-за проклятых коробок дверь открылась всего лишь на треть. Из машины пахнуло гнилью и какими-то химикатами. Где-то она уже слышала

этот запах. Но где? Нет, сейчас вряд ли удастся вспомнить.

Кларис наклонилась в кабину, опустила перегородку и посветила фонариком на заднее сидение. Луч тут же выхватил белую рубашку с блестящими запонками, быстро метнулся дальше, к лицу, но лица не видно, снова вниз, на рубашку, запонки, атласные лацканы, брюки с расстёгнутой молнией — и ещё раз вверх, на тонкую чёрную «бабочку» и воротничок, из которого виднеется короткая белая шея манекена. Но чуть выше шеи что-то ещё, слегка отражающее свет. Ткань, чёрный чехол, в котором должна быть голова, огромный, словно внутри большая клетка с попугаем. Бархат — определила Кларис.

Чехол, накрывающий воображаемую голову, покоился на куске фанеры, лежащем одним концом на спинке заднего сидения, а другим — на шее манекена.

Кларис достала фотоаппарат, сделала несколько снимков и выбравшись из машины, замерла в темноте, соображая, что делать дальше.

Само собой, о том, чтобы привозить сюда агентов из балтиморского отделения не могло быть и речи. Что им тут смотреть? Манекен с расстёгнутой ширинкой да альбом со старыми

«валентинками»?

Мысль, что нужно забраться на заднее сидение и посмотреть, что находится под бархатным чехлом, не заставила себя долго ждать. И долго взвешивать её тоже не имело никакого смысла. Кларис сунула руку в машину, отперла заднюю дверь и принялась снова передвигать коробки, чтобы она открылась. Казалось, за этой работой прошла целая вечность.

Сзади запах гнили и химикатов оказался намного сильнее. Кларис аккуратно, за самый уголок, подняла альбом и положила его на разложенный на крыше пакет для вещественных доказательств. Потом положила на сидение ещё один пакет и забралась внутрь. Тихо скрипнула пружина. Манекен чуть пошатнулся, словно приветствуя севшую рядом гостью. Рука в белой перчатке соскользнула с колена и легла на сидение. Кларис дотронулась до неё дрожащим пальцем. Рука оказалась твёрдой. Она осторожно стянула с неё перчатку. Кисть была сделана из белой пластмассы. Брюки чуть ниже пояса как-то странно оттопыривались. Такое бывало у мальчишек, когда она ещё училась в школе.

Из под сидения донёсся писк и слабое царапанье. Нежно, словно лаская, Кларис ощупала

бархатный чехол. Ткань свободно накрывала что-то тяжёлое и гладкое. Нащупав наверху круглую ручку, она всё поняла. Это был большой лабораторный сосуд для образцов. И Кларис уже догадалась, что внутри. Со страхом, но без малейших колебаний она сдёрнула чехол.

Голова внутри сосуда была аккуратно отделена от тела чуть ниже подбородка. Выеденные спиртовым раствором глаза смотрели прямо на девушку. Из открытого рта торчал синевато-серый язык. За долгое время часть спирта испарилась, и верх головы начал разлагаться. По-совиному наклонившись над искусственным телом, она с глупым удивлением таращилась на Кларис. Даже в пляшущем свете фонарика черты лица оставались застывшими и мёртвыми.

Кларис попыталась проанализировать свои чувства в этот момент и осталась довольна. Страха и паники не было. Сидя в старой тёмной машине среди мышей и пауков, рядом с отрезанной человеческой головой, она была спокойна и соображала ясно и чётко. Можно гордиться собой.

Но за дело.

Она осторожно прислонилась спиной к сидению и огляделась.

Это был чей-то мир, любовно созданный и бесконечно далёкий от проходящей в сотне метров шумной 301-й трассы.

В прикреплённых к стенкам вазах застыли засушенные цветы. Столик опущен и накрыт льняной салфеткой. На нём тускло поблёскивает запылённый графин. Между ним и стоящим рядом подсвечником паук сплёл замысловатую паутину.

Она попыталась представить себе Лектера или кого-то ещё, сидящим здесь в компании с её нынешним соседом, попивающим коньяк и показывающим своему «другу» старые «валентинки». Что ещё? Осторожно, стараясь не нарушить положения манекена, она попыталась найти у него какие-нибудь документы. Ничего. В кармане пиджака лежали полоски ткани, оставшиеся после укорачивания брюк — скорее всего, костюм был новым, когда его натягивали на манекен.

Кларис потрогала то место, где оттопыривались брюки. Слишком уж твёрдо, даже для мальчишек из школы. Она раздвинула пальцами ширинку и осветила фонариком отполированный, резной деревянный брусок. Ого, неплохой размерчик, подумала Кларис и тут же одёрнула себя: нельзя же быть до такой степени циничной.

Она повернула сосуд и осмотрела голову со всех сторон, ища какие-нибудь раны. Никаких следов. Единственная находка — название фирмы производителя, выбитое на стеклянной стенке сосуда.

В очередной раз разглядывая лицо, она вдруг поняла, что даёт ей силы и присутствие духа во всей этой ситуации. Несмотря на всё отвращение и страх, смотреть на это лицо, осознавая, что выполняешь свою, хотя и малоприятную работу, было легче, чем представлять себе Миггса, проглотившего собственный язык. Она чувствовала, что сможет смотреть на всё, что угодно, если это можно будет сравнить с чем-то более ужасным.

Кларис Старлинг была очень молода.

Фургон телекомпании УПИК скрипнул тормозами и замер. Джонетта Джонсон быстро вставила в уши золотые серёжки, припудрила хорошенькое коричневое личико и оценила обстановку. Её фургон, перехватив сообщение балтиморской полиции, прибыл на место происшествия раньше патрульных машин.

Фары и прожектора фургона освещали лишь мокрую от дождя Кларис Старлинг, стоящую у приподнятой двери ячейки с фонариком и удостоверением в руке.

Джонетта Джонсон с первого взгляда распо-

знала в ней новичка. Она подхватила камеру, выбралась из кабины и в сопровождении остальных членов группы подошла к девушке.

Спрятавшись в своём «бьюике», мистер Йоу так низко опустился на сидении, что снаружи была видна только шляпа.

— Меня зовут Джонетта Джонсон, новости УПИК. Вы уже сообщили в отдел по расследованию убийств?

Старлинг не очень-то походила на сурового стража закона и прекрасно понимала это.

— Я из федеральных органов, — отрезала она. — И нахожусь на месте преступления. Поэтому мне необходимо сохранить его в неприкосновенности пока власти Балтимора…

Ассистент оператора схватился за дверь и попытался поднять её повыше.

— Отойдите! — крикнула Кларис. — Я *вам* говорю, сэр. Отойдите, отойдите, пожалуйста. Я не шучу. Не приближайтесь к двери.

Вот когда пожалеешь, что у тебя нет формы, значка и дубинки.

— Прекрати, Гарри, — бросила Джонетта и снова повернулась к Кларис. — Видите, мы готовы сделать всё, что вы скажете. Только, понимаете, вся эта команда стоит немалых денег, поэтому я

просто хотела бы узнать, есть ли вообще смысл держать их здесь до приезда властей. Может, хотя бы скажете, есть там труп или нет? Камера выключена, так что не волнуйтесь, всё будет между нами. Скажите, и мы подождём. Мы будем хорошо себя вести, тихо-тихо, как мышки, обещаю. Ну так что?

— На вашем месте я бы подождала, — кивнула Кларис.

— Спасибо, вы не пожалеете, — обрадованно оживилась Джонетта Джонсон. — Знаете, у меня тут есть кое-какая информация об этих «Мини-хранилищах Сплит-Сити», может, вам пригодится. Идите сюда, посветите мне, пожалуйста, фонариком в кабину, я попробую найти.

— Только что в ворота въехал фургон УИТИ, — объявил тот, которого звали Гарри.

— Так, сейчас попробую найти, где же это… ага, вот. Два года назад здесь был крупный скандал, эту контору хотели обвинить в том, что она хранит и перевозит что-то там незаконное, боеприпасы, что ли? Или какое-то оружие? — Джонетта Джонсон лепетала без умолку, то и дело поглядывая через плечо Кларис.

Старлинг обернулась и увидела, что оператор уже наполовину пролез под дверь ячейки, а

ассистент присел на корточки и уже собрался передавать ему портативную камеру.

— Эй! — закричала Кларис, и подпрыгнув к оператору, схватила его за рубашку. — Что вы делаете? Это нельзя. Эй! Не смейте туда лезть!

Оператор, похоже, даже не слушал, потому что всё то время, пока она говорила, тихо и монотонно бормотал своё:

— Да мы ничего там не будем трогать. Мы ж профессионалы, так что можешь не переживать. Полиция всё равно нас туда пустит. Да что ты так нервничаешь, всё нормально, золотко.

Его идиотское поведение в конце концов вывело Кларис из себя. Она подбежала к одному из домкратов и нажала на рычаг. Дверь слегка опустилась. Она нажала ещё. Дверь опустилась ниже и коснулась груди оператора. Убедившись, что бедняга не сможет пролезть ни назад, ни вперёд, она вытащила из домкрата рычаг, и подошла к распростёртому под дверью оператору. В глаза бил свет уже нескольких телевизионных фургонов, примчавшихся в надежде на сенсацию. Кларис громко постучала рычагом по двери над самой головой оператора.

— Прошу минутку внимания, — крикнула она. — Послушайте, что я вам скажу. Убирайтесь

отсюда все. Живо. Даю минуту. Оставшихся арестую за сопротивление властям.

— Успокойся, детка, — спокойно сказал ассистент, положив руку ей на плечо. Кларис резко стряхнула её и обернулась. Стоящие у фургонов телевизионщики зашумели. Вдалеке послышался вой сирен.

— Убери руки и уматывай, козёл. — Она наступила на ногу оператору и бросила испепеляющий взгляд на ассистента. В опущенной руке был зажат рычаг от домкрата. Кларис так и не подняла его. Хватило и взгляда. Когда позже эту сцену показали по телевизору, она сама испугалась собственного вида.

Глава 9

Запахи, источаемые жуткой камерой, в полумраке казались ещё более тяжёлыми. В коридоре беззвучно работал телевизор. Свет от экрана отбрасывал тень Кларис Старлинг на решётку клетки доктора Лектера.

В темноте, за металлическими прутьями, не было видно абсолютно ничего, но она не стала просить санитара включить свет. С его пульта камеру можно было осветить в одно мгновение, и за час до неё следователи балтиморской полиции уже использовали такой приём, безуспешно пытаясь допросить Лектера. Тот наотрез отказался говорить, а в ответ на все вопросы сделал им бумажного цыплёнка, который мог клевать, если нажимать на хвост. Взбешённый старший следователь, выйдя в вестибюль, разорвал цыплёнка на мелкие клочки и приказал Старлинг попробовать самой поговорить с Лектером.

— Доктор Лектер! — Она слышала собственное дыхание, дыхание из других камер по всему коридору, — и никаких звуков из пустой клетки Миггса. Она почти физически ощущала её страш-

ную пустоту.

Кларис знала, что Лектер наблюдает за ней из темноты. Прошло несколько минут. После борьбы с дверью ячейки Распейла у Старлинг ныла спина и просто отваливались руки. Одежда была ещё мокрой от дождя и пота. Она подстелила куртку и села на пол в полуметре от решётки, подобрав под себя ноги и откинув назад влажные, перепачканные волосы.

За её спиной на телеэкране размахивал руками какой-то проповедник.

— Доктор Лектер, мы оба знаем, что к чему. Они считают, что со мной вы не откажетесь говорить.

Молчание. Где-то в конце коридора какой-то сумасшедший начал насвистывать весёлую мелодию. Через пять минут она заговорила снова:

— Знаете, в прошлый раз, когда я приходила сюда, то чувствовала себя очень странно. Когда-нибудь я хотела бы поговорить с вами об этом.

Из камеры Лектера вдруг выехал поднос, заставив Кларис подпрыгнуть от неожиданности. На подносе лежало чистое, аккуратно сложенное полотенце. Она не слышала, как он положил его туда.

— Спасибо, — пробормотала Кларис, и взяв

полотенце, вытерла мокрые волосы.

— Почему вы не спрашиваете меня о Буйволе-Билле? — Голос звучал совсем близко, примерно на её уровне. По всей вероятности, Лектер тоже сидел на полу.

— А вы что-то знаете о нём?

— Знал бы, если бы посмотрел дело.

— У меня его нет, — покачала головой Кларис.

— У вас не будет и этого, когда они используют вас до конца.

— Понимаю.

— Вы могли бы достать дело Буйвола-Билла? Отчёты, фотографии? Я хочу посмотреть.

— Может, теперь вы расскажете мне об этом человеке в «паккарде»?

— Вы что, нашли там целого человека? Странно. Я лично видел только голову. Откуда же взялось всё остальное, как вы думаете?

— Ну, хорошо. Так чья это голова?

— А что вы сами можете сказать?

— Проведена только предварительная экспертиза. Белый мужчина, примерно двадцати семи лет, зубы лечил в Европе и в Америке. Кто это был?

— Любовник Распейла. Нашего флейтиста-гомосексуалиста.

— Каковы же обстоятельства его… Как он умер?

— Решили перефразировать вопрос, курсант Старлинг?

— Нет, я…

— Можете не тратить зря время. Скажу вам сразу: я его не убивал. Это сделал сам Распейл. Знаете, ему нравились моряки. Этот был как раз из них. Скандинав, по имени Клаус или что-то в этом роде. Распейл никогда не называл мне его фамилии.

Голос Лектера теперь звучал откуда-то снизу. Должно быть, он лёг на пол, подумала Кларис.

— Клаус списался со шведского судна в Сан-Диего. Распейл в то лето как раз преподавал там в консерватории. Увидел парня и тут же почувствовал себя рядом с ним неустрашимым древнескандинавским витязем. Швед посмотрел на такие дела, да и сбежал с судна. Они купили какой-то ужасного вида трейлер и гарцевали по лесам в неглиже. А потом Распейл рассказал, что парнишка оказался неверным и он задушил его.

— Распейл сам вам это рассказал?

— Да, на конфиденциальных сеансах психотерапии. Но я думаю, он наврал. Вечно любил всё приукрашивать. Хотел казаться страшным и

романтичным. Скорее всего, швед просто задохнулся во время какой-нибудь банальной половой экзальтации. Распейл был слишком хилым и слабым, чтобы задушить его.

— Понимаю.

— Голубая мечта Распейла о счастье растаяла, как дым. Он положил голову Клауса в лабораторный сосуд со спиртом и вернулся на восток.

— А что он сделал с телом?

— Закопал где-то в горах.

— Он показывал вам эту голову в машине?

— Да, после нескольких терапевтических сеансов он так расчувствовался, что уже мог рассказывать мне всё, что угодно. Он часто приходил к Клаусу, садился рядом с ним в машину и показывал ему «валентинки».

— А потом и сам Распейл… умер. Почему?

— Честно говоря, я жутко устал от его постоянного хныканья. Это лучшее, что можно было для него сделать, поверьте. Терапия не давала никаких результатов. Я думаю, у большинства психотерапевтов есть парочка-другая пациентов, которых бы они с радостью отослали ко мне. Я ни с кем ещё не разговаривал на эту тему, да и скучно всё это.

— А потом этот ваш обед для руководителей

оркестра.

— Разве вы никогда не встречали людей, у которых просто нет времени бегать по магазинам за продуктами? Вот и приходится обходиться тем, что оказалось под рукой, Кларис. Вы разрешите называть вас Кларис?

— Конечно. А я буду называть вас…

— Только доктор Лектер. Это более всего соответствует вашему возрасту и моему положению.

— Хорошо.

— А что вы чувствовали, когда попали в эту ячейку? — вдруг спросил он.

— Омерзение.

— Из-за чего?

— Из-за мышей и пауков.

— Вы применяете какое-то средство, чтобы совладать с нервами?

— Нет, ничего из всего, что я знаю, не действует. Только желание как можно лучше и быстрее выполнить свою работу.

— А у вас не возникает никаких вольных или невольных воспоминаний при виде таких картин?

— Не знаю. Я об этом как-то не задумывалась.

— Ну, может, какие-нибудь яркие сцены из прошлого?

— Нужно будет обратить внимание.

— А что вы почувствовали, когда услышали о моём старом приятеле, бедняге-Миггсе? Вы ничего не спрашиваете у меня об этом.

— Как раз собиралась.

— Вы обрадовались, когда услышали о нём?

— Нет.

— Опечалились? Огорчились? Расстроились?

— Нет. Вы действительно уговорили его это сделать?

Доктор Лектер тихо засмеялся.

— Вы спрашиваете меня, курсант Старлинг, *склонил* ли я мистера Миггса к самоубийству? Не будьте наивной. В том, что он проглотил свой слишком длинный язык, есть определённая, довольно милая симметрия, вы не согласны со мной?

— Нет.

— Это ложь, Старлинг. Первая ложь, которую я слышу от вас. Печальный инцидент, как сказал бы Трумэн.

— Президент Трумэн?

— Не обращайте внимания. Как вы думаете, почему я помог вам?

— Не знаю.

— Джек Кроуфорд симпатизирует вам, не прав-

да ли?

— Не знаю.

— И это тоже, скорее всего, неправда. А вам самой нравится, что он симпатизирует вам? Скажите, вы ведь очень хотите сделать ему приятно и всегда очень беспокоитесь по этому поводу? Вы же *беспокоитесь* о том, чтобы сделать ему приятно?

— Все хотят нравиться, доктор Лектер.

— Нет, не все. А как вы думаете, Джек Кроуфорд испытывает к вам сексуальные чувства? Он сейчас очень расстроен. Как вы думаете, он представляет себе… сценарии, картины того… как трахает вас?

— Этот вопрос меня не интересует, доктор Лектер, и спрашивать такие вещи больше подошло бы Миггсу, чем вам.

— Он уже ничего не сможет спросить.

— Так это вы предложили ему проглотить язык?

— Я слишком часто улавливаю в ваших вопросах повелительные нотки. С такими интонациями вы должны ещё направить на меня настольную лампу. Кроуфорд явно симпатизирует вам и считает вас достаточно умной и компетентной. Наверняка всё это не просто слу-

чайное стечение обстоятельств, Кларис — вам помогали и Кроуфорд, и я. Вы говорите, что не знаете, почему Кроуфорд помогает вам. А почему помог я, знаете?

— Нет. Скажите мне.

— Думаете, потому, что мне нравится смотреть на вас и представлять, как я вас ем и какой вы окажетесь на вкус?

— Нет?

— Нет. Я хочу получить кое-что от Кроуфорда и буду торговаться с ним. Но сам он сюда не придёт. Он не попросит у меня помощи. Даже в деле с Буйволом-Биллом. Даже прекрасно понимая, что это будет стоить жизни ещё нескольким молодым женщинам.

— Я не могу поверить в это, доктор Лектер.

— Мне нужна очень простая вещь, и он в состоянии дать мне её. — Лектер медленно повернул ручку реостата. В камере зажёгся тусклый свет. Книги исчезли. Унитаз тоже исчез. Чилтон очистил клетку, чтобы наказать Лектера за Миггса. — Кларис, я сижу здесь вот уже восемь лет. Я знаю, что меня ни за что не выпустят отсюда до конца моих дней. Но мне нужно хоть немного видеть внешний мир. Хотя бы окно, чтобы я мог смотреть на какое-нибудь дерево или

пусть даже на воду.

— Разве ваш адвокат не добивался…

— Чилтон поставил в коридор телевизор и включил на религиозный канал. Как только вы уйдёте, санитар снова включит звук и мой адвокат будет бессилен что-либо сделать. Суд относится ко мне не очень-то благосклонно. Я хочу, чтобы меня перевели в какое-нибудь федеральное заведение, вернули книги и разрешили смотреть в окно. Я заплачу за это хорошую цену. И Кроуфорд вполне может всё организовать. Попросите его.

— Я могу только передать ему ваши слова.

— Он их просто проигнорирует. А Буйвол-Билл будет продолжать гулять на свободе и делать свои дела. Подождите, пока он сдерёт шкуру ещё с кого-нибудь, посмотрим, что вы тогда запоёте… Знаете, даже не заглядывая в дело Буйвола-Билла, я скажу вам одну вещь, и через многие годы, когда его, наконец, поймают, если его вообще когда-нибудь поймают, вы увидите, что я был прав, увидите, что я мог вам помочь. И спасти многие жизни. Так вот, вы слушаете меня, Кларис?

— Да.

— Буйвол-Билл живёт в двухэтажном доме, — медленно проговорил доктор Лектер и выключил

у себя свет.

Кларис поняла, что теперь больше ничто не заставит его говорить.

Глава 10

Кларис склонилась над игровым столом учебного казино, пытаясь сосредоточиться на лекции о том, как крупье выуживают деньги из азартных игроков. Прошло тридцать шесть часов с тех пор, как окружная полиция Балтимора сняла с неё показания (вспомнился следователь за печатной машинкой, курящий сигарету за сигаретой: «Если вас беспокоит дым, можете открыть окно».) и разрешила отбыть в Академию, напомнив, что убийство не является федеральным преступлением.

В вечернем выпуске воскресных новостей показали её стычку с телеоператором, и теперь она чувствовала, что основательно влипла. И на фоне всего этого — ни звука от Кроуфорда или балтиморского отделения. Как будто она и не посылала им никакого отчёта.

Казино, в котором сейчас стояла Кларис, было небольшим и располагалось в обыкновенном трейлере. Несколько лет назад ФБР конфисковало трейлер и перегнало его на территорию Академии, устроив в нём нечто похожее на учеб-

ную площадку. Тесная комнатка была до отказа забита полицейскими различной юрисдикции. Старлинг уже дважды пришлось отшучиваться от домоганий техасского полисмена и инспектора из Скотланд-Ярда.

Остальная часть её группы находилась в холле Академии, ползая по учебному ковру в поисках волос на месте «преступления на сексуальной почве». Другие осматривали «типичный городской банк», разыскивая оставленные «грабителем» отпечатки. Сама Кларис за время занятий по судебному праву сняла несколько отпечатков и нашла столько волос, что вместо этого её отправили на лекцию в учебное казино.

Ей вдруг пришло в голову, что её отделили от группы и ещё по одной причине: может, они всегда изолируют курсантов перед тем, как вышвырнуть вон из Академии?

Кларис упёрлась локтями в игровой стол и изо всех сил попыталась сконцентрироваться на способах выуживания денег. Но вместо этого, подумала о том, как, должно быть, ФБР не любит видеть своих агентов на экранах телевизоров, если те появляются там не в качестве официальных представителей на официальных пресс-конференциях.

Доктор Ганнибал Лектер являлся чем-то вроде наркотика для представителей прессы, и полиция Балтимора с радостью сообщила репортёрам её фамилию. Снова и снова она видела себя в вечернем выпуске воскресных новостей. Вот «Старлинг из ФБР» в Балтиморе, лупит рычагом от домкрата по двери ячейки, пока несчастный оператор пытается выбраться из ловушки. А вот «федеральный агент Старлинг» с грозным видом поворачивается к ассистенту, сжимая в руке всё тот же рычаг от домкрата.

Компания УПИК, завалив репортаж, объявила о том, что возбудит судебное дело против «Старлинг из ФБР», а заодно и против самого Бюро, потому что, когда Кларис колотила рычагом от домкрата по двери, на лицо лежащего оператора посыпался мусор и одна соринка даже попала в глаз.

Джонетта Джонсон из УПИК объявила, что Старлинг обнаружила останки в результате некой «подозрительной связи с человеком, которого власти не называют иначе чем *чудовище!*» — Наверняка у УПИК действительно были свои люди в психиатрической лечебнице.

НЕВЕСТА ФРАНКЕНШТЕЙНА — объявляла первая полоса газеты «Нэшинал Таттлер».

ФБР отказалось официально прокомментировать это событие, но Кларис была уверена, что внутри самого Бюро наверняка уже ходили самые разные слухи по этому поводу.

Во время завтрака один из одногруппников Старлинг, молодой человек, насквозь пропахший дешёвым лосьоном, назвал её Джеймсбондихой. То, что тихо ответила ему Арделия Мапп, заставило парня побледнеть и пулей вылететь из-за стола, не закончив завтрак.

Кларис почти физически ощущала образовавшееся вокруг неё кольцо молчания и была готова к чему угодно.

Читая лекцию, преподаватель то и дело вращал колесо рулетки. Но шарик не бросал. Глядя на него, Кларис почему-то подумала, что ему не приходилось бросать этот шарик ни разу в жизни. Вдруг до неё дошло, что он что-то говорит ей.

— Кларис Старлинг.

— Да?

Преподаватель кивнул на дверь за её спиной. Ну, вот до неё и добрались. Приехали, мисс Старлинг. Пожалуйте-ка вон. С замершим сердцем Кларис оглянулась. Но это оказался всего лишь Брайэм. Встретив взгляд девушки, он жестом пригласил её выйти.

Нет, если бы её хотели вышвырнуть из Академии, то наверняка не поручили бы это Брайэму.

— Седлайте коня, Старлинг, — сказал он, когда Кларис вышла в холл. — Где ваши боевые доспехи?

— В моей комнате… Крыло «С».

Ей пришлось почти бежать, чтобы поспевать за Брайэмом. В руках он нёс чемоданчик с оборудованием для снятия отпечатков пальцев, но не учебный, а настоящий, самого нового образца, и маленькую холщовую сумку.

— Вы летите с Джеком Кроуфордом. Прямо сегодня. Возьмите всё необходимое, возможно придётся заночевать.

— Куда мы летим?

— Утром охотники на уток в западной Вирджинии нашли в реке Элк тело. Похоже на работу Буйвола-Билла. Местная полиция уже занимается. Но это такое захолустье, что Джек решил сам всё посмотреть. — Брайэм остановился у входа в крыло «С». — Ему нужен помощник, способный снять отпечатки с трупа, да и вообще там будет много всяких дел. У вас, по-моему, «отлично» по снятию отпечатков, да?

— Да. Разрешите, я проверю содержимое.

Брайэм открыл чемоданчик. Внутри оказалось

всё необходимое, кроме фотоаппарата.

— Мне нужен ещё «Полароид» с объективом КЮ-5, чистые пластины и батареи.

— Я всё взял. — Он вручил ей холщовую сумку, такую тяжёлую, что Кларис сразу же поняла, почему помочь ей собраться поручили именно гиганту-Брайэму.

— У вас ещё нет табельного оружия и полевой формы, верно?

— Верно.

— Вам нужен полный комплект. Здесь костюм, в котором вы ходили на занятия по стрельбе. А пистолет мой собственный. Тот же «Смит и Вессон», с каким вы упражнялись на стрельбище, только немного грязный, почистите, если будет возможность. Через десять минут жду вас в машине у входа в крыло «С». Да, кстати, душа в «Голубом каноэ» нет, так что, пока есть время, советую ополоснуться. Всё, вперёд, Старлинг. Хип-хоп.

Она хотела спросить что-то ещё, но Брайэм уже исчез.

Наверняка Буйвол-Билл, если Кроуфорд едет лично. А что же такое «Голубое каноэ»? Ладно, потом спрошу, а сейчас нужно собираться. Кларис быстро сложила вещи.

— А что такое… — начала она, сев в машину.

— Всё нормально, — перебил Брайэм. — Пушка немного оттопыривается под курткой, но пока что не перед кем стесняться.

Плоская кобура с тупоносным револьвером больно била по рёбрам. С другой стороны на ремне болталось несколько запасных обойм.

Брайэм завёл мотор и на максимальной скорости направился прямо на полевой аэродром Куонтико.

— Что мне нравится на стрельбище, Старлинг, так это то, что там не бывает никаких сплетен, — проговорил он, прокашлявшись.

— Что?

— Вы молодчага, что держали эту чёртову ячейку до приезда балтиморских фараонов. Что, сильно волновались из-за этих телевизионщиков?

— Я наделала глупостей, да?

— Слушай, мы с тобой сейчас один на один, так?

— Так.

Брайэм снова заговорил привычным для него языком морского пехотинца.

— То, что Джек убрал тебя сегодня от группы, было доверием с его стороны. Ну, чтобы никто те-

бя не тормошил. Знаешь, какой-нибудь ублюдок из отдела профпригодности увидит тебя перед собой и пойдёт слюной брызгать. Врубаешься, что я говорю?

— Угу.

— А Кроуфорд молоток. Крутой мужик. Всем объяснил, что ты была обязана охранять место преступления. В общем, отмазал на все сто. Хотя, если разобраться, он сам отправил тебя туда без всякой подпоры, ни пушки не дал, ни значка — ни хрена. Кстати, он это тоже сказал, когда тебя защищал. Да и эти балтиморские легавые плелись как те черепахи. А сегодня, когда Кроуфорду понадобился помощник, Джимми Прайс сказал, что сможет только через час прислать кого-нибудь из лаборатории. Короче, всё тебе как по заказу, Старлинг. Да и жмурика этого всего полдня как выловили. Так что это тебе совсем не наказание, но если кто-то хочет видеть это так — хрен с ними, пусть себе думают, что хотят. Понимаешь, Кроуфорд мужик, конечно, умный и хитрый, но не переваривает ничего объяснять, почему я тебе всё это и говорю, сечёшь? А если уж ты попала с Кроуфордом в упряжку, то должна хоть знать, как с ним обращаться, да что он за человек. Знаешь что-нибудь о нём?

— Вообще-то нет.

— У него куча проблем и кроме этого козла Буйвола-Билла. Его жена, Белла, в тяжёлом состоянии. Она… короче, недолго протянет. Он держит её дома. Если б не этот Буйвол-Билл, он бы наверняка взял отпуск.

— Я не знала.

— Об этом не болтают направо-налево. И ты не вздумай ему ляпнуть, что соболезнуешь или ещё что-нибудь в этом духе. Это его не утешит… Они всю жизнь вместе прожили. И прожили классно.

— Хорошо, что вы мне сказали.

Они подъехали к аэродрому.

— В конце курса я буду читать несколько важных лекций, — продолжал он, проносясь между ангарами. — Постарайся не пропустить.

— Обязательно постараюсь.

— Знаешь, много из того, что я вам долдоню, может никогда и не пригодиться. Даже хорошо, если так. Но у тебя есть кое-какие способности, Старлинг. Если чувствуешь, что нужно стрелять, стреляй. Как в тире.

— Хорошо.

— И никогда не держи пистолет в сумочке.

— Хорошо.

— Вечерком попробуй выхватить его пару раз

для практики. И всегда прячь так, чтобы можно было быстро достать.

— Обязательно.

Древний «Бичкрафт» уже стоял на взлётной полосе с включёнными маяками и открытой дверью. Вращающийся пропеллер приминал к земле высокую траву.

— Это что, и есть «Голубое каноэ»? — вскинула брови Кларис.

— Ага.

— Такой маленький. И старый.

— Да уж, не супер-новая модель, — улыбнулся Брайэм. — Флоридский отдел по борьбе с наркобизнесом давным-давно конфисковал его у каких-то дельцов. Вообще-то тарахтит вроде без перебоев. Надеюсь начальство не просечёт, что мы его взяли — вы должны были ехать на автобусе.

Он подкатил к самолёту, выскочил из машины и вытащил багаж Кларис. Затем неловко похлопал девушку по плечу и пожал руку. И вдруг, сам не зная почему, проговорил:

— Да благословит тебя Господь, малышка.

Из уст громилы — морского пехотинца слова прозвучали настолько странно, что Брайэм сам удивился своей сентиментальности и покраснел.

— Спасибо, — попыталась улыбнуться Кларис. — Спасибо, мистер Брайэм.

Кроуфорд, в рубашке с короткими рукавами и тёмных очках, сидел на месте второго пилота. Услышав, что пилот захлопнул дверь, он повернулся к Кларис.

За стёклами очков не было видно глаз, и она смотрела на него, как на совершенно незнакомого человека. Кроуфорд был бледен и напряжён.

— Садитесь и прочитайте вот это, — коротко бросил он.

На заднем сидении лежала толстая папка. На обложке было написано: ДЕЛО БУЙВОЛА-БИЛЛА. Кларис опустилась на сидение, самолёт сорвался с места и побежал по взлётной полосе.

Глава 11

Края взлётной полосы расплылись и унеслись вниз. Маленький самолёт сделал разворот и устремился на восток, к северному утреннему солнцу, прочь от Чесапикской бухты.

Кларис Старлинг молча смотрела вниз, на кажущиеся игрушечными здания Академии и базу морской пехоты. На учебном полигоне копошились крохотные фигурки солдат.

Вот, значит, как всё это выглядит с высоты птичьего полёта.

Однажды после ночных занятий по стрельбе, когда усталая Кларис возвращалась обратно в Академию, она услышала шум пролетающих над головой самолётов, и потом, во вновь наступившей тишине — голоса сброшенных с парашютом десантников, переговаривающихся между собой в тёмном ночном небе. Интересно, подумала она тогда, какие чувства испытывает парашютист, сидя в самолёте в ожидании команды «Пошёл!»? Что ощущает он, когда бросается вниз, в ревущую тьму?

Должно быть, то же самое, что и она сейчас.

Кларис открыла дело.

Насколько знала полиция, вот уже пять раз убийца-маньяк совершал свои чудовищные преступления. Минимум пять раз (а возможно и больше) в последние десять месяцев он похищал женщин, убивал и сдирал с них кожу. Кларис скользнула взглядом по протоколам вскрытия и гистологическим анализам, чтобы убедиться, что он всё же сначала убивал, а потом уже делал всё остальное.

Покончив с жертвой, он бросал её в водный поток. Каждое тело находили в различных реках, обычно ниже по течению от крупных межштатных магистралей. Все в различных штатах. Буйвол-Билл не сидел на одном месте. Но это было всё, что о нём знали, кроме, ещё, пожалуй, того, что у него имелся по крайней мере один пистолет. Скорее всего «Кольт» тридцать восьмого калибра.

Вода не оставляла ни отпечатков, ни каких-либо других следов на теле жертвы.

Почти наверняка убийца был белым мужчиной. Белым, потому что все, кто совершает целую серию убийств, выбирают своих жертв из своей же этнической группы, а все убитые Буйволом-Биллом женщины были белыми. Мужчиной,

потому что убийцы-маньяки женщины в наше время практически не существуют.

Двое обозревателей из какого-то крупного журнала взяли для названия своей статьи строку из старого забытого стихотворения «Буйвол-Билл»: *«Как тебе нравится твой маленький мальчик, Мистер Смерть…».*

Кто-то, возможно даже сам Кроуфорд, записал эту цитату на внутренней стороне обложки дела.

Не было никакой связи между тем местом, где Буйвол-Билл похищал молодых женщин и местом, где он бросал их в воду.

В случаях, когда тела находили достаточно быстро, чтобы можно было более-менее точно определить время наступления смерти, полиция вычислила ещё одно обстоятельство: некоторое время убийца держал у себя жертвы живыми и убивал лишь через семь-десять дней после похищения. Это означало, что у него имелось какое-то уединённое убежище.

А это, в свою очередь, доказывало, что он был не бродягой, колесящим с места на место, а скорее, пауком, время от времени выползающим наружу, чтобы затащить к себе в нору очередную жертву. Но где находилась эта нора, не знал никто.

Именно это и приводило жителей страны в

наибольший ужас — целую неделю он прятал где-то свою будущую жертву, зная, что в конце концов убьёт её.

Две девушки были повешены, ещё три — застрелены. Ни на одной не было следов насилия перед убийством, протоколы вскрытия не указывали на какие-либо повреждения «определённых органов», хотя патологоанатомы отмечали, что в тех телах, которые успели разложиться сильнее, выявить подобные вещи практически невозможно.

Все жертвы были найдены совершенно обнажёнными. В двух случаях верхнюю одежду погибших обнаружили на обочине дороги недалеко от их домов. Причём оба платья были разрезаны на спине, подобно костюмам для покойников.

Кларис довольно спокойно просмотрела фотографии. Из всех видов трупов морально тяжелее всего работать с утопленниками. Всегда проникаешься к ним какой-то совершенно ненужной жалостью, как впрочем почти ко всем жертвам, которыми занимается отдел по расследованию убийств. А то, что все их страдания часто открыты случайным взглядам, вызывает просто злость, если работа в таком месте вообще даёт тебе право на это чувство.

Часто на месте убийства вокруг трупа собира-

ются свидетели неблагопристойных поступков жертвы, а зачастую и жертвы самой жертвы — избитые жёны, подвергавшиеся издевательствам дети — и шепчутся, что покойник, если разобраться, сам заслужил такой конец. И очень часто оказываются правы.

Но в этом случае никто из жертв не заслужил такого конца. С содранной кожей и изуродованными водой лицами они валялись на замусоренном берегу какой-нибудь грязной вонючей речки посреди пустых консервных банок и смятых бумажных стаканчиков, к виду которых мы все так привыкли. Старлинг напомнила себе, что их зубы не были оскалены от боли, а тот вид, в котором их обнаружили — всего лишь результат работы рыб и других обитателей реки. Билл снимал кожу только с торсов, оставляя совершенно нетронутыми руки и ноги.

Кларис подумала, что смотреть на эти снимки было бы легче, если бы в кабине не было так жарко. Если бы этот чёртов самолёт не вилял из стороны в сторону, оттого, что один пропеллер загребал воздух лучше, чем второй, да ещё если бы это проклятое солнце не било в обшарпанный иллюминатор с такой силой, что начинала раскалываться голова.

Всё равно его *можно* поймать. Старлинг уцепилась за эту мысль, пытаясь взять себя в руки и не поддаться панике, читая всю эту ужасную информацию. Лишь, оставаясь хладнокровной, она поможет остановить его. И тогда можно будет положить это пухлое дело в сейф и навсегда забыть о нём.

Кларис задумчиво смотрела в затылок Кроуфорда. Если она хочет остановить Буйвола-Билла, то сделать это можно только в команде Джека. Кроуфорд уже организовал три увенчавшиеся успехом охоты на маньяков-убийц. Конечно, не без потерь. Уилл Грэм, один из самых проницательных умов, какие когда-либо были в распоряжении Джека, легенда Академии ФБР, по слухам жил со своим обезображенным до неузнаваемости лицом во Флориде, превратившись в законченного алкоголика.

Должно быть Кроуфорд почувствовал на себе её взгляд. Он выбрался из своего кресла и сел рядом с Кларис. Когда он снял тёмные очки и снова надел свои обычные, с половинчатыми стёклами, лицо его снова стало знакомым.

Пилот в очередной раз повернул штурвал.

Кроуфорд мельком взглянул на дело и поднял глаза на Кларис. По лицу пробежала лёгкая тень.

— Что-то мне очень жарко, а вам? — спросил он и повернулся к пилоту. — Бобби, тут просто парилка.

Бобби нажал на какую-то кнопку, и в кабину хлынул поток прохладного воздуха. На голову Кларис даже упало несколько крошечных снежинок.

Джек Кроуфорд снова превратился в охотника. Глаза сверкнули азартным холодным блеском. Он открыл дело на странице с картой центральной и восточной части Соединённых Штатов. На ней были обозначены места, где обнаружили тела жертв — разбросанные точки, похожие на крохотные звёзды из далёкого созвездия Ориона.

Кроуфорд вынул из кармана ручку и поставил последнюю точку — место, куда направлялся сейчас их самолёт.

— Река Элк, примерно девять километров вниз по течению от трассы № 79, — пояснил он. — Здесь нам повезло, тело зацепилось за леску какого-то охотника на уток. Сейчас его отправили в Поттер, центр округа. Нужно побыстрее выяснить, кто она, чтобы попытаться отыскать свидетелей похищения. Как только получим отпечатки, тут же отправим их в лабораторию. — Кроуфорд оторвался от карты и взглянул на девушку сквозь

половинчатые стёкла очков. — Джимми Прайс говорит, вы умеете работать с утопленниками.

— Вообще-то с настоящими иметь дело мне ещё не приходилось. Я только снимала отпечатки с тех рук, что получал мистер Прайс. Но очень многие из них в самом деле принадлежали утопленникам.

Те, кто никогда не работал под началом Джимми Прайса, считали его довольно чёрствым человеком. На самом же деле это был милый, хотя и придирчивый старик. Во время практики по судебной медэкспертизе Старлинг работала вместе с ним в отделе скрытых отпечатков центральной лаборатории ФБР в Вашингтоне, который он возглавлял.

— Папаша Джимми, — нежно проговорил Кроуфорд. — Как это у него там называют такую работу?

— Место в шутку называют «лабораторная помойка», а саму работу — «школой неврастеников».

— Во-во.

— Улыбаются и говорят тебе, чтобы ты не волновалась и представила, что препарируешь обыкновенную лягушку.

— Понятно…

— А потом кто-то приносит гигиенический пакет, и все улыбаются и ждут, когда тебя вырвет. Но зато я научилась прекрасно снимать отпечатки с утопленников. Знаете…

— Хорошо, а теперь посмотрите сюда. Его первая, насколько нам известно, жертва, была обнаружена в реке Блэкуотер в штате Миссури. Пропала в Белведере, штат Огайо, в апреле, то есть двумя месяцами раньше. Здесь удалось узнать не особенно много — прошло целых три месяца со дня её обнаружения, прежде, чем установили её личность. Следующую он похитил в Чикаго во второй половине апреля. Спустя десять дней её нашли в реке Уабаш недалеко от посёлка Лафайетт, штат Индиана. Тут уже мы смогли определить, что с ней произошло. Затем была белая девушка чуть больше двадцати лет. Выловили в реке Роллинг-Форк возле трассы 1–65 в пятидесяти километрах к югу от Луизвилла, штат Кентукки. До сих пор не удалось узнать, кто она. Потом была женщина по имени Варнер. Похищена в Эвансвилле, штат Индиана, найдена в реке Эмбаррас недалеко от 70-й трассы на востоке Иллинойса. Затем он рванул на юг и бросил очередную жертву в реку Канасога недалеко от Дамаскуса, штат Джорджия. Выловили недалеко

от 75-й трассы. Звали её Киттридж, вот кстати её фотография. Ему чертовски везёт, никто никогда не видел, как он похищал свои жертвы. Так что кроме того, что все они выловлены около больших автомагистралей, не видно никакой системы.

— Если посмотреть откуда и куда ведут трассы, возле которых найдены жертвы, они нигде не совпадают?

— Нет.

— А что если… постулировать… что он сбрасывает предыдущую жертву и похищает очередную во время одной и той же поездки? — Кларис изо всех сил старалась избегать запретного слова «предположить». — На случай, если он вдруг попадётся на похищении, ему обязательно нужно первым делом выбросить труп, правильно? Тогда, если его схватят, то не имея в машине тела, он будет обвиняться всего лишь в попытке похищения. Может, стоит попробовать прочертить обратные вектора от мест похищения к местам затопления?

— Неплохая мысль, но, похоже, он и это предусмотрел. Если он действительно делает оба дела за одну поездку, то получается большой круг. Мы уже закладывали все эти вещи в компью-

тер, пробовали самые различные комбинации, направления его движения, даты похищения и даты затопления. Бедная машина чуть не расплавилась от натуги. И что же выдала? Он живёт где-то на востоке. Он не подвержен влиянию лунных циклов. Никаких совпадений. Нет, Старлинг, он далеко не дурак и чувствует, что мы только и ждём его ошибки.

— То есть вы считаете, что он слишком осторожен для обычного психопата?

— Без всякого сомнения, — кивнул Кроуфорд. — Он прекрасно знает, как нужно действовать. И очень хочет продержаться подольше. И на то, что он сделает глупость или в отчаянии сам придёт с повинной, можно не надеяться.

Кроуфорд достал термос, налил по стакану воды пилоту и Кларис, а себе плеснул минералки.

Самолёт пошёл на снижение.

— И ещё кое-что, Старлинг. Конечно, очень важно, чтобы вы качественно сняли все отпечатки, но я жду от вас большего. Вы не очень-то много говорите, и это хорошо, я тоже стараюсь не болтать попусту. Но никогда не молчите, когда чувствуете, что можете сообщить мне какой-нибудь новый факт. Всё это очень и очень серьёзно. Вы увидите это дело свежим взглядом и обяза-

тельно заметите что-то такое, что мог упустить я. Я хочу знать всё. Возможно, у вас есть какое-то особое чутьё. Во всяком случае, сейчас появилась возможность проверить это.

Слушая его, Кларис вдруг поняла, что Кроуфорд уже давно знал, что привлечёт её к этому делу. Неужели он и вправду верит, что у неё есть особое чутьё? Хотя ему, как начальнику, должно быть виднее.

— Думайте о нём, — продолжал Кроуфорд. — Думайте о тех местах, где он был. Старайтесь не проникаться к нему особой ненавистью, хотя это и тяжело. И тогда, если повезёт, из всего того, что вы узнали, что-то привлечёт ваше внимание и кольнёт, словно иглой. Всегда говорите мне обо всём, что привлечёт ваше внимание, Старлинг. И ещё. Преступление уже само по себе достаточно сложная и запутанная вещь. Но часто бывает и так, что расследование ещё сильнее переворачивает всё дело с ног на голову. Не позволяйте стаду полицейских сбить и запутать ваши мысли. Думайте сами и прислушивайтесь только к себе. Не обращайте внимание ни на что, что происходит вокруг. Не пытайтесь подогнать этого убийцу под какой-нибудь уже знакомый шаблон. Он сам покажет вам всё, что нужно. И

последнее. Все расследования такого типа связаны с огромным количеством полномочных лиц. Некоторые из них — просто неудачники. Нужно уметь обращаться с ними, и если не превращать в помощников, то хотя бы постараться сделать так, чтобы они не мешали в работе. Сейчас мы летим в Поттер, штат Западная Вирджиния. Я ничего не знаю о тех людях, которые нас там ждут. Они могут оказаться великолепными доброжелательными ребятами, или наоборот, подумать, что мы заримся на их хлеб и начать вставлять нам палки в колёса.

Пилот снял наушники и обернулся.

— Заходим на посадку, Джек. Вы остаётесь там, сзади?

— Да, — кивнул Кроуфорд и снова взглянул на Кларис. — Учёба закончилась, Старлинг.

Глава 12

Похоронное бюро, самое большое здание на Поттер-стрит посёлка Поттера, штат Западная Вирджиния, служило также и моргом округа Рэнкин. Коронёром в нём работал семейный врач — доктор Эйкин. Если он решал, что причина смерти вызывает сомнения, то тело переправляли в соседний округ, в региональный медицинский центр в Клэкстоне, где работал опытный патологоанатом.

По дороге с аэродрома, сидя на заднем сидении патрульной машины шерифа и наклонясь к перегородке, обычно отделяющей водителя от задержанного, Кларис Старлинг слушала, как сидящий за рулём заместитель шерифа рассказывал обо всём этом Кроуфорду.

У здания морга готовились к началу похорон. На тротуаре и ступеньках толпились плакальщицы, одетые в чёрное. За долгие годы и сам дом, и высокая лестница немного покосились.

На частной стоянке позади здания, где стояло несколько катафалков, под большим вязом уже ожидали двое молодых и один старый замести-

тель шерифа, а также двое полицейских.

Когда патрульная машина въехала на стоянку, Кларис окинула их быстрым взглядом и тут же поняла, что может сказать об этих людях довольно многое. Она уже знала, что вместо стенных шкафов в их домах стоят огромные старомодные шифоньеры и даже видела, какая одежда хранится в этих шифоньерах. Знала, что в детстве старый заместитель шерифа каждый день стоял на грязной улице в ожидании школьного автобуса, а весной у него на шее обязательно висели связанные шнурками чистые ботинки, как и у её отца, когда он был школьником. Знала, что они носили свои школьные завтраки в бумажных пакетах с жирными пятнами от многократного использования, и, съев завтрак, аккуратно сворачивали эти пакеты и засовывали в задний карман застиранных джинсов.

Интересно, а что мог бы сказать о них Кроуфорд?

Изнутри на задних дверцах патрульной машины ручек не оказалось. Кларис обнаружила это, когда Кроуфорд и водитель уже вышли и направились к заднему входу похоронного бюро. Пришлось стучать в стекло, пока её не заметил один из стоящих под деревом заместителей

шерифа. Водитель густо покраснел, вернулся к машине и открыл ей дверь.

Когда она проходила мимо собравшихся под вязом мужчин, все краем глаза окинули её с ног до головы. Один сказал: «Здрасьте, мадам». Кларис кивнула, послав ему вежливую улыбку и поспешила за Кроуфордом.

Когда она отошла, один из молодых заместителей почесал шею и вяло заметил:

— По-моему, она не выглядит и на половину того, что о себе думает.

— Ну, если она думает просто *«чертовски хороша»,* я бы с ней вполне согласился, — отозвался другой. — Так и влез бы в неё весь целиком, как в спальный мешок.

— Эх, а я бы лучше влез сейчас в какой-нибудь тулупчик, а то холодновато что-то, — пробормотал тот, что постарше.

Когда Кларис вошла в контору, Кроуфорд уже разговаривал с невысоким плотным мужчиной в очках с металлической оправой и модных туфлях, которые в каталогах назывались не иначе, как «Ромео». Мужчина оказался исполняющим обязанности шерифа.

Они перешли в полутёмный задний коридор, где тихо гудел автомат кока-колы, а вдоль стен

стояли довольно странные для похоронной конторы вещи: педальная швейная машина, трёхколёсный велосипед, рулон искусственного газона и прикреплённый к столбам полосатый тент. Стену украшала репродукция «Святой Сицилии за пианино». Волосы девы были заплетены в уложенные на голове косы, откуда-то с воздуха на клавиши падали розы.

— Спасибо, что так быстро связались с нами, — поблагодарил Кроуфорд.

Исполняющий обязанности шерифа нахмурился.

— Вам позвонил кто-то из прокуратуры округа, — ответил он. — Насколько я знаю, шериф Перкинс не мог связаться с вами. — Вместе с миссис Перкинс он сейчас отдыхает на Гаваях. Сегодня утром я говорил с ним по телефону, в восемь часов утра по нашему времени, это три часа на Гаваях. Он сказал, что перезвонит к концу дня. Так вот мистер Перкинс считает, что задача номер один — узнать, не из нашего ли округа девушка. Чтобы не получилось так, что вы, посторонние, будете просто вмешиваться в наши внутренние дела. Так что, прежде, чем предпринимать какие-то шаги, я настаиваю на этой проверке.

— Мы могли бы помочь вам. Если…

— Я связался с начальником полиции Чарлстона. Он присылает нам несколько человек из отдела уголовных расследований. Они и окажут нам всю необходимую помощь. — В коридор входили полицейские и заместители шерифа. Перед такой аудиторией исполняющий обязанности не мог ударить лицом в грязь. — Мы введём вас в курс дела, как только сможем, окажем вам внимание и сделаем всё, что в наших силах, но пока…

— Знаете, в этих преступлениях на сексуальной почве есть кое-какие аспекты, которые я бы хотел обсудить с вами наедине, как мужчина с мужчиной, понимаете, что я имею ввиду? — Кроуфорд лёгким кивком головы указал на стоящую рядом Кларис.

Они пришли в небольшой кабинет и закрыли дверь. Старлинг осталась стоять в коридоре, чувствуя на себе насмешливые взгляды заместителей шерифа и стараясь хотя бы внешне скрыть обиду. Сцепив зубы и устремив взгляд на Святую Сицилию, она попыталась расслышать, о чём говорят за дверью. Из кабинета доносились голоса, затем кто-то о чём-то быстро говорил по телефону. Меньше, чем через четыре минуты оба снова вышли в коридор.

Губы исполняющего обязанности были плотно сжаты.

— Оскар, сходите позовите сюда доктора Эйкина. Он вроде как обязан присутствовать на всех похоронах, но по-моему, они ещё не начинали. Скажи, что на телефоне КЛЭКСТОН.

Коронёр доктор Эйкин прошёл в кабинет, и, ковыряясь в зубах зубочисткой, молча выслушал короткий монолог патологоанатома из Клэкстона. Затем кивнул и сказал, что со всем согласен.

Через несколько минут в комнате для бальзамирования трупов с выцветшими розочками на обоях и дурацкой лепкой на высоком потолке Кларис Старлинг впервые столкнулась с реальным доказательством существования Буйвола-Билла.

Наглухо застёгнутый ярко-зелёный мешок был единственной современной вещью в комнате. Он лежал на древнем фарфоровом столе для бальзамирования, отражаясь в дверцах старого стеклянного шкафа, заполненного троакарами и пакетами с каким-то порошком.

Пока Кроуфорд ходил к машине за факсом для передачи отпечатков пальцев, Кларис положила свой чемодан на раковину у стены и распаковала оборудование.

В комнате было слишком много народа. Не-

сколько заместителей шерифа, исполняющий обязанности — все хотели посмотреть на их работу и даже не собирались уходить. Это было неправильно. *Почему Кроуфорд не выгонит их всех отсюда к чёртовой матери?*

Доктор включил большой пыльный вентилятор.

Стоя у раковины, Кларис подумала, что сейчас ей понадобится больше мужества и самообладания, чем тем десантникам во время ночных прыжков. Она отвернулась к стене, закрыла глаза — и вдруг перед ней очень ясно возник образ, пронзивший, словно ледяной стрелой, но в то же время и вселивший некоторую уверенность.

Мать, склонившаяся над раковиной и смывающая кровь со шляпы отца. Холодная вода течёт прямо на шляпу. «Всё будет хорошо, — говорит мать. — Всё образуется. Скажи братьям и сестре, чтобы мыли руки и шли за стол. Нам нужно поговорить, а потом сядем ужинать».

Старлинг сняла с шеи шарф и повязала на голову. Затем достала из чемодана пару тонких резиновых перчаток. Когда она открыла рот и сказала свою первую фразу за всё время пребывания в Поттере, голос её прозвучал намного резче, чем обычно, и был таким громким, что даже

вошедший в дверь Кроуфорд остановился, чтобы послушать, что она скажет.

— Господа! Господа, прошу минуту внимания. Разрешите мне сейчас заняться ей. — Она подняла руки и демонстративно надела перчатки. — Нам нужно поработать с телом. Вы привезли её сюда издалека, и я уверена, что её родственники обязательно поблагодарили бы вас за всё, что вы сделали. Но теперь я бы хотела попросить вас выйти и позволить мне заняться телом.

Кроуфорд заметил, как толпа тут же притихла. Во взглядах появилось уважение. Присутствующие начали толкать друг друга со словами:

— Давай, Джесс, пойдём выйдем во двор.

И ещё он заметил, что здесь, в присутствии покойника, атмосфера как-то сразу изменилась: откуда бы ни принесло к ним это тело и кто бы ни была эта несчастная, она попала в деревню и пока она лежит здесь, в этой комнате, Кларис Старлинг имеет к ней какое-то особое отношение. Сама же Кларис, попав сюда, вдруг стала похожа на старую, умудрённую опытом бабушку, деревенскую целительницу, крепкую старуху, которая всегда сделает всё, что нужно, которая будет до самого конца сидеть с умирающей, а когда всё закончится, спокойно обмоет тело и

оденет его в чистое платье.

Наконец, в комнате остался лишь Кроуфорд, Старлинг и доктор Эйкин.

Кроуфорд достал из кармана флакон, помазал вокруг ноздрей и передал Кларис и доктору.

Повернувшись к стене, Старлинг вынула и зарядила фотоаппарат. За спиной раздался звук раскрываемой на мешке молнии.

Кларис ещё раз взглянула на выцветшие розочки на обоях, глубоко вздохнула и, повернувшись, посмотрела на лежащее на столе тело.

— Нужно было надеть ей на руки бумажные пакеты, — сказала она. — Ладно, сама надену, когда закончим.

Тщательно наведя резкость, она сфотографировала труп.

Погибшая была молодой женщиной с широкими бёдрами ростом 167 см. Она пролежала в воде всего несколько дней, к тому же погода стояла довольно холодная, поэтому места, где не было кожи, стали лишь слегка серыми. Кожа была аккуратно снята от грудей до самых колен.

Между маленькими грудями виднелся явный признак смерти — рваная, размером с ладонь, рана в форме звезды.

С головы, начиная от бровей и до самой шеи бы-

ла начисто содрана вся кожа вместе с волосами.

— Доктор Лектер говорил, что когда-нибудь он обязательно начнёт снимать скальпы, — вспомнила Кларис.

Пока она делала снимки, Кроуфорд молча стоял, скрестив на груди руки.

— Обязательно сфотографируйте уши, — было всё, что он ей сказал.

Когда она закончила, он поджал губы и всё так же молча медленно обошёл вокруг стола. Кларис стянула перчатку и провела пальцем по голени жертвы. Леска с крючками, которые зацепили и вытащили тело из быстрой реки, были всё ещё обмотаны вокруг лодыжки.

— Ну, что скажете, Старлинг?

— Думаю, она явно не из местных — каждое ухо проколото три раза, пользовалась яркой косметикой. Похоже, горожанка. На ногах волосы примерно двухнедельной давности. Видите, какие они мягкие? Скорее всего, для удаления волос на ногах она пользовалась мазями. Да и под мышками тоже. Смотрите, как она отбелила пушок над верхней губой. Она тщательно следила за собой, но в последнее время у неё не было возможности этим заниматься.

— А что думаете о ране?

— Не знаю, — пожала плечами Кларис. — Ну, я бы сказала, что это сквозная огнестрельная рана, только с размытыми рваными краями и вроде бы как следом от дула вокруг входного отверстия.

— Хорошо, Старлинг. Это след выстрела в упор. Газы проникли в грудину, распространились между костью и кожей, и вокруг отверстия получилась так называемая звезда.

За стеной послышались звуки органа — у похоронного бюро началась церемония прощания.

— Безвременная кончина, — вздохнул доктор Эйкин, кивнул в сторону окна. — Извините, но я должен хотя бы ненадолго там появиться. Члены семьи покойного всегда хотят, чтобы я проводил усопшего в последний путь. Как только Ламар закончит играть, я его пришлю помочь вам. Надеюсь, мистер Кроуфорд, вы сдержите слово и не уничтожите улики, которые могут понадобиться патологоанатому из Клэкстона.

— На левой руке у неё сломаны два ногтя, — заметила Кларис, когда доктор ушёл. — Как будто цеплялась за что-то и отодрала всё до самого мяса. А под другими, похоже, застряла грязь и ещё какие-то твёрдые частички. Можем взять на анализ.

— Возьмите образцы грязи и лака для ногтей, —

распорядился Кроуфорд.

Ламар, тощий служитель похоронного бюро, вошёл в комнату как раз в тот момент, когда Кларис брала пробу лака.

— Наверное, раньше вы работали маникюршей, — мрачно пошутил он.

Они испытали некоторое облегчение, не обнаружив на ладонях следов от ногтей — знак того, что как и все остальные, она умерла прежде, чем убийца начал делать всё остальное.

— По-моему, нужно перевернуть её, чтобы снять отпечатки, — предложил Кроуфорд.

— Да, так было бы легче.

— Давайте сначала займёмся зубами, а потом Ламар поможет нам переложить её на живот.

— Только снимки или аналитическую схему? — Кларис прикрепила к камере для снятия отпечатков дентальное приспособление, с удовлетворением отметив, что в чемоданчике есть всё необходимое.

— Только снимки, — ответил Кроуфорд. — Без рентгена схему не сделаешь. А по фотографиям попробуем установить личность хотя бы методом исключения.

Очень бережно и осторожно Ламар открыл женщине рот и оттянул губы, позволив Кларис

сделать детальные снимки передних зубов. Но эта часть процесса была самой лёгкой, теперь нужно было сфотографировать моляры с помощью нёбного рефлектора, внимательно следя, чтобы укреплённый на объективе стробоскоп хорошо освещал рот. Раньше ей приходилось только наблюдать, как делали такие снимки.

Старлинг получила первую фотографию моляров, увеличила яркость освещения и попробовала ещё раз. Снимок получился более качественным. Можно сказать, просто отличным.

— У неё что-то есть в горле, — проговорила Кларис, рассматривая фотографию.

Кроуфорд подошёл ближе и тоже взглянул на снимок. Сразу за мягким нёбом виднелся какой-то тёмный цилиндрический предмет.

— Дайте фонарь, — попросил Кроуфорд.

— Когда тело лежит в воде, — заметил Ламар, — в горло часто попадают листья или ещё что-нибудь в этом роде.

Кларис достала из чемоданчика пинцет и вопросительно взглянула на Кроуфорда. Тот кивнул. Вытащить предмет оказалось делом двух секунд.

— Что это, зерно? — спросил Кроуфорд.

— Нет сэр, это кокон какого-то насекомого, —

возразил Ламар. И оказался прав.

Кларис положила находку в банку.

— Может, попросить взглянуть на него окружного эксперта? — предложил Ламар.

Тело перевернули лицом вниз, так удобнее снимать отпечатки. Кларис была готова к худшему, но никаких особых приёмов, типа специальных впрыскиваний, не потребовалось. Она сняла отпечатки на толстые пластины, закреплённые в футляре, по форме напоминающем рожок для обуви. Потом сделала оттиски подошв, на случай, если вдруг обнаружатся только отпечатки ног.

На плечах жертвы отсутствовало два треугольных кусочка кожи. Кларис сделала снимки.

— Замерьте их, — распорядился Кроуфорд. — Когда он срезал одежду с той девушки из Аргона, то немного поцарапал кожу. Всего чуть-чуть, но оказалось, что царапины соответствуют разрезам на блузке, которую позже нашли у дороги. Ну, а это вообще что-то новенькое. Таких треугольников я ещё не видел.

— На задней поверхности голени какие-то пятна, похожие на ожоги, — вскинула брови Кларис.

— Такое часто бывает у стариков, — невозмутимо заметил Ламар.

— Что? — переспросил Кроуфорд.

— Я говорю, что такое часто бывает у стариков.

— Я всё слышу, молодой человек. Просто хочу, чтобы вы объяснили. Так что там бывает у стариков?

— Старики часто умирают с грелкой, и когда они уже скончались, от этой грелки получаются ожоги. Даже если она и не такая уж горячая. В мёртвом теле ведь нет циркуляции крови.

— Попросим проверить это заключение патологоанатома из Клэкстона. Там и посмотрим, когда получен ожог, до смерти или после.

— Скорее всего, это глушитель, — задумчиво пробормотал Ламар.

— Что?

— ГЛУШИТЕЛЬ. Глушитель от машины. Как-то, уже давно, кто-то застрелил Билли Перти и засунул тело в багажник его же колымаги. А жена потом гоняла на этой тачке дня два-три, искала его. И горячий глушитель тогда вот так же обжёг ему кожу, только на бедре. Я, например, никогда не вожу в багажнике никаких продуктов, которые могут растаять.

— Неплохая мысль, Ламар, — кивнул Кроуфорд. — Жаль, что вы работаете не у меня. Кстати, вы знаете тех, кто нашёл её в реке?

— Джаббо Франклин со своим братом, Буббой.

— Чем они занимаются?

— Да дуркуют в «Музе», ну потешаются над людьми, никто их не трогает, а они ко всем цепляются. Кто-нибудь, скажем, отпашет целый день, насмотрится на покойников, ну и заскочит в «Музу» стаканчик пропустить. А они тут же «Садись-ка, Ламар, сбацай нам „Крошку-филиппинку“». Ну и заставляют человека играть эту дурацкую «Филиппинку» по сто раз кряду. А в баре этом такое пианино, что и один-то раз противно слушать. Особенно Джаббо любит так развлекаться. А потом ещё «Знаешь, Ламар, если не помнишь слов, так придумай сам, и чтоб в рифму было, ну-ка быстро». Ему фонд ветеранов чеки раз в месяц высылает, вот он и пьёт каждый божий день. Я его рожу уже лет пятнадцать постоянно в этом баре вижу.

— Нужно будет сделать серотонический анализ мест уколов рыболовного крючка, — сказал Кроуфорд. — Я напишу записку патологоанатому.

— Крючки у них слишком близко, — пробормотал Ламар.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что у этих франклинов крючки на леске слишком близко друг к другу. Это нарушение. Наверное, поэтому они и не хотели ничего

говорить до сегодняшнего утра.

— Но шериф сказал, что они охотники на уток.

— Ну, может, они ему так представились, — пожал плечами Ламар. — Они могут брякнуть вам, что когда-то ещё охотились и на тигров в Гонолулу, вы что, тоже им будете верить? Так возьмите подсак и тоже сходите с ними на бекаса.

— А как, по-вашему, всё было на самом деле?

— Франклины забросили донки, это их леска с крючками, ну и потом просто вытащили, чтобы посмотреть, не поймалась ли какая рыба.

— Почему вы так думаете?

— Этой леди было ещё рано всплывать, так?

— Так.

— Выходит, если бы они не вытаскивали свои донки, они бы её не нашли. А потом, скорее всего, испугались и удрали. Но в конце концов всё же заявили. А вообще-то чаще всего они возят у себя в машине два провода, чтобы не возиться с удочками.

Кроуфорд непонимающе вскинул брови.

— Это такое приспособление, чтобы глушить рыбу. — объяснила Кларис. — Опускаешь в воду клеммы, выходишь на берег и соединяешь. Рыба всплывает на поверхность, остаётся только собрать её сачками и всё.

— Правильно, — согласился Ламар. — Вы что, родом из этих мест?

— Так делают не только здесь, — покачала головой Кларис.

Она чувствовала острое желание сказать что-то прежде, чем они застегнут мешок. Сделать какой-нибудь жест, как-то подытожить сделанное. Но в конце концов только молча кивнула и принялась укладывать в чемодан полученные образцы.

Когда тело исчезло из вида, и всё дело, и сама проблема стали какими-то другими. Кларис стянула перчатки, включила воду, и повернувшись спиной к комнате, начала мыть руки. Ламар взглянул на неё, исчез за дверью и через минуту вернулся с банкой ледяной содовой из автомата.

— Нет, спасибо, — покачала головой Кларис, когда он протянул ей банку. — Вряд ли я смогу сейчас пить.

— И не надо. Полейте немного на шею и на затылок. Сразу почувствуете себя лучше. Я всегда так делаю.

Когда Кларис прикрепляла к мешку записку патологоанатому, на столе загудел факс Кроуфорда.

То, что жертву обнаружили так скоро, было большой удачей. Кроуфорд надеялся быстро идентифицировать труп и заняться поисками

свидетелей похищения. Такой метод был довольно хлопотным и требовал большого количества людей, но считался наиболее быстрым и эффективным.

Кроуфорд привёз с собой факс для передачи отпечатков пальцев «Литтон-Полис». В отличие от федеральных факсимильных устройств, он был связан с системами большинства полицейских управлений крупных городов. Отпечатки, которые сняла Кларис, уже почти высохли.

— Заложите их в факс сами, Старлинг, у вас более ловкие руки.

Кларис поняла, что он имел в виде. *Попробуй мне только испортить драгоценные снимки,* — вот, что означала эта фраза. Но Старлинг справилась.

Пока она передавала снимки, Кроуфорд связался с операторской ФБР в Вашингтоне.

— Дороти, все подключились? О'кей, господа, мы сбавим скорость до двадцати одного, чтобы сохранить качество — все переключились на двадцать один? Атланта, готовы? Хорошо, поехали…

На малой скорости отпечатки пальцев мёртвой девушки полетели одновременно в операторскую ФБР и в диспетчерские главных полицейских управлений восточной части страны. Как только

Чикаго, Детройт, Атланта и все остальные получат их, тут же начнётся поиск.

После отпечатков Кроуфорд передал снимки зубов и лица жертвы. Верхнюю часть головы Кларис прикрыла полотенцем на случай, если фотографии каким-то образом просочатся в прессу.

Когда они уже собрались уезжать, из Чарльстона прибыли трое сотрудников отдела уголовных расследований полицейского управления Западной Вирджинии. Кроуфорд долго жал руки и раздавал карточки с номерами оперативных телефонов национального центра расследования уголовных преступлений. Кларис удивилась, как быстро ему удалось найти с ними общий язык. Теперь они наверняка позвонят ему, если раскопают что-нибудь новое. Наверняка. *Всё нормально, старик, ты нас здорово выручишь.* Она чувствовала, что от слов Кроуфорда и сама проникается доверием к нему.

Когда Кроуфорд и Старлинг вместе с исполняющим обязанности шерифа отъезжали от конторы, чтобы направиться на реку Элк, Ламар помахал им рукой, и, вернувшись в контору, купил в автомате ещё одну банку ледяной воды. На этот раз для себя.

Глава 13

— Подбрось меня до лаборатории, Джефф, — обратился Кроуфорд к водителю. — А потом подожди курсанта Старлинг у музея «Смитсониан». Она прямо оттуда поедет в Куонтико.

— Слушаюсь, сэр.

Они проезжали по мосту через реку Потомак, направляясь из аэропорта в запруженный машинами ночной Вашингтон.

Кларис заметила, что молодой водитель, похоже, благоговеет перед Кроуфордом и потому ведёт машину с максимальным вниманием и осторожностью. Она не могла винить его за это: в Академии все знали, что последний агент, который, работая под началом Кроуфорда, завалил порученное дело, сейчас ловит мелких жуликов где-то на самом севере Аляски.

Кроуфорд был не в духе. Прошло уже девять часов с тех пор, как были переданы отпечатки и фотографии жертвы, но до сих пор девушка так и оставалась неопознанной. Вместе с полицейскими Западной Вирджинии они до самой темноты безрезультатно обследовали мост и берег реки.

Старлинг слышала, как он звонил домой прямо из самолёта и договаривался с медсестрой, чтобы та задержалась на ночь.

После «Голубого Каноэ» фэбээровский самолёт казался необычайно тихим и разговаривать в нём было намного легче.

— Я ещё проверю ваши отпечатки по «Указателю», — сказал Кроуфорд. — А вы подготовьте мне вставку. Только вставку, а не форму 302 — знаете, как это делается?

— Знаю.

Программа «Указатель скрытых отпечатков» в компьютере отдела идентификации сравнивала характеристику расследуемого преступления с описаниями почерка уже известных уголовников. Обнаружив какие-то общие черты, машина тут же выдавала фамилии возможных подозреваемых и их отпечатки. Следователю оставалось лишь сравнить отпечатки, предложенные компьютером, с теми, которые были обнаружены на месте преступления. На убийства Буйвола-Билла компьютер так и не нашёл возможных кандидатов, но Кроуфорд был готов ко всему.

Программа требовала чёткого краткого описания. Кларис решила сразу же попробовать.

— Белая женщина около или чуть больше два-

дцати лет, застрелена насмерть, с низа бёдер и торса содрана кожа…

— Старлинг, программа уже знает, что он убивает молодых белых женщин и снимает с их торсов кожу — кстати, лучше пользуйтесь выражением «снимать кожу», слово «сдирать» может быть незнакомо машине, а чёрт его знает этот агрегат, вдруг в него не заложены синонимы. Ему уже известно, что Билл бросает трупы жертв в реки, но он не знает, что нового было именно в этом случае. Так что же здесь было нового, Старлинг?

— Это шестая жертва, и первая, с которой он снял скальп, у которой вырезал на плечах треугольники, которую убил выстрелом в грудь, первая, у кого в горле обнаружен кокон насекомого.

— Вы забыли сломанные ногти.

— Нет, сэр, одна со сломанными ногтями уже была. Так что это вторая.

— Всё правильно. Только в своей вставке укажите, что кокон — «конфиденциальная информация».

— Интересно, делал ли он это раньше. Я имею в виду, что может, он и раньше закладывал в горло жертвы какой-нибудь кокон или насекомое. При вскрытии трупа, особенно утопленника, очень

легко пропустить такую деталь. Обычно медицинские эксперты обращают внимание только на явную причину смерти, да к тому же в морге может быть душно, хочется побыстрее закончить… А если попробовать ещё раз проверить?

— Проверить-то можно. Но, естественно, все эксперты в один голос заявят, что ничего не упустили. Правда, одна жертва всё ещё в морге. В Цинциннати. Но остальные четверо уже в земле. А просьба об эксгумации вызовет кучу разговоров. Мы были вынуждены прибегнуть к этому с некоторыми пациентами доктора Лектера. Нужно было выяснить, не он ли помог им отправиться на тот свет. Могу заверить, это всегда доставляет массу хлопот и море неприятностей. Такие вещи очень огорчают родственников покойных. Конечно, если будет необходимо, я пойду на этот шаг, но прежде давайте посмотрим, что вам удастся раскопать в музее «Смитсониан».

— А снятие скальпа… такое встречается довольно редко, правда?

— Да, необычно, — кивнул Кроуфорд.

— Но доктор Лектер сказал, что Буйвол-Билл будет это делать. Откуда, интересно, он узнал?

— Он этого не знает.

— Но он так сказал.

— Это не очень-то удивительно, Старлинг. Снятие скальпов было редкостью до дела Менджела, помните? После этого было уже два или три подобных случая. А газеты, когда начали орать про Буйвола-Билла, даже удивлялись, что он не снимает скальпов. Так что ничего странного. Наверное, он последовал советам прессы. Лектер просто догадывается об этом. Он ведь не сказал, когда это произойдёт, так что и не мог оказаться неправым. Если бы мы поймали Буйвола-Билла ещё до того, как он начал снимать скальпы, Лектер бы заявил, что мы просто взяли его раньше, чем он начал это делать.

— Ещё доктор Лектер говорит, что Буйвол-Билл живёт в двухэтажном доме. Он не может этого знать. Почему же он так сказал, как по-вашему?

— А это уже не просто догадка. Вполне вероятно, что он прав, и он сам мог бы всё объяснить, но хотел подразнить вас. Это единственная слабость, которую я в нём вижу — он должен всегда выглядеть блестяще. Всегда быть лучше всех. И стремится показывать это постоянно.

— Вы сказали, чтобы я спрашивала, если чего-то не понимаю. Так не могу ли я вас попросить объяснить?

— Ну хорошо. Две женщины были повешены,

правильно? Следы верёвки высоко на шее, смещение шейных позвонков, в общем типичное повешение. А насколько известно Лектеру из собственного опыта, одному человеку трудно повесить другого против его воли. Если человек хочет повеситься сам, он может это сделать и на дверной ручке, это просто. Но повесить кого-то невероятно тяжело. Даже если жертва связана, она всегда пытается найти опору ногами. Приставная лестница в таких случаях весьма опасна. Жертва не сможет взобраться на неё с завязанными глазами и уж, конечно, не станет лезть наверх, если увидит там петлю. Так что лучше всего подходят ступеньки между первым и вторым этажом. Тут намного проще. Скажите жертве, что ведёте её наверх, например, в ванную или ещё куда-нибудь. Поднимитесь вместе с ней на верхнюю ступеньку, неожиданно накиньте на шею петлю, которая уже привязана к перилам, да и столкните вниз. Самое лучшее место в доме для этого дела. В Калифорнии такое как-то практиковал некто по кличке Дружок. Так что, если бы у Билла не было лестницы, он бы убивал свои жертвы каким-нибудь другим способом. Вот так-то. А теперь продиктуйте мне, как зовут исполняющего обязанности шерифа из Поттера

и шефа полицейского управления.

Кларис раскрыла блокнот, и подсвечивая себе фонариком, зачитала фамилии и имена.

— Хорошо, — кивнул Кроуфорд. — И запомните: когда звоните по телефону, старайтесь называть полицейских по имени. Тогда они сразу будут относиться к вам более дружелюбно и обязательно позвонят, если раскопают что-нибудь новое. Кстати, о чём вам говорит этот ожог у неё на голени?

— Смотря когда он получен, до или после смерти.

— А если после?

— Тогда у него есть закрытый грузовик, фургон или другая длинная машина.

— Почему?

— Потому что ожог на задней поверхности голени.

Они остановились на углу Десятой улицы и Пенсильвания-авеню перед новым зданием управления ФБР. Никто из жителей города никогда не предполагал, что это и есть резиденция самого Дж. Эдгара Гувера.

— Джефф, я выйду прямо здесь, — обратился Кроуфорд к водителю. — Не нужно заезжать в подземный гараж. Оставайся в машине, только не глуши мотор. Пойдёмте, Старлинг.

Девушка вышла из машины и подождала, пока Кроуфорд вытащит из багажника факс и дипломат.

— Он вёз тело в чём-то большом, так, что оно лежало сзади в полный рост, — продолжала Кларис. — Только так задняя поверхность голени могла соприкасаться с полом над тем местом, где был глушитель. Если бы машина была такой, как, например, эта, тело лежало бы на боку, свёрнутое калачиком и…

— Всё правильно, я тоже так думаю, — оборвал её Кроуфорд. — Старлинг, когда я сказал исполняющему обязанности шерифа, что мы должны поговорить без вас, вы обиделись?

Кларис была рада, что Кроуфорд вывел её из машины, чтобы разобраться один на один, без посторонних.

— Конечно, — кивнула она.

— Это был всего лишь предлог, нужно было сбить с него спесь и немного обломать.

— Я понимаю.

— Хорошо. — Кроуфорд подхватил дипломат и повернулся, чтобы уйти.

Но Кларис не хотела, чтобы этот разговор закончился на такой ноте.

— Это очень важно, мистер Кроуфорд.

Он обернулся и внимательно посмотрел на девушку.

— Эти полицейские знают вас, — сказала Кларис. — И всегда стараются вести себя так же, как вы.

Теперь она сказала всё, что хотела.

Кроуфорд на секунду задумался, словно тщательно взвешивая свой ответ.

— Правильно замечено, Старлинг. Я обращу на это внимание. А сейчас займитесь коконом.

— Слушаюсь, сэр.

Она посмотрела ему вслед. Начинающий стареть человек, нагруженный багажом, уставший после полёта, с перепачканными речным песком рукавами.

Она чувствовала, что готова сделать для него всё, что угодно, и в этом был великий талант Кроуфорда.

Глава 14

Национальный музей естественной истории «Смитсониан» был уже закрыт, но Кроуфорд позвонил в дирекцию и, когда Кларис подъехала к музею, у входа со стороны Конститъюшн-авеню её уже ждал охранник.

В закрытом музее царил полумрак и тишина. Свет с потолка падал лишь на лицо стоящей в холле колоссальной фигуры Бога Южных морей.

Охранник оказался огромным негром в элегантной униформе. Когда они поднимались на лифте и он поднял лицо к свету, Кларис вдруг подумала, что он и сам похож на Бога Южных морей. Странная фантазия.

Двумя уровнями выше гигантского чучела слона располагались закрытые для публики отделы антропологии и энтомологии. Антропологи называли этаж четвёртым. Энтомологи утверждали, что он третий. Некоторые учёные из Академии сельского хозяйства заявляли, что уже проверяли, и этаж оказался шестым. Каждое направление естественных наук имело в этом старинном здании свой отдел, включающий экспозицию,

архивы и множество различных подразделений.

Вместе с охранником Старлинг прошла в полутёмный лабиринт коридоров с развешанными на стенах экспонатами антропологических находок. Лишь крошечные таблички указывали на их названия.

— Тысячи людей в этих витринах, — кивнул охранник. — Знаете, сколько здесь экспонатов? Более сорока тысяч.

Идя по коридору, он освещал фонариком номера кабинетов и висящие на стенах стеклянные коробки. Наконец, окаменевшие кости и растрескавшиеся черепа закончились, они прошли раздел «Человек» и окунулись в царство насекомых. Здесь на стенах красовались большие металлические коробки, выкрашенные в бледно-зелёный цвет.

— Тридцать миллионов насекомых — да ещё целая армия пауков, — снова подал голос охранник. — Кстати, не следует мешать пауков с насекомыми. Тот, кто их изучает, за такие слова вам глаза выцарапает. Ну, вот мы и пришли. Вон тот кабинет, где горит свет. Только не пытайтесь выйти отсюда самостоятельно. Если они не проводят вас к выходу, позвоните мне вот по этому телефону, это комната охранников. Я приду и

покажу вам дорогу. — Он вручил ей карточку с телефоном и удалился.

Кларис стояла в самом сердце этомологического отдела, в галерее, расположенной намного выше огромного чучела слона. Прямо перед ней была открытая дверь ярко освещённого кабинета.

— Время, Пилч! — вдруг раздался из кабинета громкий голос. — Давай, ходи. Время!

Старлинг остановилась на пороге. Внутри за большим лабораторным столом двое мужчин играли в шахматы. Обоим было около тридцати. Один — худой брюнет, другой — толстый коротышка с огненно-рыжими волосами. Оба с головой ушли в игру, и если даже заметили Кларис, то не обратили на неё никакого внимания.

По доске полз огромный жук-носорог.

— Время, Роден, — выкрикнул брюнет, когда жук дополз до края доски.

Коротышка сделал ход слоном и быстро развернул жука. Несчастное насекомое покорно поползло в другую сторону.

— А если жук свалится с доски, где-нибудь посередине, это тоже будет означать, что время вышло? — подала голос Кларис.

— Само собой, — кивнул коротышка, не поднимая головы. — Конечно, вышло. Мы и пытаемся

запускать его так, чтобы он не прополз всю доску. А вы вообще-то кто такая?

— Я привезла образец, о котором вам звонил следователь по особо важным делам Кроуфорд.

— Что-то мы даже не услышали вашей сирены, — ухмыльнулся толстяк. — Вообще-то мы торчим здесь, чтобы опознать для ФБР какое-то *насекомое.* Мы ведь занимаемся только насекомыми. Никто не предупреждал нас ни о каком *образце.* Может, вашему следователю Кроуфорду лучше обратиться со своим образцом к доктору? Время, Пилч!

— Мне, конечно жаль, что я отвлекла вас от игры, — ответила Кларис. — Я бы с удовольствием обратилась к вам в ваше рабочее время, но дело очень срочное, так что давайте займёмся им сейчас. Время, Пилч.

Брюнет оторвал взгляд от доски и посмотрел на прислонившуюся к дверному косяку Кларис. Затем сунул жука в коробку с кусочками гнилого дерева, накрыл сверху листом салата, закрыл крышку и встал. Он оказался довольно высоким.

— Меня зовут Нобл Пилчер, — представился он. — А это Альберт Роден. Вам нужно определить название насекомого? Рады помочь. — У него было чуть длинноватое, дружелюбное лицо, только

посаженные слишком близко тёмные глаза чуть косили. — А вы…

— Кларис Старлинг, — представилась девушка.

— Ну, давайте посмотрим, что там у вас. — Пилчер поднёс баночку с насекомым поближе к свету.

Роден вышел из-за стола и подошёл к коллеге.

— Где вы его откопали? — улыбнулся он. — Пристрелили из своего пистолета? А мамашу его случайно не видели?

Кларис вдруг с ужасом подумала, что он сейчас может якобы случайно задеть баночку локтем и с такой же ухмылкой наблюдать, как она упадёт на пол и разобьётся вдребезги.

— Тихо, — цыкнул Пилчер. — Расскажите, где вы его нашли. Может, он был к чему-то прикреплён? Ну, к ветке или к листу? Или лежал в земле?

— Я вижу, вам никто ничего не говорил, — вздохнула Кларис.

— Директор музея попросил нас остаться и опознать насекомое для ФБР, — пожал плечами Пилчер.

— Приказал, — поправил Роден. — Приказал, а не попросил.

— Мы часто делаем такое для таможни или

министерства сельского хозяйства, — сказал Пилчер.

— Но не в час же ночи, — проворчал Роден.

— Мне нужно рассказать вам кое-что, имеющее отношение к уголовному преступлению, — посерьёзнела Кларис. — Мне разрешили сделать это, если вы пообещаете не разглашать полученных сведений до тех пор, пока дело не будет раскрыто. Это очень важно. От этого зависят человеческие жизни. Доктор Роден, можете вы отбросить шутки и дать мне слово, что будете молчать?

— Я не доктор. Мне нужно что-то подписать?

— Нет, если я могу положиться на ваше слово, то нужно будет только расписаться за образец, если вам понадобится на какое-то время оставить его у себя.

— Конечно, я вам помогу. На меня можно положиться.

— Доктор Пилчер?

— Это правда, — кивнул брюнет. — На него можно положиться.

— А на вас?

— Я никому ничего не скажу.

— Пилчер тоже пока ещё не доктор, — усмехнулся толстяк. — У нас с ним одинаковая степень. Но вы заметили, как он скромно промолчал, ко-

гда вы его так назвали? Ну да ладно. Расскажите нам всё подробно. Может статься, что то, что не важно для вас, окажется ценной информацией для специалиста.

— Это насекомое нашли в горле убитой женщины, за мягким нёбом. Я не знаю, как оно туда попало. Её тело обнаружили в реке Элк в Западной Вирджинии всего через несколько дней после убийства.

— Это Буйвол-Билл, я слышал по радио, — воскликнул Роден.

— Надеюсь, по радио ничего не говорили о насекомом? — вскинула брови Кларис.

— Нет, но говорили о реке Элк. Вы что, только что приехали оттуда? Поэтому и пришли сюда так поздно?

— Да.

— Вы наверное устали, хотите кофе? — засуетился Роден.

— Нет, спасибо.

— Воды?

— Нет.

— Может, кока-колы?

— Не стоит. Нам нужно узнать, где была похищена эта женщина и где её убили. Быть может, у этого насекомого есть какое-то определённое,

ограниченное место или область распространения, или оно откладывает личинки только на определённых видах деревьев — короче, нужно выяснить, откуда это насекомое. Я прошу вас хранить молчание, потому что если преступник засунул его туда умышленно, то только он знает этот факт, и мы будем использовать его, чтобы не поддаваться на его уловки, и сэкономим время. Он убил уже по меньшей мере шесть человек. Так что время не терпит.

— Думаете, пока мы тут разглядываем эту букашку, он как раз в эту минуту может выбирать себе новую жертву? — спросил Роден и уставился на Кларис расширенными глазами.

— Не знаю, — пожала плечами Кларис. — Не знаю. Но он постарается сделать это как можно быстрее.

— Значит, и мы будем работать как можно быстрее, — заверил Пилчер. — Не волнуйтесь, мы хорошо разбираемся во всех этих козявках. Лучших специалистов вам не найти.

Он достал пинцет, вытащил из банки кокон, и положив его на белый лист бумаги, поднёс к свету. Роден подал лупу.

Длинный кокон был похож на мумию. Полупрозрачная оболочка очерчивала контуры

насекомого подобно древнеегипетскому саркофагу. Плотно прижатые тончайшие нити повторяли каждую выпуклость или изгиб. Можно было разглядеть даже глаза на крошечной голове.

— Ну, во-первых, можно сказать, что это не та букашка, которые обычно кусают нас на улице, — начал Пилчер. — И в воде она могла оказаться только случайно. Извините, я не знаю, насколько вы знакомы с насекомыми и что хотите от нас услышать.

— Я не знаю о них ровным счётом ничего. И хочу, чтобы вы рассказали всё.

— Хорошо. Это куколка, незрелое насекомое в коконе-оболочке, которая защищает его от внешних воздействий, пока оно не превратиться из личинки во взрослую особь.

— Крылатая, Пилч? — Роден наморщил нос, чтобы чуть-чуть приподнять очки.

— Да, похоже. Хочешь полистать книжку по незрелым насекомым? Давай. Итак, это куколка крупного насекомого. Большинство высокоразвитых видов насекомых проходят стадию куколки. Многие проводят так зиму.

— Пилч, ты давай смотри, а я покопаюсь в книге, — поделил обязанности Роден.

— Ладно. — Пилч положил кокон под микро-

скоп и сгорбившись, припал глазом к окуляру. — Значит, идём дальше. В дорсоцефальной области дыхательные органы чётко не обозначены, дыхальца на мезотораксе и брюшной полости, давай начнём с этого.

— Угу, — буркнул Роден, листая страницы справочника. — Функционирующие мандибулы?

— Нет.

— Парная верхняя челюсть?

— Да.

— Щупальца?

— Примыкают к мезальной грани крыльев. Две пары крыльев, внутренняя пара полностью скрыта. Снаружи только три остроконечных брюшных сегмента. Я бы сказал, это отряд лепидоптеров.

— Тут тоже так сказано, — кивнул Роден.

— Это отряд, в который входят бабочки, моль и мотыльки, — пояснил Пилчер. — Охватывает большую территорию.

— Сложно сказать что-то определённое, не видя крыльев, — пожал плечами Роден. — Пойду схожу за справочниками. Надеюсь, успеете перемыть мне все косточки, пока меня не будет.

— Само собой, — улыбнулся Пилчер. — Роден хороший парень, — сказал он Кларис, когда товарищ вышел из кабинета.

— Я тоже так думаю.

— Серьёзно? — рассмеялся Пилчер. — Мы вместе учились в университете, работали и старались заполучить любой вид стипендии, какой только можно. Он получил свою, когда ему пришлось чёрт знает сколько сидеть в угольном руднике и ждать распада протонов. Слишком долго находился в темноте. Вообще-то он ничего. Только не упоминайте при нём про распад протонов.

— Постараюсь избегать.

Пилчер подался вперёд.

— Отряд лепидоптеров очень большой. Где-то тридцать тысяч бабочек и около ста тысяч мотыльков. Я бы, конечно, лучше вынул её из кокона. Наверное, так и придётся сделать, чтобы сказать что-то более определённое.

— Хорошо. Сможете сделать так, чтобы не повредить насекомое?

— Постараюсь. Только потребуется немного времени.

Пилчер нашёл в коконе крошечную трещину, расширил её и вытащил насекомое. Сморщенные крылья, казалось, были склеены. Развернуть их было так же сложно, как расплести и смотать в клубок тонкую паутину.

Вернулся Роден с охапкой книг.

— Готов? — спросил Пилчер. — Выключите, пожалуйста, свет, мисс Старлинг.

Кларис подошла к стене, подождала, пока Пилчер включит ручку-фонарик, и погасила свет.

Он отступил от стола и осветил насекомое. Глаза бабочки сверкнули, отразив слабый луч фонарика.

— Ночная, — задумчиво пробормотал Роден.

— Скорее всего, — кивнул Пилчер. — Но какая? Включите, пожалуйста, свет. Это ноктуид, мисс Старлинг. Сколько известно ноктуидов, Роден?

— Две с половиной тысячи и… описаны две с половиной тысячи.

— Немного поменьше, мой дорогой. Ладно, пусть тебе будет стыдно.

Рыжая голова Родена склонилась над микроскопом.

— Теперь придётся подробно изучить его кожицу, чтобы сузить круг хотя бы до вида, — пояснил Пилчер. — Роден у нас мастер в этом деле.

Кларис заметила, что постепенно комната словно окунулась в атмосферу доброжелательности.

Прошло несколько минут.

— EREBUS ODORA, — провозгласил, наконец, Роден.

— Поехали посмотрим, — кивнул Пилчер.

Взяв с собой насекомое, они спустились на лифте вниз, на уровень, расположенный сразу над чучелом огромного слона. Затем прошли в большой четырёхугольный зал, заполненный бледно-зелёными коробками и тоже разделённый на два уровня, чтобы обеспечить побольше места для насекомых «Смитсониана». Они двинулись в отдел «Центральная и Южная Америка» и отыскали полки с табличкой «Ночные бабочки». Пилчер полистал блокнот и остановился у громадной коробки на нижней полке металлического стеллажа.

— Тут нужно аккуратно, — пробормотал он, выдвинув тяжёлую дверцу и осторожно прислонив её к стене. — Уронишь такую штуку на ногу — и будь здоров, пару недель в больнице обеспечено.

Он пробежал пальцами по ящикам, и отыскав нужный, вытащил его наружу.

Внутри Кларис увидела крошечные законсервированные яйца, заспиртованных гусениц, пустой кокон, очень похожий на тот, который она принесла с собой, и наконец, взрослое насекомое — большую чёрно-коричневую бабочку с размахом крыльев около пятнадцати сантиметров и тонкими усиками.

— EREBUS ODORA, — объявил Пилчер. — «Чёр-

ная ведьма».

Роден уже листал справочник.

— Тропический вид, осенью иногда долетающий до Канады, — прочёл он. — Личинка питается листьями акации и других подобных деревьев. Родина — Вест-Индия и юг США, на Гавайях считается паразитом.

— Чертовщина, — пробормотала Кларис. — Выходит, они порхают по всей стране.

— Но не в это время года, — ответил Пилчер, не отрывая глаз от ящика. — Роден, сколько раз в году они размножаются, два?

— Секунду… да, два. На самом юге Флориды и на юге Техаса.

— Когда?

— Май и август.

— Я просто подумал, — продолжал Пилчер, — что ваш образец развит гораздо лучше, чем вот этот наш. К тому же он совсем свежий. Уже начал потихоньку разрушать кокон и готовиться вылезать на свет. Если бы это было в Вест-Индии или на Гавайях, я бы ещё понял, но у нас здесь сейчас зима. Здесь ей нужно бы сидеть в этом коконе ещё месяца три. Если только кокон случайно не попал в какую-нибудь оранжерею или кто-то специально не выращивал его.

— Как выращивал?

— В коробке, в тёплом месте, кормил личинки листьями акации, пока они не закрутились в коконы. Это не сложно.

— Это что, популярное хобби? И многие занимаются таким разведением?

— Нет, в основном энтомологи, если хотят вырастить какой-нибудь определённый экземпляр, ну и кучка коллекционеров. Есть ещё шёлковое производство, они тоже выращивают бабочек, но не этот вид.

— У энтомологов, скорее всего, есть какая-то периодическая литература, научные журналы, люди, которые продают им оборудование и всё необходимое.

— Конечно, и большинство публикаций получает музей.

— Я соберу вам всю литературу, — предложил Роден. — Тут у нас некоторые частным образом подписываются на небольшие информационные бюллетени и требуют с тебя пару баксов только за то, что позволяют полистать всю эту чушь. К утру я достану вам всё, что смогу.

— Спасибо, мистер Роден.

Пилчер сделал копию описания EREBUS ODORA и вместе с насекомым вручил её Кларис.

— Я провожу вас вниз, — предложил он.

Они прошли по коридору и вызвали лифт.

— Многие обожают бабочек и ненавидят моль и мотыльков, — заметил он. — И совершенно зря. Моль, мотыльки и ночные бабочки намного интереснее, намного… обаятельнее что ли.

— Но они вредители.

— Некоторые — да, даже большинство. Но все они живут по-своему. Как, впрочем, и мы с вами. — Он немного помолчал. — Есть такие, и их довольно много, которые живут исключительно на слезах. Это всё, что они пьют и едят.

— На каких слезах? Чьих?

— Крупных млекопитающих, примерно таких же размеров, как мы. Испокон веку все считали, что моль — это что-то, что «постоянно жрёт и портит вещи». Вот и получилось вредное насекомое… Скажите, вы ходите когда-нибудь скушать пару чизбургеров с пивом или полакомиться хорошим вином?

— Только не в последнее время.

— Может, сходим вместе? Прямо сейчас. Я знаю одно местечко. Здесь недалеко.

— Сейчас нет, но я буду иметь в виду, когда закончу с этим делом. Мистер Роден, естественно, тоже может присоединиться.

— Не вижу в этом ничего естественного, — проворчал Пилчер и улыбнулся. — Надеюсь, вы закончите с ним скоро, мисс Старлинг.

Они подошли к входной двери. Кларис попрощалась и поспешила к ожидающей машине.

Арделия Мапп крепко спала. На кровати Старлинг лежала почта и пирожное.

Кларис вытащила в прачечную печатную машинку, установила её на складной стул и быстро отпечатала всё, что узнала о EREBUS ODORA. Потом съела пирожное и написала докладную записку Кроуфорду, предложив проверить занесённый в компьютер список получателей периодики по энтомологии и поискать эти же фамилии среди преступников, уже имеющихся в картотеке ФБР, а также в полицейских картотеках городов, недалеко от которых похищались жертвы, плюс городов, расположенных в тех регионах, где в изобилии водилась «Чёрная ведьма».

У неё появилась и ещё одна мысль, которую она решила приберечь на потом. *Нужно спросить у доктора Лектера, почему он сказал, что убийца обязательно начнёт снимать скальпы.*

Кларис вручила бумагу ночному дежурному и наконец-то добралась до желанной постели. Но сон не шёл. Заглушая дыхание спящей Арделии,

в голове кричали, ворчали и шептали услышанные за день голоса.

Из тёмных углов сверкали глаза ночных бабочек. Такие же блестящие глаза, какие смотрели и на Буйвола-Билла.

И наконец, сквозь космическую бездну ночи, сквозь туман обволакивающего сна, в голову пришла последняя мысль: *В этом чудовищном мире, на этой части земли, которая погружена сейчас во тьму, я должна охотиться за существом, которое живёт на слезах.*

Глава 15

В Мемфисе, штат Теннесси, Кэтрин Бейкер Мартин вместе со своим другом сидели у него в квартире, вяло смотрели по телевизору какой-то поздний фильм и покуривали гашиш. Рекламные вставки появлялись всё чаще и становились всё длиннее.

— У меня есть кое-что пожевать, — сказала она. — Хочешь воздушной кукурузы?

— Я принесу, дай ключи.

— Сиди. Мне всё равно надо узнать, звонила ли мать.

Кэтрин поднялась с дивана. Высокая молодая женщина с широкой костью, пышными формами, красивым лицом и копной густых волос. Нашла под журнальным столиком туфли и вышла на улицу.

Февральский вечер можно было назвать скорее сырым, чем холодным. Над автостоянкой стелился туман. На небе мерцал тонкий серп луны, бледный и изогнутый, словно рыболовный крючок. Кэтрин посмотрела на него и почувствовала, как слегка закружилась голова. Она вздохнула

и зашагала через автостоянку в сторону своей квартиры.

Недалеко от её двери возле трейлеров и автоприцепов стоял крытый коричневый грузовичок. Кэтрин обратила на него внимание, потому что он напомнил ей фургон для перевозки посылок, который часто доставлял подарки от матери.

Когда она проходила мимо, из тумана вдруг вынырнула лампа. Большая настольная лампа с абажуром, стоящая на асфальте позади грузовика. Рядом — старое кресло с цветастой ситцевой обивкой. Казалось, огромные красные тюльпаны расцвели прямо в тумане. Оба предмета очень напоминали образцы из выставочного зала.

Кэтрин Бейкер Мартин окинула взглядом вещи и пошла дальше. От гашиша в голове тихо звонили колокольчики. Вид выплывших из тумана вещей почему-то вызвал в памяти слово «сюрреализм». Но она была в порядке, мозги работали вполне нормально. Кто-то въезжает или выезжает. Въезжает. Выезжает. В Стоунхиндж-Виллас вечно кто-то въезжает или выезжает. На окне её квартиры дёрнулась штора, и на подоконнике возник кот.

Перед тем, как вставить ключ в замочную скважину, Кэтрин ещё раз обернулась. Из кузова

грузовичка выбрался мужчина. Одна рука у него была в гипсе и висела на перевязи. Кэтрин вошла в квартиру и захлопнула дверь.

Через минуту, выглянув из-за шторы, она увидела, что мужчина пытается погрузить кресло в кузов машины. Держа его здоровой рукой и помогая себе коленом, он отчаянно старался запихнуть его внутрь. Не получилось — кресло упало на асфальт. Мужчина поставил его на ножки, и лизнув палец, стёр грязь с ситцевой обивки.

Кэтрин вышла на улицу.

— Давайте помогу. — Интонация выражала искреннее желание выручить человека.

— Правда? Спасибо. — Странный напряжённый голос. Акцент не местный.

Грузовик отбрасывал густую тень на лицо мужчины, поэтому Кэтрин удалось рассмотреть лишь фигуру. Он был одет в плотные брюки цвета хаки и замшевую куртку, расстёгнутую на веснушчатой груди. На гладком, словно у женщины, лице не было даже признаков усов или бороды. Глаза тускло мерцали.

Кэтрин почувствовала, что незнакомец тоже рассматривает её. Мужчины частенько удивлялись, глядя на её крупное тело. Одним удавалось скрыть это, другим нет.

— Хорошо, — медленно проговорил он.

От человека исходил неприятный запах. Кэтрин с отвращением заметила, что к рукавам его замшевой куртки прилипли чьи-то кучерявые волосы.

Затолкнуть кресло в низкий кузов грузовичка оказалось совсем несложно.

— Давайте продвинем его вперёд, хорошо? — Человек забрался в кузов и с шумом отодвинул в сторону какие-то автомобильные принадлежности. Они перенесли кресло к переднему борту.

— Подайте, пожалуйста, вон ту верёвку, прямо у вас под ногами.

Когда Кэтрин нагнулась, он с силой ударил её по затылку загипсованной рукой. Девушка механически схватилась за ушибленное место, но тут последовал новый удар, пригвоздивший пальцы к голове, затем ещё, на этот раз по шее, и ещё, пока девушка не потеряла сознание и не упала на пол рядом с креслом.

Выждав несколько секунд, мужчина стянул с руки гипс, снял перевязь, быстро забросил в фургон лампу и закрыл заднюю дверцу. Включил фонарик, и оттянув воротник блузки Кэтрин, прочёл размер.

— Хорошо-о-о-о.

Хирургическими ножницами он разрезал блузку на спине, снял её, связал девушке сзади руки и перевернул её на спину.

Бюстгалтера Кэтрин не носила. Мужчина ощупал пальцами её полные груди, проверил их вес и упругость.

— Хорошо-о-о-о.

На левой груди девушки темнел засос. Он лизнул палец и потёр его, так же, как несколько минут назад стирал грязь с ситцевой обивки кресла. Под лёгким нажимом синяк исчез. Мужчина удовлетворённо кивнул. Затем перевернул девушку на живот, и раздвигая густые волосы, осмотрел голову. Нет, жёсткий гипс не поранил кожу.

Он приложил палец к её шее и посчитал пульс.

— Хорошо-о-о-о.

Путь до его двухэтажного дома предстоял неблизкий, и он решил не развязывать ей руки.

На глазах у сидящего на подоконнике кота грузовичок неспеша тронулся с места и выехал на дорогу.

Где-то в комнате за спиной кота зазвонил телефон. Замигал красный огонёк — включился автоответчик.

Звонила мать Кэтрин, сенатор США от штата Теннесси.

Глава 16

В восьмидесятые годы, получившие название «золотой век терроризма», преступники довольно часто с целью получения выкупа похищали детей членов Конгресса.

В 2.45 начальник отделения ФБР в Мемфисе доложил в Вашингтон об исчезновении единственной дочери сенатора Рут Мартин.

В 3.00 из подземного гаража вашингтонского отдела выехали два фургона без опознавательных знаков. Один направился к зданию Сената, где техники установили пеленгующие и записывающие устройства на телефоны в кабинете сенатора Мартин, а также на все ближайшие телефоны-автоматы. Прокуратура подняла с постели члена Комиссии по специальным расследованиям Сената с целью обеспечения контроля за установкой устройств.

Второй фургон со стёклами односторонней видимости, так называемый «Глаз», напичканный оборудованием для наблюдения, остановился на Вирджиния-авеню, чтобы постоянно держать в поле зрения вашингтонскую резиденцию се-

натора Мартин. Двое из прибывших в фургоне прошли внутрь здания и подключили прослушивающие устройства к домашним телефонам миссис Мартин.

Теперь любой из установленных приборов менее чем за семьдесят секунд мог точно определить место, откуда преступники будут звонить сенатору, чтобы договориться о выкупе.

На случай, если похитители объявятся где-нибудь в районе Вашингтона, взвод быстрого реагирования столичного отделения перешёл на двухсменный график работы. Все радиопереговоры тут же перевелись на обязательный режим кодирования, чтобы не допустить перехвата возможного сообщения о выкупе вертолётами прессы — хоть и редко, но такое иногда случалось.

Спецгруппа по освобождению заложников была поднята по тревоге и приведена в полную боевую готовность.

У всех теплилась надежда, что Кэтрин Бейкер Мартин была похищена профессиональными террористами, преследующими единственную цель — получение выкупа. Такая возможность давала хоть какую-то надежду на спасение девушки.

О чём-то худшем никто не решался даже намекнуть.

Незадолго до того, как над Мемфисом забрезжил рассвет, патрульный, разгоняющий бродяг на Уинчестер-авеню, задержал старика-нищего, собирающего алюминиевые банки и прочий хлам. В его тележке полицейский обнаружил женскую блузку, застёгнутую на все пуговицы и разрезанную сзади, подобно одежде для покойников. По бирке прачечной определили, что блузка принадлежала Кэтрин Бейкер Мартин.

В 6.30 утра Джек Кроуфорд мчался на юг из своего дома в Арлингтоне. Во второй раз за последние две минуты в машине зазвонил телефон.

— Девять-два-два-сорок.

— Сорокового вызывает Альфа-4.

Кроуфорд выехал на обочину и остановился, чтобы уделить разговору максимум внимания. «Альфа-4» был позывной директора ФБР.

— Джек, вы уже в курсе о Кэтрин Мартин?

— Да, только что звонил дежурный.

— Тогда вы знаете о блузке. Говорите.

— Вашингтонский отдел приведён в режим полной готовности на случай похищения, — начал Кроуфорд. — Я бы предпочёл, чтобы этот режим пока не отменяли, а когда отменят, пусть

сохранят хотя бы контроль телефонов. Разрезанная блузка ещё не позволяет с уверенностью утверждать, что это Билл. Возможно, всё подстроено специально, чтобы попугать нас. Тогда очень скоро последует требование выкупа. Кто занимается наблюдением и прослушиванием в Теннеси, мы или они?

— Они. Полиция штата. Они неплохо работают. Тут мне звонил Фил Адлер из Белого Дома. Намекал о «большой заинтересованности» в исходе этого дела самого Президента. Так что, Джек, в случае удачи мы могли бы на кое-что рассчитывать.

— Я это уже понял. А где сама сенатор?

— Направляется в Мемфис. Минуту назад звонила мне домой. Можете себе представить.

— Да уж. — Кроуфорд прекрасно знал сенатора Мартин по бюджетным слушаниям.

— Зверь, а не женщина. Наехала на меня, как каток.

— Не могу её за это винить.

— Да я в принципе тоже, — вздохнул директор. — Я сказал ей, что мы, как и всегда, стараемся изо всех сил. Кстати, она… она в курсе ваших домашних дел и предлагает свой самолёт «Леер». Я бы советовал не отказываться. Хоть ночью смо-

жете слетать домой.

— Хорошо, Томми. Только сенатор — человек жёсткий. И если влезет в это дело, боюсь, мы будем то и дело сталкиваться лбами.

— Понимаю. Ладно, держите меня в курсе. Сколько у нас есть времени, в лучшем случае, дней шесть-семь?

— Не знаю. Если он запаникует, когда узнает, кого похитил, то может и не тянуть, как обычно, а сразу разделаться с ней и выбросить в воду.

— Где вы сейчас?

— В трёх километрах от Куонтико.

— «Леер» сможет там сесть?

— Да.

— Через двадцать минут.

— Слушаюсь, сэр.

Кроуфорд набрал номер аэродрома и снова влился в поток машин.

Глава 17

Измученная беспокойным, наполненным кошмарами сном, Кларис Старлинг в халате и шлёпанцах стояла у двери в ванную, которой кроме неё и Арделии пользовались ещё две девушки из соседней комнаты. Переданное по радио сообщение из Мемфиса приковало её к месту.

— О, Господи, — прошептала Кларис. — Ну и дела. Эй, там в ванной! Вы окружены! Живо выходите по одному с поднятыми трусами!

Щёлкнула задвижка. Кларис пулей влетела внутрь, заскочила под душ и только потом взглянула на перепуганную соседку по комнате.

— Всё нормально, Грейси, ложная тревога. Расслабься. И передай мне мыло.

Прислушиваясь к телефону, она собрала вещи для поездки с ночёвкой и упаковала оборудование для экспертизы. Сообщила дежурному, что она дома и решила не ходить на завтрак, а лучше посидеть у себя в комнате и подождать у телефона. За десять минут до начала занятий, так и не дождавшись звонка, она подхватила вещи и оборудование и помчалась в отдел исследования

человеческой личности.

— Сорок пять минут назад мистер Кроуфорд вылетел в Мемфис, — сообщила секретарша. — Вместе с Барроузом и Стаффордом из лаборатории.

— Вчера вечером я ему оставила отчёт. Он ничего не просил мне передать? Меня зовут Кларис Старлинг.

— Да, я знаю как вас зовут. У меня тут целых три карточки с вашим телефоном, и у него на столе ещё штук пять. Нет, он ничего не передавал вам, Кларис. Может хотите, чтобы я передала что-то *ему*, когда он позвонит?

— А он не оставил своего телефона в Мемфисе?

— Нет, сообщит, когда позвонит. А у вас сегодня разве нет занятий, Кларис? Вы вроде пока ещё курсант, а?

— Да… Да, курсант.

Старлинг немного опоздала на лекцию и два часа с трудом заставляла себя слушать преподавателя, подробно объясняющего все те исключительные случаи, когда обыск задержанного и его квартиры можно проводить без ордера.

Во время большого перерыва она на всякий случай ещё раз проверила почтовый ящик. Ничего. Её вдруг охватило горькое разочарование. Словно вкус таблеток во рту, которыми мама лечила её в

детстве от простуды.

Когда-то она читала, что у каждого человека по крайней мере один раз в жизни бывает момент, когда он просыпается утром в своей постели и вдруг чувствует, что в корне изменился. Сейчас она могла сказать, что то же самое произошло и с ней. То, что она увидела в похоронном бюро Поттера, каким-то странным образом сдвинуло её с привычной оси.

Кларис прошла хорошую школу психологии и криминалистики и за свою недолгую жизнь повидала немало отвратительных и ужасных способов, с помощью которых этот беспощадный мир крушит человеческие ценности. Но только сейчас она поняла, что иногда под видом человека мир порождает разум, величайшим наслаждением которого является то, что вчера лежало на столе похоронного бюро Поттера, штат Западная Вирджиния, в комнате с выцветшими розочками на обоях. И сейчас её осознание этого разума было куда страшнее, чем всё, что приходилось видеть в кабинетах вскрытия. Это осознание теперь навсегда останется внутри и придётся нарастить в душе твёрдый мозоль, чтобы оно не прожгло её насквозь.

Попытка переключиться на занятия ни к чему

не привела. Целый день Кларис не покидало чувство, что всё происходит где-то рядом. Словно эхо с далёкого стадиона, до неё то и дело доносились звуки происходящих событий. В шагах по коридору всё время мерещился посланный за ней дежурный, в гуле мотора за окном слышался прилетевший за ней самолёт.

После занятий Кларис до изнеможения бегала по стадиону, а потом отправилась в бассейн, где плавала до тех пор, пока перед глазами не замелькали утопленники и она, наконец, решила, что воды на сегодня с неё, пожалуй, достаточно.

Вместе с Арделией Мапп и десятком других курсантов Старлинг спустилась в комнату отдыха, чтобы посмотреть семичасовые новости. Сообщение о похищении дочери сенатора Мартин передали не в самом начале, но всё же сразу после обзора женевских переговоров о разоружении.

Показали репортаж из Мемфиса, начавшийся со знака «Стоунхиндж-Виллас», ярко освещённого фарами патрульной машины. Не располагая никакой новой информацией, репортёры брали интервью у всех и каждого, включая друг друга. Представители властей Мемфиса и округа Шелби, завидев направленный на них лес микрофонов, в страхе прятали головы в плечи и под

градом ярких вспышек несли совершеннейшую ересь. Фотокорреспонденты гурьбой неслись запечатлеть каждого, кто входил или выходил из квартиры Кэтрин Бейкер Мартин.

Когда в окне квартиры промелькнула тень Кроуфорда, собравшиеся у телевизора курсанты радостно загудели. Кларис лишь криво улыбнулась.

Интересно, подумала она, смотрит ли сейчас телевизор Буйвол-Билл? Что бы он мог сказать о выражении лица Кроуфорда? И знает ли он вообще, кто такой Кроуфорд?

Судя по разговорам, все остальные курсанты склонялись к мысли, что Билл, скорее всего, сейчас смотрит этот репортаж.

Диктор объявил о прямом включении — и на экране появилась сенатор Мартин, стоящая в спальне дочери на фоне висящего над кроватью вымпела Юго-Западного Университета.

Высокая женщина с волевым, хотя и немного простоватым лицом.

— Я обращаюсь к человеку, у которого спрятана сейчас моя дочь, — начала она, и подойдя ближе к камере, заговорила таким голосом, каким никогда нельзя разговаривать с преступником: — В вашей власти отпустить мою дочь и не при-

чинить ей вреда. Её зовут Кэтрин. Она очень спокойная и понятливая девочка. Прошу вас, отпустите её, пожалуйста, не делайте с ней ничего. Всё сейчас в ваших руках. Вся сила и власть. Я знаю, вы тоже способны любить и страдать. Только вы сумеете защитить её от всего, что может причинить ей зло. Сейчас у вас есть прекрасная возможность доказать всем, что вы тоже способны на доброту, способны относиться к другим лучше, чем этот жестокий мир относится к вам. Её имя Кэтрин.

Глаза сенатора Мартин пропали, и на экране появились кадры любительского фильма, где начинающий ходить ребёнок пытается передвигаться, держась руками за гриву большого колли.

Голос сенатора за кадром продолжал:

— Здесь Кэтрин совсем маленькая. Отпустите Кэтрин. Где бы вы ни были, отпустите её, и вы будете располагать моей помощью и моей дружбой.

На экране замелькали фотографии: восьмилетняя Кэтрин Мартин держится руками за румпель яхты. Яхта стоит на берегу, а отец красит борта. Две недавние фотографии молодой девушки — одна в полный рост, другая крупным планом.

И снова на экране глаза сенатора:

— Перед лицом всей страны я обещаю вам, что вы можете всегда рассчитывать на мою помощь. А моя помощь может быть безгранична. Я сенатор Соединённых Штатов. Под моим контролем находится программа Стратегической оборонной инициативы, системы космического вооружения, которые все называют «звёздными войнами». Если у вас есть враги, я могу уничтожить их. Если кто-то попытается навредить вам, я остановлю его. Вы можете позвонить мне в любое время, днём или ночью. Имя моей дочери — Кэтрин. Прошу вас, покажите нам всем свою силу, отпустите мою дочь, не сделайте ей ничего плохого.

Передача закончилась.

— Вот это лихо, — воскликнула Кларис. — Ну просто класс.

— Что она там сказала, «звёздные войны»? — вскинула брови Арделия. — То есть если инопланетяне попытаются управлять мыслями Буйвола-Билла с другой планеты, сенатор Мартин сможет защитить его — кажется, это она имела в виду?

— Ну да, — кивнула Кларис. — Многим шизофреникам кажется, что ими управляют из

космоса. Если у Билла тоже есть этот пунктик, может, такой подход заставит его раскрыться. Отличный выстрел, и она тоже молодец, даже глазом не моргнула, да? Во всяком случае, это даст Кэтрин хотя бы несколько лишних дней, пока будут вести поиски. А может и нет. Кроуфорд считает, что время его забавы с жертвой, похоже, начинает сокращаться. Но всё равно стоило попробовать.

— Если бы он украл мою дочь, я вообще бы ничего не смогла пробовать. Слушай, а почему она постоянно повторяла её имя?

— Пыталась заставить Буйвола-Билла взглянуть на Кэтрин, как на человека. Они считают, для того, чтобы так поступить с ней, он должен относиться к ней, как к вещи, а не как к человеку. Некоторые из маньяков говорили об этом во время допросов. Что в этом случае у них такое чувство, как будто они режут куклу.

— Как я понимаю, за всей её речью ты видишь руку Кроуфорда?

— Может, Кроуфорда, а может и доктора Блума. А вот, кстати, и он.

По телевизору показывали записанное несколько недель назад интервью с доктором Аланом Блумом из чикагского университета.

Доктор Блум отказался сравнивать Буйвола-Билла с Фрэнсисом Долархайдом, Гарретом Хоббсом или кем-либо ещё из известных ему маньяков. Отказался он и от того, чтобы называть убийцу «Буйволом-Биллом». По правде говоря, он вообще не сказал ничего определённого. Просто он считается крупным экспертом, может даже самым крупным, и средства массовой информации считали своим долгом показать его телезрителям.

— Мы не сможем напугать его ничем, что было бы страшнее тех вещей, которые он видит каждый день, — закончил своё выступление доктор Блум. — Но что мы можем — так это попросить его прийти к нам. Можем пообещать ему хорошее обращение, помощь и облегчение от страданий, и дать слово, что сдержим обещания.

— Помощь, облегчение… — проворчала Мапп. — Я бы тоже не отказалась сейчас от помощи, чтобы испытать облегчение. Да, этот доктор Блум не много им рассказал, но, по-моему, Билла он тоже не особенно тронул своей пламенной речью.

— Знаешь, а у меня всё время не выходит из головы этот труп в Западной Вирджинии, — вздохнула Кларис. — Иногда забудусь на какой-нибудь

час — и снова. Этот яркий лак у неё на ногтях… бррр…

Возвращаясь к себе в комнату, Старлинг обнаружила в почтовом ящике короткую записку: *Пожалуйста, позвоните Альберту Родену.* Ниже стоял номер телефона.

— Ну вот, опять подтверждается моя теория, — бросила она Арделии, когда обе с учебниками в руках улеглись на кровати.

— Какая теория?

— Когда знакомишься с двумя сразу, тот, кто тебе не понравился, постоянно звонит и шлёт записки.

— Да, мне это тоже знакомо.

Зазвонил телефон. Кларис потянулась к трубке.

— Если это Бобби Лорэнс, скажи ему, что я в библиотеке. Скажи, что завтра сама ему перезвоню.

Но это оказался Кроуфорд. Он звонил из самолёта. Голос слабо прорывался сквозь густой гул и треск помех.

— Старлинг, соберите вещи на двое суток. Встречаемся через час…

Она уже было подумала, что он положил трубку — до слуха доносился лишь шум. Но вдруг голос прорезался снова:

— …не нужно брать никакого оборудования, только вещи.

— Но где мы встретимся?

— В музее «Смитсониан», — бросил Кроуфорд, и тут же заговорив с кем-то сидящим рядом, положил трубку.

— Это Джек Кроуфорд, — радостно выдохнула Кларис, бросив на кровать дорожную сумку.

Арделия Мапп оторвалась от учебника, и прищурившись, молча наблюдала, как подруга молнией мечется по комнате, собираясь в дорогу.

— Я, конечно, не хочу ничем забивать тебе голову… — наконец проговорила она.

— Да хочешь, хочешь, — улыбнулась Кларис. Она уже знала, что последует за этими словами.

Работая по ночам, Мапп прекрасно окончила университет штата Мэриленд. В Академии она постоянно была второй в группе по успеваемости, поражая всех своим прямо-таки фанатичным отношением к учёбе.

— Завтра у тебя экзамен по уголовному кодексу, а через два дня — зачёт по физподготовке. Так что хотя бы намекни ему, что если он не замолвит словечко, тебя могут отчислить из Академии. Поэтому, когда он похлопает тебя по плечу и скажет:

«Хорошая работа, курсант Старлинг», не бормочи: «Всегда рада помочь», а посмотри ему прямо в его бесстыжие глаза и скажи: «Я надеюсь, что вы лично проследите, чтобы меня не отчислили за пропуски занятий». Поняла, что я говорю?

— Ну, если я пойду на экзамен накрашенная… — подмигнула Кларис, открывая зубами заколку.

— Во-во, и провалишься, потому что ничего не выучила. Думаешь, они тебя не отчислят? Девочка моя, да никто не вспомнит про все твои заслуги. Вышвырнут, как мокрую курицу. Так что заставь его замолвить словечко. Должна же с его стороны быть хоть какая-то благодарность. А то потом я вряд ли найду себе в комнату кого-то другого, кто сможет за одну минуту до занятий так быстро погладить нам форму.

Старенький «Пинто» нёсся по четырёхполосной автостраде в сторону Вашингтона. Кларис прекрасно знала, на какой скорости машина начинает вибрировать, и несмотря на всю спешку, старалась, чтобы стрелка спидометра не заходила за критическую отметку. Запах горячего масла, грохот изношенного двигателя, жалобный скрип коробки передач — всё это возрождало в голове смутные воспоминания о том, как в детстве она вместе с братьями и сестрой катались с отцом

на его прошедшем огонь и воду «пикапе». Она всегда сидела впереди, малыши же забирались на заднее сидение, всю дорогу хохоча и визжа от восторга.

Сейчас Кларис сама сидела за рулём, ведя машину сквозь чёрную пелену ночи, навстречу мелькающим огням встречных автомобилей. У неё было время подумать, но на фоне мыслей тотчас возникали воспоминания о недавних событиях, порождая в душе предательский холодок страха и странную тревогу.

Кларис очень боялась, что тело Кэтрин Бейкер Мартин уже нашли. Если Буйвол-Билл узнал, кто она такая, он вполне мог запаниковать. А запаниковав, постараться побыстрее убить её и выбросить в реку, не забыв засунуть в горло куколку насекомого.

Скорее всего, так оно и есть, и сейчас Кроуфорд везёт эту куколку для опознания. Иначе зачем бы он вдруг назначал ей встречу в музее «Смитсониан»? Хотя вообще-то, любой агент мог бы привезти в музей эту куколку, даже простой фэбээровский курьер. Плюс ко всему Кроуфорд сказал, чтобы она собрала вещи на двое суток.

Конечно, по открытой телефонной линии он не мог ей ничего объяснить, но от этой неизвестно-

сти теперь с ума можно сойти.

Кларис покрутила радио, нашла новости, и вся обратилась в слух. Напрасно. Диктор только повторила информацию, которая уже была передана в семичасовом выпуске. Дочь сенатора Мартин бесследно исчезла. Полиция обнаружила её блузку, разрезанную на спине в стиле Буйвола-Билла. Ни единого свидетеля. Жертва, найденная в Западной Вирджинии, остаётся неопознанной.

Западная Вирджиния. Среди воспоминаний о похоронном бюро Поттера было и что-то весьма ценное. Что-то хорошее, тускло мерцающее среди всего этого мрака и ужаса. Что-то, что нужно обязательно сохранить в памяти. Кларис напряглась и постаралась сообразить, что же именно. В похоронном бюро Поттера, стоя у раковины, она смогла почерпнуть силы из источника, который одновременно и удивил, и обрадовал её — из воспоминания о маме.

Она остановила «Пинто» у Управления ФБР на углу Десятой и Пенсильвания. На тротуаре расположились две телевизионные бригады, снимая свои репортажи на фоне главного здания Бюро. Кларис погасила фары и пешком прошла два квартала к музею «Смитсониан».

Несколько окон старинного здания были

освещены. Неподалёку стоял фургон окружной полиции Балтимора. Водитель Кроуфорда, Джефф, скучал за рулём другого фургона. Увидев Старлинг, он что-то тихо сказал в переговорное устройство.

Глава 18

Охранник проводил Кларис на этаж, расположенный двумя уровнями выше огромного чучела слона. Двери лифта открылись. Джек Кроуфорд ждал её в тускло освещённом коридоре, засунув руки в карманы плаща.

— Добрый вечер, Старлинг.

— Здравствуйте.

— Отсюда мы доберёмся сами, спасибо, — бросил он через плечо охраннику.

Вдвоём с Кларис они двинулись по коридору, уставленному витринами с антропологическими экспонатами. На потолке были включены лишь несколько ламп. Войдя в ритм его быстрых, уверенных шагов, Кларис вдруг почувствовала, что ему хочется обнять её или хотя бы положить руку на плечо, и что он обязательно сделал бы это, если бы не разница в возрасте и положении.

Она ждала, что Кроуфорд заговорит, но в конце концов не выдержала, остановилась и тоже засунула руки в карманы. На несколько секунд они замерли, глядя друг на друга в безмолвном молчании древних костей.

Наконец, Кроуфорд прислонился затылком к стеклянной витрине, глубоко вздохнул и сказал:

— Возможно, Кэтрин Мартин ещё жива.

Кларис кивнула и опустила голову. Может, ему будет легче говорить, если она не будет смотреть на него? Кроуфорд выглядел спокойным и сдержанным, но было заметно, что в нём сорвалась какая-то пружина. На секунду Кларис подумала, что у него умерла жена. А может, всё это просто результат долгого общения с обезумевшей от горя матерью Кэтрин?

— В Мемфисе почти никаких следов, — продолжал Кроуфорд. — По всей вероятности, он напал на неё на автостоянке. Никто ничего не видел. Она вошла в квартиру, а потом по какой-то непонятной для нас причине вышла наружу. На улице долго задерживаться не собиралась — дверь оставила приоткрытой, а замок поставила на предохранитель, чтобы не защёлкнулся. Ключи оставила на телевизоре. Внутри полный порядок. По-моему, она пробыла в квартире совсем недолго. Не дошла даже до автоответчика в спальне. Когда её дружок вызвал полицию, он всё ещё мигал, показывая, что она не прослушала, кто ей звонил. — Кроуфорд механически опустил ладонь на витрину, наткнулся на какую-то

кость и быстро отдёрнул руку. — Итак, Старлинг, значит сейчас она у него. Пресса согласилась не делать никаких заключений в вечерних новостях — доктор Блум считает, это может подтолкнуть его к нежелательным действиям. Но всё равно какие-нибудь бульварные газетёнки обязательно растрезвонят слухи по всей стране.

Во время одного из прошлых похищений разрезанная на спине одежда жертвы была найдена достаточно быстро, чтобы можно было установить, что девушка находится в руках Буйвола-Билла, когда она ещё была жива. Кларис вспомнила обведённые чёрной рамкой статьи в бульварных газетках. После этого тело жертвы было брошено в реку только на восемнадцатый день.

— Итак, Старлинг, Кэтрин Бейлер Мартин в лапах у Буйвола-Билла, и у нас есть максимум неделя. Максимум, потому что Блум полагает, что время на «обработку» жертвы у него постепенно сокращается.

Кроуфорд замолчал. Кларис с нетерпением ждала, когда шеф перейдёт к делу. После небольшой паузы тот продолжал:

— Но на этот раз, Старлинг, на этот раз у нас может появиться немного больше шансов на успех.

Кларис подняла голову и взглянула на него

взглядом, полным надежды и внимания.

— У нас появилось ещё одно насекомое. Ваши знакомые, Пилчер и этот второй, как его?

— Роден.

— Да. Они как раз сейчас занимаются им.

— Где вы его нашли? В Цинциннати, у той неопознанной девушки?

— Нет. Пойдёмте, я покажу. Интересно, что вы скажете.

— Энтомологический отдел в другую сторону, мистер Кроуфорд.

— Знаю.

Они завернули за угол и оказались перед дверью антропологической лаборатории. Сквозь матовое стекло пробивался свет, изнутри доносились голоса. Кларис вошла внутрь.

При свете ярких ламп три человека в белых халатах склонились над столом в центре комнаты.

Что они делали, видно не было. Джерри Барроуз из отдела Кроуфорда заглядывал через головы и делал какие-то пометки в блокноте. В комнате витал уже знакомый запах гнили и химикатов.

Один из мужчин отошёл в сторону, чтобы положить что-то в ванночку — и она всё увидела.

На столе, на большом подносе из нержавеющей стали лежал «Клаус» — голова, которую она на-

шла в «Мини-хранилище Сплит-Сити».

— У Клауса в горле тоже оказалась куколка, — сказал Кроуфорд. Одну минуту, Старлинг, прошу прощенья. Джерри, ты говоришь с диспетчерской?

Барроуз, передающий по телефону информацию из своего блокнота, прикрыл трубку ладонью:

— Да, Джек, они там пытаются составить портрет.

Кроуфорд взял трубку:

— Бобби, не жди, пока начнёт работать Интерпол. Бери изображение и медицинское заключение и передавай сам. В Скандинавские страны, Западную Германию, Нидерланды. Не забудь сказать, что Клаус мог быть моряком торгового флота. Возможно, сбежал с судна. Пусть потрясут больницы — он мог обращаться по поводу перелома челюсти, или как там она называется, Джерри? Да, скуловой дуги. Не забудь отправить дентальные снимки. Давай. — Он отдал трубку Барроузу и повернулся к Кларис.

— Где ваша машина, Старлинг?

— Внизу.

Они вышли в коридор и вызвали лифт.

— Насекомое обнаружил Джонс Хопкинс, —

рассказал Кроуфорд. — Они исследовали голову для окружной полиции Балтимора. Куколка была в горле, как и у той девушки в Западной Вирджинии.

— Лучше просто «как в Западной Вирджинии».

— Не перебивайте. Джонс Хопкинс нашёл её сегодня около семи часов вечера. Прокурор округа позвонил мне, когда я летел в самолёте. Они прислали всё целиком, и насекомое, и самого Клауса, чтобы мы смогли увидеть всё in sita. Они ещё хотят, чтобы доктор Энджел определил возраст Клауса и установил год, когда он повредил скулу. Они тоже часто прибегают к помощи «Смитсониана», как и мы.

— Одну секунду, мистер Кроуфорд. Так вы хотите сказать, что возможно, Клауса убил Буйвол-Билл? Много лет назад?

— Вам это кажется маловероятным? Слишком сильно напоминает простое совпадение?

— Сейчас, в эту секунду — да.

— Давайте подумаем вместе.

— Доктор Лектер сказал мне, где искать Клауса, — начала Кларис.

— Верно, сказал.

— Доктор Лектер сказал мне, что его пациент, Бенджамин Распейл, признался, что убил Клауса.

Но сам Лектер считает, что смерть скорее всего наступила в результате асфикции на сексуальной почве.

— Именно так.

— И вы думаете, что, быть может, доктор Лектер точно знает, как умер Клаус, и что Распейл и асфикция тут ни при чём?

— В горле у Клауса нашли насекомое. У девушки в Западной Вирджинии тоже. Подобного я не встречал нигде и никогда. Не читал и даже не слышал. А вы что думаете об этом?

— Я думаю, что если вы сказали мне собрать вещи на два дня, значит хотите, чтобы я встретилась с доктором Лектером, правильно?

— Вы единственная, с кем он говорит, Старлинг. — Кроуфорд посмотрел на неё печальным взглядом. — Надеюсь, вы не откажетесь?

Кларис кивнула.

— Детали обсудим по дороге в лечебницу.

Глава 19

— Ещё до того, как мы взяли Лектера за многочисленные убийства, он имел обширную психиатрическую практику, — начал Кроуфорд. — Проводил психологические обследования преступников для судов Мэриленда, Вирджинии и других штатов по всему восточному побережью. Повидал немало душевнобольных. Неизвестно, на кого он их мог натравливать, просто так, ради забавы. Это один путь, откуда он может знать Клауса. Кроме того, он хорошо знал Распейла, и во время сеансов тот многое ему рассказывал. Мог рассказать и о том, кто убил Клауса.

Кроуфорд и Старлинг сидели друг напротив друга в фэбээровском фургоне, мчавшемся по 95-ой автостраде на север, в сторону Балтимора, лежащего в шестидесяти километрах от Вашингтона. Сидящий за рулём Джефф гнал фургон на полной скорости, повинуясь приказу «добраться как можно быстрее».

— Лектер предложил свою помощь, это старый приём. Я уже видел, как он помогает. Ни разу не сообщил ничего полезного, а Уиллу Грэну помог

получить удар ножом в лицо. Так, ради забавы. Но это насекомое в горле у Клауса и у этой девушки из Западной Вирджинии… на это я не могу махнуть просто так рукой. Ни Алан Блум, ни я никогда не сталкивались и даже не слышали о чём-то подобном. А вы, Старлинг? По-моему, вам пришлось прочесть немало специальной литературы?

— Нет, никогда. Читала, что засовывают другие предметы, но насекомых — ни разу.

— Для начала остановимся на двух моментах. Первое, мы приняли без доказательств, что Лектеру действительно известны какие-то конкретные факты. И второе, мы запомнили, что Лектер делает всё исключительно ради развлечения. Никогда не забывайте об этом. Идём дальше. Он хочет, чтобы Буйвола-Билла поймали до того, как он успеет расправиться с Кэтрин Мартин. Все его выгоды лежат в этом направлении. У нас больше нечем запугать его — он уже потерял и книги, и унитаз.

— А что, если нам просто обрисовать ему ситуацию и что-нибудь пообещать? Ну, например, камеру с окном. Он ведь хотел именно это, когда предлагал помочь нам.

— Он предлагал помочь, Старлинг. Помочь, а не

написать донос. Простой донос не даёт ему возможности порисоваться и попускать нам пыль в глаза. Вы в смятении, вы ждёте от него правды. А он не спешит. Ему некуда торопиться. Он наблюдает за всем, что происходит, как за бейсбольным матчем. Так что даже если мы попросим его написать донос, он всё равно будет выжидать. Сразу он ничего не напишет и не расскажет.

— Даже за награду? За что-то, чего он не получит, если Кэтрин Мартин умрёт?

— Представим, мы скажем ему, что знаем о его осведомлённости в этом деле и хотим, чтобы он написал донос. Тогда наибольшее удовольствие он получит от того, что будет тянуть резину и прикидываться, будто пытается припомнить факты. И так неделю за неделей, заставляя сенатора Мартин надеяться и в то же время позволяя Кэтрин умереть. А потом примется мучить ещё одну, другую мать, и ещё одну, во всех вселяя надежды своими заявлениями, что он уже почти вспомнил — это для него куда интереснее, чем получить камеру с видом из окна. В этом вся его жизнь, его питательная среда. Знаете, Старлинг, я не сторонник той мысли, что с возрастом человек становится мудрее и набирается опыта, но что действительно приходит с годами, так это умение

хитрить. И вот сейчас нам как раз и представляется возможность проявить свою хитрость.

— Значит, доктор Лектер должен подумать, что мы пришли к нему, чтобы поговорить по чисто теоретическим вопросам.

— Правильно.

— Тогда зачем вы мне всё это объясняли? Почему просто не направили меня поговорить с ним таким образом?

— Я рассуждаю. Вы тоже будете так делать, когда станете начальником. Самый лучший способ мыслить.

— Итак, не следует упоминать о найденном в горле у Клауса насекомом. И вообще — никакой связи между Клаусом и Буйволом-Биллом.

— Верно. Вы пришли к нему потому, что изумлены его предсказанием о снятии скальпов. Я дам вам бумагу, где официально отказываю ему в его просьбе. Но поиграйте на этом. У вас есть предложение кое-каких привилегий — и этот вопрос может решить кто-то из влиятельных людей, например таких, как сенатор Мартин. Он должен понять, что необходимо поторопиться, потому, что если Кэтрин умрёт, все предложения для него кончатся. Как только это происходит, сенатор Мартин тут же теряет к нему всякий ин-

терес. Если же он ошибётся, то только из-за того, что недостаточно умён и компетентен, чтобы выполнить обещание, а не из-за того, что будет водить нас за нос.

— А сенатор Мартин хоть знает о нём?

— Лучше бы вы не задавали этого вопроса, Старлинг.

— Понятно.

Итак, сенатору Мартин никто ничего не говорил. Скорее всего, Кроуфорд просто побоялся, что она настоит на том, чтобы самой поговорить с Лектером, а потом допустит ошибку и испортит всё дело.

— Вам действительно понятно?

— Да. Только как он сможет вывести нас на Буйвола-Билла, не показав, что не только догадывается, но и знает о нём кое-что?

— Не знаю, Старлинг. У него было достаточно времени это обдумать. Он переждал уже шесть жертв.

Кроуфорд повернулся к телефону и следующие минут двадцать звонил в департаменты полиции Швеции, Дании и Бельгии, прося ускорить опознание Клауса. Все уже получили телексы с запросом Интерпола и начали поиски.

Кларис видела, что Кроуфорд специально по-

добрал для поездки фургон, снабжённый всем необходимым для международной телефонной связи. Хотя, честно говоря, из кабинета звонить было бы намного удобнее. Да и вообще, не очень-то пристало начальнику отдела трястись ночью в машине, отбросив более важные дела. В принципе, он мог бы проинструктировать её и по телефону. Но Кроуфорд всё же поехал, и Кларис была от души благодарна ему за поддержку.

У неё появилось чувство, что и эта поездка, и разрешение на её задание дались Кроуфорду недёшево. Телефонный разговор шефа с директором Бюро подтвердил её мысли.

— Нет, сэр… Нет… Нет, никаких микрофонов и диктофонов… Томми, это моя личная рекомендация, и я настаиваю на этом. Я против, чтобы она брала с собой диктофон… Да, и доктор Блум то же самое говорит… Он? Застрял в аэропорту. Туман. Прилетит как только прояснится… Хорошо.

Покончив с делами, Кроуфорд позвонил домой и поговорил с дежурящей у постели жены медсестрой. Потом повесил трубку и несколько минут сидел, устремив невидящий взгляд в тёмное окно. Наконец, тяжело вздохнул, надел очки и снова повернулся к Кларис.

— Будем разговаривать с Лектером три дня.

Если ничего не высосем, балтиморская полиция начнёт его пытать, пока суд не оттащит их за уши.

— В прошлый раз пытки ни к чему не привели. Доктора Лектера не очень-то заставишь говорить.

— Да уж. Что он им там соорудил тогда, бумажного цыплёнка?

— Ага.

— Хотя балтиморскую полицию тоже ни в чём не упрекнёшь, — вздохнул Кроуфорд. — Ведь Лектер их заключённый. Если Кэтрин всё же погибнет, по крайней мере они смогут сказать сенатору Мартин, что испробовали все способы.

— Как сама сенатор Мартин?

— Держится прекрасно, а что на душе… можно себе представить. Она крепкая, волевая женщина, к тому же очень умная. Вам бы, Старлинг, она, наверное, понравилась.

— А Джонс Хопкинс и балтиморская полиция будут держать язык за зубами насчёт насекомого в горле у Клауса? Сможем сохранить всё в секрете от прессы?

— Дня три, пожалуй, сможем.

— Тогда ещё ничего.

— Не следует доверять Фридерику Чилтону или

кому-либо ещё из этой больницы, — предупредил Кроуфорд. — Узнает Чилтон — узнают все. Конечно, Чилтон будет в курсе о вашем визите, но запомните: вы помогаете балтиморской полиции закрыть дело Клауса — и никакого отношения к Буйволу-Биллу.

— И я занимаюсь этим среди ночи?

— Это единственное возможное время. Кстати, информация о насекомом в Западной Вирджинии появится в утренних газетах. Медэксперт из Цинциннати проболтался. Так что теперь это уже не секрет. Можете тоже «проговориться» об этом Лектеру. Если он не будет знать, что такую же куколку мы нашли в горле у Клауса, никакого значения это не имеет.

— Что ещё мы можем ему предложить?

— Я как раз думаю об этом, — ответил Кроуфорд и снова повернулся к телефону.

Глава 20

Большая ванная, выложенная белоснежным кафелем. Яркие светильники под застеклённым потолком. Витые металлические полочки в итальянском стиле на декоративной кирпичной стене. Среди зелени вьющихся растений — изящный несессер, наполненный косметикой. Огромное зеркало, запотевшее от струящейся из душа горячей воды. Из-под душа неестественно высокий голос напевает мелодию из старого мьюзикла. В основном звучит лишь мотив, но иногда вспоминаются и некоторые слова. Снаружи в дверь ванной скребётся маленькая собачка.

Под душем стоит Джеймс Гамб, белый мужчина, тридцать четыре года, рост сто восемьдесят три сантиметра, вес девяносто три килограмма, каштановые волосы, голубые глаза, никаких особых примет. Своё имя сам Джеймс произносит без буквы «с»: Джейм. И требует, чтобы все остальные тоже называли его именно так.

Хорошенько смочив тело, Гамб намыливает грудь и бёдра руками, а те части тела, которых ему неприятно касаться — мочалкой. Ноги, пожа-

луй, немного волосаты, но ничего.

Гамб тщательно вытирается и смазывает кожу смягчающим кремом. Большое, в полный рост зеркало скрыто от него шторкой душа.

Гамб мочалкой запихивает свои мужские достоинства между ног, отдёргивает шторку и предстаёт перед зеркалом в позе порнозвёзды, поигрывая бёдрами.

— Сделай же что-нибудь со мной, мой милый. Побыстрее, я вся горю.

Он пытается говорить очень высоким голосом и отмечает, что сегодня это получается уже гораздо лучше. Конечно, гормоны, которые он принимал, не очень-то изменили голос, но зато на чуть увеличившихся грудях выпали почти все волосы. После многочисленных электропроцедур перестали расти усы и борода — и всё же он не очень похож на женщину. Он всё ещё мужчина, способный защитить себя не только ногтями, но и кулаками.

Являет ли его поведение действительную попытку превратиться в женщину, или это всего лишь шутка — трудно сказать при беглом знакомстве. А беглые знакомства — единственные, которые он заводит.

— Что ты собираешься со мной делать?

На звук его голоса в дверь ванной снова скребётся собачка. Гамб надевает халат и впускает её внутрь. Маленький абрикосовый пудель тут же прыгает ему на руки. Гамб нежно целует его в нос.

— О-о-о! Наверное, проголодалась, Красотка? Я тоже.

Он пересаживает собачку с одной руки на другую и открывает дверь в спальню. Пудель пытается спрыгнуть.

— Секундочку, моя радость, сейчас. — Свободной рукой он поднимает с пола лежащий у кровати карабин «Мини-14» и кладёт его на подушку. — Ну вот. Теперь прыгай. А через минуту будем ужинать.

Он опускает собачку на пол и облачается в пижаму. Пудель радостно спускается за ним вниз в кухню.

Джеймс Гамб достаёт из микроволновой печи три готовых обеда. Два «Хангри Мэн» для себя, и один «Лин Казин» для Красотки.

Собачка быстро съедает мясо и десерт, не тронув овощи. Джеймс Гамб оставляет на своей тарелке только кости.

Он выпускает пуделя через заднюю дверь и с улыбкой наблюдает, как пёс носится по двору.

— Ну-ну, девочка моя, ты ещё не сделала дело номер два. Ну хорошо, я не буду смотреть. — Он закрывает лицо ладонями, но продолжает подсматривать. — Ах ты, озорница. Прямо настоящая леди, да? Ну, пойдём, пора ложиться спать.

Мистер Гамб любит ложиться спать и делает это по нескольку раз за ночь. Любит он и вставать, чтобы потом подолгу сидеть без света в одной из многочисленных комнат своего дома, или немного поработать, если вдруг придёт вдохновение.

Он собирается выключить свет, но замечает оставшиеся после ужина тарелки, собирает их и вытирает стол. Затем выходит из кухни, включает свет в подвале и спускается вниз, неся в руке тарелки. Запертая в кухне Красотка скулит и царапается в дверь.

— Ну хорошо, крошка. — Он возвращается, берёт пуделя на руки и несёт вниз. Тот пытается дотянуться до тарелок. — Нет, малышка, нельзя, ты уже и так съела слишком много.

Он ставит собаку на пол, и она бежит за ним по лабиринтам подвальных помещений. В комнате прямо под кухней находится глубокий сухой колодец. Его край, отделанный кирпичным кольцом, почти на метр возвышается над песчаным полом. Колодец закрыт тяжёлой деревянной

крышкой с отверстием, вырезанным под размер ведра. Джеймс Гамб высыпает туда остатки пищи из тарелок.

Кости и недоеденные овощи исчезают в темноте колодца. Пудель садится на пол и тихонько скулит, выпрашивая кусочек.

— Нет-нет, видишь, уже ничего не осталось, — улыбается Гамб. — Хватит, и так ты у меня слишком толстая.

Он поднимается наверх, на ходу играя с собакой и не обращая внимания на громкий жалобный крик, доносящийся из тёмной дыры колодца:

— Пожа-а-алуйста…

Глава 21

В начале одиннадцатого вечера Кларис Старлинг вошла в балтиморскую Государственную клинику для душевнобольных преступников. Она была одна. Кларис надеялась, что в такой поздний час доктора Фредерика Чилтона не будет, но он ожидал её в своём кабинете.

На Чилтоне был спортивный пиджак английского покроя и белоснежная рубашка. На шее красовался шёлковый платок. Кларис с ужасом подумала, что он вырядился так специально для встречи с ней.

Кроме привинченного к полу стула перед письменным столом доктора, в кабинете не было никакой мебели. Кларис прошла в комнату, поздоровалась и остановилась возле стула.

Доктор Чилтон закончил, наконец, осмотр своей коллекции крошечных моделей локомотивов и поднял глаза на девушку.

— Хотите чашечку кофе?

— Нет, спасибо. Простите, что побеспокоила вас в такой поздний час.

— Всё ещё хотите раскопать что-нибудь но-

венького в деле с этой головой?

— Да. Окружной прокурор Балтимора сказал, что договорился с вами, доктор Чилтон.

— О, да. Я, знаете ли, всегда тесно сотрудничаю с властями. Кстати, вы пишите какую-нибудь статью или, может, диссертацию?

— Нет.

— А вы когда-нибудь уже публиковались в специализированных научных журналах?

— Нет, никогда. Это всего лишь услуга, которую прокуратура попросила меня оказать балтиморской окружной полиции, в частности отделу расследования убийств. Мы ведь фактически сами подбросили им это нераскрытое дело, так что сейчас пытаемся хоть как-то помочь связать концы с концами. — Кларис чувствовала, что неприязнь к Чилтону помогает ей врать легко и свободно, что называется «без запинки».

— Вы подключены, мисс Старлинг?

— Я что?

— У вас есть микрофон, чтобы записывать, что скажет доктор Лектер? Вообще «подключены» — это полицейский термин. Я думал, вы знаете.

— Нет.

Доктор Чилтон вытащил из ящика маленький диктофон и вставил кассету.

— Положите это к себе в сумочку. А потом я прослушаю и дам вам копию. Пригодится, когда будете писать отчёт.

— Нет, доктор Чилтон, я не могу это взять.

— Но почему? Власти Балтимора постоянно просят от меня анализа всего, что говорит Лектер по поводу дела этого Клауса.

Постарайтесь не ссориться с Чилтоном, вспомнились слова Кроуфорда. *Мы, конечно, можем заставить его повиноваться через суд, но Лектер сразу же это учует. Ему достаточно одного взгляда на Чилтона, чтобы узнать всё, что он думает.*

— В прокуратуре Соединённых Штатов считают, что вначале нужно попробовать способ обычного разговора. Если я тайно запишу нашу беседу, а он каким-то образом узнает, это будет означать… это сразу положит конец всей той рабочей атмосфере, которой мы уже достигли.

— Но каким же образом он узнает?

Да прочтёт в газете вместе со всей остальной информацией, которая станет тебе известна, старый козёл.

— Доктор, если нам нужно будет записать разговор с Лектером для представления в суд в качестве свидетельских показаний или ещё

по какой-либо причине, вы будете первым, кто услышит эту запись. К тому же вас обязательно пригласят в суд засвидетельствовать её подлинность. А сейчас я бы хотела провести просто, так сказать, предварительную беседу.

— А вы знаете, почему он не отказывается разговаривать с вами, мисс Старлинг?

— Нет, доктор Чилтон.

Он обвёл взглядом развешанные на стене дипломы и сертификаты, как будто собрался начать речь в ходе избирательной кампании. И снова повернулся к Старлинг.

— Вы вообще, отдаёте себе отчёт, чем занимаетесь?

— Конечно.

У Кларис начали дрожать колени. Нет, не следует затевать сейчас ссору с этим Чилтоном. Нужно поберечь силы на доктора Лектера.

— Вы занимаетесь тем, что приходите ко мне в больницу, чтобы взять интервью, и отказываетесь поделиться со мной информацией.

— Я всего лишь выполняю инструкции, доктор Чилтон. У меня есть номер телефона Генерального прокурора Соединённых Штатов. Так что либо обсудите этот вопрос с ним, либо разрешите мне приступить к работе.

— Я здесь не просто надзиратель, мисс Старлинг. И прибегаю сюда среди ночи не просто для того, чтобы кого-то впустить и кого-то выпустить. Между прочим, у меня на сегодня был билет на оперетту.

Услышав слово «билет», Кларис вдруг тут же ярко представила себе всю его жизнь. Увидела его полупустой холостяцкий холодильник, усыпанный крошками журнальный столик, на котором он, сидя перед телевизором, устало ужинает в полном одиночестве, увидела все его вещи, месяцами стоящие на полках, ожидая, пока он снимет или хотя бы передвинет их, уловила всю тоску его бесцветной, скучной жизни. И сразу же почувствовала, что сейчас не нужно ни говорить, ни отводить глаз. Она чуть наклонила голову и посмотрела на него долгим взглядом, пока не поняла, что он больше не сможет продолжать разговор.

Через минуту Кларис уже спускалась в подвал вместе с санитаром по имени Алонцо.

Глава 22

Шагая рядом с Алонцо по лабиринтам психиатрической лечебницы, Кларис удалось отключиться, чтобы не слышать хлопанья дверей и криков сумасшедших, хотя она и чувствовала эти звуки всем своим существом. Было ощущение, что они всё глубже и глубже опускаются под воду.

Близость безумия — мысль о связанной по рукам и ногам Кэтрин Мартин, о маньяке, обнюхивающем её и лезущем в карман за каким-нибудь ужасным орудием пытки — подталкивала Кларис на то, чтобы во что бы то ни стало выполнить свою работу. Но ей нужна не просто решимость. Ей нужно быть спокойной, уверенной в себе, нужно превратиться в острое, тонкое орудие. Нужно суметь проявить терпение, зная, что необходимо спешить. Если доктор Лектер и в самом деле знает ответ на её вопрос, нужно суметь вычленить этот ответ сквозь все хитросплетения его речи.

Кларис вдруг поймала себя на том, что думает о Кэтрин Мартин как о ребёнке, которого она видела в выпуске новостей — маленькой девочке на борту огромной яхты.

Алонцо остановился у последней двери и нажал на кнопку звонка.

— …Научи нас быть терпимыми к ближним и нетерпимыми к врагам, научи владеть собой…

— Что, простите? — вскинул брови Алонцо, и Кларис осознала, что молится вслух.

Он оставил её на попечение громадного санитара, который открыл дверь.

— Добро пожаловать к нам снова, — прогремел санитар, закрывая засов на бронированной двери.

— Привет, Барни, — попыталась улыбнуться Кларис.

В руке санитар сжимал толстую книгу в мягкой обложке. «Чувства и восприимчивость» Джейн Аустен, быстро прочла Кларис.

— Как быть со светом? — спросил санитар.

Коридор между ровными рядами камер был погружён во мрак. Лишь последняя клетка светилась ярким светом.

— Доктор Лектер не спит.

— Ночью он никогда не смыкает глаз. Даже если выключить весь свет.

— Пусть всё остаётся как есть.

— Когда будете идти, держитесь середины коридора и не трогайте решётки, ладно?

— Я бы хотела выключить этот чёртов телевизор, — попросила Старлинг.

Телевизор стоял в дальнем конце и был развёрнут к центру коридора. Кое-кто из пациентов смотрел его, прислонив голову к решётке.

— Конечно. Выключите звук, но если не возражаете, оставьте хотя бы изображение. Некоторым из них нравится таращиться в этот ящик. Если захотите присесть, стул там же, где и раньше.

Стараясь не смотреть по сторонам, Кларис двинулась по тёмному коридору. Стук каблуков эхом отдавался в ушах. Единственным посторонним звуком был храп, доносящийся из одной камеры, и тихое бормотание из другой.

В камеру Миггса поселили новенького. Краем глаза Кларис увидела вытянутые на полу длинные ноги и голову у самой решётки. Человек сидел на полу, пытаясь сложить что-то из листа бумаги. Лицо не выражало абсолютно никаких чувств. В пустых зрачках отражался свет от экрана телевизора. Из угла рта на плечо стекла слюна.

Кларис не хотелось заглядывать в камеру доктора Лектера, не убедившись, что он увидел её. Она прошла мимо и выключила звук телевизора.

На Лектере была белая, такая же, как и вся

его камера, пижама. Лишь его глаза, волосы, да красные губы придавали этому обиталищу хоть какой-то цвет. Он сидел за столом у самой сетки, отгораживающей его от железной решётки, и рисовал свою руку на куске туалетной бумаги.

Кларис подошла ближе. Лектер поднял голову.

— Добрый вечер, доктор Лектер.

Из его рта появился кончик языка, быстро лизнул верхнюю губу и снова спрятался.

— Кларис.

В его голосе по-прежнему звучал металлический скрип. Интересно, сколько он не разговаривал?

— Поздновато для школьницы.

— Будем считать, это у меня вечерняя школа, — ответила Кларис, тут же подумав, что голос прозвучал недостаточно уверенно. — Вчера я была в Западной Вирджинии.

— Вы поранились?

— Нет, я…

— У вас свежая повязка, Кларис.

— Ах, да, — удивлённо вспомнила она. — Я поцарапалась сегодня, когда плавала в бассейне.

Повязку под брюками совсем не было видно. Очевидно, он просто унюхал её.

— Вчера я была в Западной Вирджинии. Там

нашли тело. Последнюю жертву Буйвола-Билла.

— Не совсем последнюю, Кларис.

— Предпоследнюю.

— Да.

— У неё был снят скальп. Как вы и говорили.

— Не возражаете, если я буду продолжать рисовать, пока мы с вами беседуем?

— Нет, пожалуйста.

— Видели останки?

— Да.

— А предыдущие видели?

— Нет. Только фотографии.

— И что вы почувствовали?

— Страх и тревогу. А потом была слишком занята, чтобы что-то чувствовать.

— А потом?

— Потрясение.

— Но это не отразилось на качестве вашей работы?

— Нет. Работала, как надо. Даже лучше.

— Для Джека Кроуфорда? Или он сидел дома и только звонил по телефону?

— Нет, он был там.

— Уделите мне одну секунду, Кларис. Наклоните, пожалуйста голову, как будто вы спите. Да-да, вот так. Задержитесь, на мгновение… Спасибо.

Присаживайтесь, если хотите. Вы говорили Джеку Кроуфорду о моей просьбе?

— Да. Но, по-моему, он не обратил особого внимания.

— А после того, как нашли это тело в Западной Вирджинии?

— Он говорил со своим начальством, из университета…

— Аланом Блумом.

— Да, точно. Доктор Блум сказал, что Буйвол-Билл пытается соответствовать образу, созданному газетчиками. А снятие скальпов — это всего лишь игры бульварной прессы. Доктор Блум считает, любой мог догадаться, что такое рано или поздно произойдёт.

— А сам доктор Блум предвидел, что такое произойдёт?

— Он говорит, что да.

— Значит, предвидел, но никому не говорил. Понятно. А вы что думаете, Кларис?

— Я не уверена.

— Вы немного разбираетесь в психологии, знакомы с судебной медициной. Помогает вам это в вашем деле?

— Вообще-то, честно говоря, дело продвигается не особенно быстро.

— Но что две эти дисциплины говорят вам о Буйволе-Билле?

— Ну, согласно книгам, он обыкновенный садист.

— Жизнь — довольно скользкая штука, Кларис, чтобы её можно было изучить по книгам. Гнев и злоба очень часто проявляются как страсть, волчанка проявляется обыкновенной крапивницей. — Доктор Лектер закончил рисовать левую руку, переложил в неё уголь и принялся рисовать правую. — Вы имеете в виду учебник доктора Блума?

— Да.

— Вы читали там обо мне?

— Да.

— Как он описывает меня?

— Чистый социопат.

— Как вы считаете, доктор Блум всегда прав?

— Я всё ещё ожидаю, что аффект только поверхностный.

Доктор Лектер улыбнулся, обнажив маленькие белые зубы.

— У нас везде полно экспертов и специалистов, Кларис. Везде, куда ни плюнь. Доктор Чилтон, например, говорит, что Сэмми из соседней камеры — типичный гебефренический шизофреник и

безвозвратно потерян. Он поместил его в камеру старины Миггса, потому что думает, что Сэмми конец. А вы знаете что-нибудь о гебефрениках? Не бойтесь, он не услышит.

— Почти не поддаются лечению, — ответила Кларис. — Временами страдают аутизмом и раздвоением личности.

Доктор Лектер вытащил что-то из груды наваленных на столе бумаг и положил на поднос. Старлинг вытащила его наружу.

— Вчера Сэмми передал мне это вместе с ужином, — сказал Лектер.

На клочке обёрточной бумаги цветным мелком были выведены строчки:

ХАЧУ ПАЙТИ К ИСУСУ
ХАЧУ ПАЙТИ С ХРИСТОМ
СМАГУ ПАЙТИ С ИСУСАМ
ЕСЛИ БУДУ ВИСТИ СИБЯ ХАРАШО
СЭММИ

Старлинг невольно оглянулась. Сэмми сидел на полу, прислонив голову к решётке, и с отсутствующим видом тупо смотрел в стену.

— Не могли бы вы прочесть это вслух? Он не услышит.

— «Хочу пойти к Иисусу, хочу пойти с Христом, смогу пойти с Иисусом, если буду вести себя

хорошо.»

— Нет-нет. Более напористо, более уверенно. Пылко, напряжённо, понимаете? *«Хочу* пойти к Иисусу, *хочу* пойти с Христом.»

— Понимаю, — кивнула Кларис, кладя бумагу обратно на поднос.

— Да нет, вы вообще ничего не понимаете. — Доктор Лектер вдруг вскочил на ноги и гротескно, словно гном, запрыгал по камере, отбивая хлопками ритм и выкрикивая: «Хочу пойти к Иисусу…»

Вдруг из-за спины Кларис совершенно неожиданно раздался громкий голос Сэмми, просунувшего лицо между прутьями решётки и напрягшегося так, что на шее вздулись вены:

— ХАЧУ ПАЙТИ К ИСУСУ
ХАЧУ ПАЙТИ С ХРИСТОМ
СМАГУ ПАЙТИ С ИСУСАМ
ЕСЛИ БУДУ ВИСТИ СИБЯ ХАРАШО-О-О.

Молчание. Кларис только сейчас заметила, что стоит, отбросив назад раскладной стул. Бумаги упали с колен и рассыпались по полу.

— Прошу вас, — проговорил доктор Лектер, указывая Кларис на стул. Потом сам опустился на табурет и подпёр подбородок руками. — Нет, ничего вы не понимаете, — повторил он со вздохом. — Сэмми очень религиозный человек. Он

просто расстроен, что Иисуса так долго нет. Можно я расскажу Кларис, почему ты здесь, Сэмми?

Сэмми ухватил себя за нижнюю челюсть и выпучил глаза.

— Ну, пожалуйста, — попросил доктор Лектер.

— Угу, — промычал Сэмми, не открывая рта.

— Сэмми принёс в баптистскую церковь голову своей матери. Они пели «Отдай господу лучшее, что у тебя есть», а лучше этого у него ничего не было. Спасибо, Сэмми, — прокричал он в коридор. — Всё нормально. Смотри телевизор.

Сэмми снова уселся на пол и прислонил голову к решётке. В зрачках, как и раньше, отразилось изображение экрана. Только теперь по лицу его текла не только слюна, но и слёзы.

— Ну что, Кларис, давайте посмотрим, насколько вы сможете проникнуться его проблемами, а потом, быть может, я проникнусь вашими. Quid pro quo. Он не слушает.

Кларис нервно сглотнула.

— В стихотворении варьируются понятия, от «идти к Иисусу» до «идти с Христом», — проговорила она. — Чувствуется вполне осмысленный последовательный ряд: идти к кому-то, приходить куда-то, идти с кем-то.

— Верно. Линейная прогрессия. Мне определён-

но нравится, что он видит в «Иисусе» и «Христе» одно и то же. Это прогресс. Понятие Бога как триединого начала очень трудно осознать, особенно для Сэмми, который не уверен даже в том, сколько личностей живёт в нём самом. Элдридж Кливер даёт нам параболу модели «Трое в одном», довольно полезная вещь, применительно к данному случаю.

— Он видит причинную связь между своим поведением и целями, а это уже структурное мышление, — продолжала Кларис. — Что до организации самого ритма стиха, то он не притуплённый, а, скорее, плачущий. По-вашему, Сэмми кататонический шизофреник?

— Да. Чувствуете, как пахнет его пот? Специфический козлиный запах. Запомните его, Кларис, это запах шизофрении.

— И вы считаете, его можно вылечить?

— Именно сейчас, когда он начинает выходить из фазы ступора. Смотрите, как у него пылают щёки!

— Доктор Лектер, а почему вы говорите, что Буйвол-Билл не садист?

— Потому что в газетах писали, что следы от верёвок обнаружены только на запястьях, но не на лодыжках. Вы видели следы на лодыжках у

жертвы из Западной Вирджинии?

— Нет.

— Видите ли, Кларис, когда кожу снимают для развлечения, жертву всегда подвешивают за ноги, чтобы обеспечить приток крови к голове и к груди, и чтобы объект подольше оставался в сознании. Вы не знали этого?

— Нет.

— Когда вернётесь в Вашингтон, загляните в Национальную галерею и посмотрите тициановскую «Наказание Марсия», пока её не отправили обратно в Чехословакию. Очень детально и наглядно.

— Доктор Лектер, у нас возникли чрезвычайные обстоятельства, а в связи с ними — довольно необычные предложения.

— К кому?

— К вам, если вы спасёте эту последнюю девушку. Вы видели выступление сенатора Мартин по телевизору?

— Да, в новостях.

— Что вы думаете о её обращении?

— Бестолковое, но, в общем-то, и безвредное. Её плохо проинструктировали.

— Сенатор Мартин — очень влиятельный человек. И весьма решительный.

— Предположим.

— По-моему, у вас незаурядная интуиция. Сенатор Мартин дала понять, что если вы поможете вернуть её дочь живой и невредимой, она приложит все усилия, чтобы вас перевели в федеральное ведомство. И вы получите камеру с видом на природу, если таковая имеется. Вам также будет предложено делать письменные оценки психического состояния поступающих пациентов — одним словом, работа. Правда, без ограничения мер предосторожности.

— Я не верю этому, Кларис.

— Должны поверить.

— Я верю вам. Но вы ещё очень многого не знаете о человеческом поведении, так же как не знаете, как правильно снимать с человека кожу. Вам не кажется, что вы весьма странный посланник для сенатора Соединённых Штатов?

— Я ваш посланник, доктор Лектер. Вы сами избрали меня для разговоров с вами. Или вы уже хотите кого-то другого? А может, просто не в состоянии помочь?

— Это одновременно и дерзко, и неправильно, Кларис. Я не верю, что Джек Кроуфорд пойдёт по отношению ко мне на какую-то компенсацию… Возможно, я скажу вам одну вещь, которую

вы можете передать сенатору. Но только, как говорится, наложным платежом. За кое-какую информацию о вас. Да или нет?

— Смотря что вы спросите?

— Да или нет? Кэтрин ждёт, не так ли? Прислушивается к звукам точильного камня. Как бы она попросила вас поступить?

— Спрашивайте.

— Какое ваше самое страшное воспоминание детства?

Кларис глубоко вздохнула.

— Только учтите, меня интересует не самая страшная ваша выдумка.

— Смерть отца, — проговорила Кларис.

— Расскажите.

— Он был начальником полицейского участка. Однажды вечером он увидел двух грабителей, наркоманов, те выходили из задней двери магазина. Он выбрался из своего «пикапа», попытался выстрелить, но оружие не сработало, и они убили его.

— Не сработало?

— У него было старое автоматическое ружьё «Ремингтон-870». Просто застряла гильза. Когда такое случалось, ружьё не стреляло и его нужно было чистить. Мне кажется, ему следовало про-

сто ударить прикладом о дверь, чтобы выбить гильзу.

— Он умер на месте?

— Нет. Он был сильным человеком. Ещё месяц продержался.

— Вы навещали его в больнице?

— Да.

— Расскажите, что вам больше всего запомнилось в больнице?

Кларис закрыла глаза.

— Как-то приходила соседка, старая одинокая женщина, и читала ему конец «Танагопсиса». Думаю, это единственное, что она могла ему сказать. Всё, доктор Лектер, я выполнила свою часть сделки.

— Да, выполнили. Вы были весьма откровенны, Кларис. Я всегда это чувствую. Было бы очень интересно побольше узнать о вашей личной жизни.

— Quid pro quo.

— Кстати, та девушка из Западной Вирджинии, она была красива, как на ваш взгляд?

— Очень ухоженная.

— Не теряйте времени.

— Она была довольно крупная.

— Большая?

— Да.

— И застрелена в грудь?

— Да.

— У неё были небольшие груди, верно?

— Для её комплекции, да.

— Но широкие бёдра.

— Да.

— Что ещё?

— В горло ей была аккуратно вставлена куколка насекомого. Газеты об этом ещё ничего не знают.

— Бабочка?

У Кларис перехватило дыхание. Она очень надеялась, что Лектер не заметит её волнение.

— Ночная бабочка, — как можно спокойнее поправила она. — Пожалуйста, скажите, как вы догадались?

— Кларис, я скажу вам, зачем Буйволу-Биллу понадобилась Кэтрин Мартин, и на этом всё, спокойной ночи. При данных обстоятельствах это моё последнее слово. Можете сказать сенатору, для чего ему нужна Кэтрин, и пусть она придёт ко мне сама с более интересным предложением… Либо она может подождать, пока тело всплывёт, и сама убедиться в правильности моих слов.

— Так зачем она ему нужна, доктор Лектер?

— Ему нужна её кожа с передней части тела

вместе с грудью.

Глава 23

Кэтрин Бейкер Мартин лежит на глубине более пяти метров ниже уровня пола. Тьма наполнена звуками её дыхания, громкими ударами сердца. Время от времени к самому горлу подкатывает пульсирующий страх, как у попавшей в капкан лисицы. Иногда появляется способность думать. Она понимает, что похищена, но не знает кем. Кэтрин осознаёт, что это не сон, а жуткая реальность.

Сейчас она чувствует себя намного лучше, чем тогда, когда только пришла в сознание. Головокружение прошло. Воздуха вполне достаточно. Она в состоянии различить, где верх, а где низ, и определить своё положение в этом пространстве.

Плечо, бедро и колено затекли от долгого лежания на цементном полу. Эта сторона её тела внизу. А верх — это там, откуда иногда в глаза бьёт резкий, ослепляющий свет. В голове уже не шумит, болят только пальцы на левой руке. Безымянный наверняка сломан.

Она одета в стёганый комбинезон, пахнущий

чистой тканью. Пол тоже чист, если не считать куриных костей и остатков овощей, которые сбросил вниз её тюремщик. Кроме этого есть ещё коврик да пластиковое ведро с привязанной к ручке бельевой верёвкой, уходящей вверх.

Кэтрин Мартин может свободно передвигаться, но идти некуда. Пол, на котором она лежит, овальной формы, примерно два с половиной на три метра. В центре — небольшое отверстие для стока воды. Кэтрин уже поняла, что лежит на дне глубокой, закрытой сверху ямы. Бетонированные стены чуть сужаются кверху.

Что это? Какой-то шум наверху или стук её собственного сердца? Нет, всё же какие-то звуки наверху. Прямо над головой. Похоже, её тюрьма находится в подвале как раз под кухней. Слышатся шаги по полу кухни, шум бегущей из крана воды. Царапанье собачьих лап по линолиуму. Потом — снова тишина, пока в отверстии наверху не вспыхивает тусклое пятно жёлтого цвета: кто-то включил лампочку в подвале. И вдруг — снова яркий свет в самой яме. Кэтрин садится и пытается оглядеться, прикрыв глаза ладонью. Яркая лампа спускается на шнуре вниз. Пластиковое ведро вдруг дёргается и ползёт вверх, покачиваясь на тонкой верёвке. Кэтрин вздрагивает от неожи-

данности и страха, набирает побольше воздуха и пытается кричать:

— Моя семья заплатит. Наличными. Моя мать сразу же рассчитается с вами без лишних вопросов. Вот её личный… Ой! — Сверху прямо на неё летит какая-то чёрная тень. Нет, всего лишь полотенце. — Вот её личный телефон: двести два…

— Помойся.

Тот же странный голос. Она уже слышала, как он разговаривал с собакой.

На верёвке спускается другое ведро, наполненное тёплой мыльной водой.

— Разденься и вымойся вся, иначе я обдам тебя из шланга, — и чуть тише, очевидно обращаясь к собаке: — Да, моя прелесть, обдадим её из шланга, правда?

Снова над головой слышатся шаги. Глаза уже привыкли к яркому свету. Теперь Кэтрин видит всё более отчётливо. Интересно, сколько метров до люка? Прочна ли верёвка, на которой висит лампа? Можно ли зацепить её полотенцем или комбинезоном? Чёрт возьми, нужно же что-то делать. А проклятые стены гладкие, как стекло.

Небольшая трещина в метре над головой — вот единственная видимая зацепка. Да и то не достать. Кэтрин плотно сворачивает коврик и пе-

ревязывает его полотенцем. Затем встаёт на него, и цепляясь ногтями за стену, пытается дотянуться до трещины. Чуть выше первой, примерно на высоте поднятой руки, кажется, есть ещё одна. Но он уже идёт, он возвращается, Кэтрин спрыгивает на пол, поднимает голову и видит опускающийся вниз конец чёрного шланга. На лицо падает несколько ледяных капель. Предупреждение.

— Помойся. Вся.

В ведре плавает мочалка и тюбик с дорогим кремом для смягчения кожи.

Кэтрин раздевается. Всё тело тут же покрывается гусиной кожей, соски становятся маленькими и твёрдыми. Она садится на корточки у самой стены и моется.

— Хорошо. А теперь насухо вытрись полотенцем и вотри в кожу крем. Везде, по всему телу.

От тёплой воды тюбик нагрелся. Кэтрин мажется кремом и надевает комбинезон.

— А сейчас подними свою подстилку и помой пол.

Она повинуется, собирает куриные кости и овощи в ведро и поливает пол водой. Возле стены что-то блестит. Какая-то выпавшая из трещины чешуйка. Кэтрин наклоняется, чтобы рассмотреть поближе. Человеческий ноготь, покрытый

блестящим лаком.

Ведро поползло наверх.

— Моя мать заплатит вам, — снова обращается Кэтрин к своему тюремщику. — Не задаст ни единого вопроса. Заплатит достаточно, чтобы сделать вас богатым. Если вы иранец или палестинец, или из Движения за свободу чернокожего населения — она даст деньги для вашей организации. Вам надо только…

Свет гаснет. Внезапная непроницаемая темнота. Глухо стукнуло об пол спущенное на тонкой верёвке ведро. Кэтрин садится на коврик, пытаясь собраться с мыслями. Что она знает о своём тюремщике? Он живёт один. Американец, наверняка белый. Она уже пыталась дать ему понять, что не имеет ни малейшего понятия о том, кто он, какого цвета у него кожа и вообще, как он выглядит. Пыталась делать вид, что после удара по голове на автостоянке абсолютно ничего не помнит. Надеялась, он поймёт, что может безо всякого риска отпустить её.

Мозг отчаянно работает, она напрягается изо всех сил, и наконец, приходит к неизбежному вопросу:

— Этот ноготь, кто-то уже был здесь. Какая-то женщина или девушка. Где она сейчас? Что он с

ней сделал?

Несмотря на весь шок и потерю ориентации, голова соображает чётко. Крем. Смягчающий крем для кожи. Кожа! Так вот, значит, к кому она попала! Догадка обжигает огнём, она не может подавить рвущегося наружу отчаянного крика и кричит, кричит, кричит, вскакивает на ноги, не помня себя от ужаса бросается на бетонную стену, снова кричит, пока горло не сводит кашлем, и в конце концов, обессилев, падает на коврик, вытягивается во весь рост и беззвучно рыдает, закрыв лицо изодранными в кровь руками.

Глава 24

Оказавшись в комнате санитаров, Кларис Старлинг тут же бросилась к телефону и набрала номер фургона.

— Кроуфорд слушает.

— Я звоню из служебного помещения сразу за зоной повышенной охраны, — быстро проговорила Кларис. — Доктор Лектер спросил у меня, не было ли то насекомое, которое нашли в Западной Вирджинии, бабочкой. Но больше ничего уточнять не стал. Он сказал, зачем Буйволу-Биллу нужна Кэтрин Мартин. Цитирую: «Ему нужна её кожа с передней части тела вместе с грудью.» Доктор Лектер готов поторговаться. Сказал, что хотел бы получить «более интересное предложение» от сенатора.

— Он сам прекратил разговор?

— Да.

— Как скоро он заговорит снова?

— Думаю, через несколько дней. Но я могла бы попробовать прямо сейчас, если бы смогла передать ему какое-нибудь срочное предложение от сенатора.

— Да, Старлинг, спешка вполне оправдана. Мы идентифицировали девушку из Западной Вирджинии. Полчаса назад пришло сообщение из Детройта. Это Кимберли Джейн Эмберг, двадцати двух лет, пропала в Детройте седьмого февраля. Сейчас прочёсываем там все окрестности в поисках свидетелей. Медэксперт из Шарлоттсвилля считает, что она умерла не позже одиннадцатого февраля, а может, и днём раньше, то есть десятого.

— Значит, он держал её у себя всего три дня, — прикинула Кларис.

— Да, эти периоды становятся у него всё короче и короче. Не могу сказать, что это меня удивляет. — Голос Кроуфорда был ровный и спокойный. — Кэтрин Мартин находится у него уже двадцать шесть часов. Так что если Лектер может что-то сообщить, то лучше бы ему сделать это при вашем следующем разговоре. Я сейчас в балтиморском отделе, здесь же и фургон. Он в вашем распоряжении. В «Ходжо» для вас забронирован номер. Это в двух кварталах от клиники. На случай, если позже захотите передохнуть.

— Он очень осторожен, мистер Кроуфорд, и уверен, что от вас он никогда не дождётся ничего хорошего. Всю информацию о Буйволе-Билле он

выторговал у меня в обмен на рассказ о моей личной жизни. Я, конечно, не думаю, что между моим рассказом и нашим делом была хоть какая-то связь… Хотите, чтобы я рассказала, что он у меня спрашивал?

— Нет.

— Поэтому и отказались дать мне с собой диктофон? Подумали, что так мне будет легче рассказывать ему о себе?

— Тут немного другое, Старлинг. Вам не приходило в голову, что я просто доверяю вам и вашему мнению? Что, если вы моя козырная карта и мне не нужны лишние разговоры у вас за спиной? Зачем же мне тогда давать вам диктофон?

— Всё правильно. — *Ну что ж, вы великий мастер завоёвывать расположение агентов, мистер Кроуфорд.* — Так что мы можем предложить доктору Лектеру?

— Кое-что можем. Через пять минут я пришлю вам бумагу. Если, конечно, вы не хотите немного передохнуть.

— Лучше не откладывать, — вздохнула Кларис. — Скажите посыльному, чтобы вызвал Алонцо. Я буду в коридоре у выхода из восьмого отделения.

— Через пять минут, — подвёл черту Кроуфорд

и положил трубку.

Кларис нервно зашагала по покрытому линолеумом полу обшарпанной комнаты санитаров.

Мы редко собираемся с мыслями на открытых площадках или посыпанных гравием дорожках. Мы делаем это вдали от людских глаз в помещениях без окон, в тесных больничных коридорах или комнатах, подобной этой, где стоит колченогий диван, а ободранный журнальный столик украшает полная окурков пепельница. Именно в таких местах мы отрабатываем жесты для будущего разговора, заучиваем наизусть будущие фразы с тем, чтобы потом, позже, применить их в самый страшный и ответственный момент. Кларис была достаточно взрослой, чтобы знать всё это и не позволять унылой обстановке комнаты влиять на ход своих мыслей.

Старлинг мерила шагами комнату.

— Соберись, соберись, девочка моя, — сказала она громко, разрезав воздух решительным жестом, обращаясь то ли к Кэтрин Мартин, то ли к себе самой. — Ну же, соберись. Мы выкарабкаемся. Обязательно. Выберемся из этой замызганной комнаты. Выберемся из этого поганого места. Выберемся, куда бы он тебя ни запрятал. Только помоги мне. Помоги. Помоги.

Вдруг вспомнились родители. Интересно, было ли бы им сейчас стыдно за неё?

Нет, наверняка нет.

Кларис ополоснула лицо и вышла в коридор. Алонцо уже ждал с пакетом от Кроуфорда. В нём находилась карта и все необходимые инструкции. Кларис быстро пробежала глазами текст и нажала на кнопку звонка у бронированных стеклянных дверей.

Глава 25

Доктор Лектер сидел за столом, просматривая полученную почту. Кларис почувствовала, что ей намного легче подходить к камере, не чувствуя на себе его взгляда.

— Доктор.

Он поднял вверх палец, прося помолчать. Наконец, письмо было прочитано и доктор Лектер подпёр подбородок своей шестипалой рукой.

— Что вы думаете об этом? — он положил на поднос какой-то документ.

Это оказалось письмо из американского патентного бюро.

— Пишут насчёт моих часов в виде распятия, — пояснил Лектер. — Патент дать отказываются, но советуют закрепить авторским правом циферблат. Взгляните. — Он положил на поднос рисунок размером с салфетку, и Кларис вытащила его наружу. — Вы, наверное, замечали, что на всех распятиях руки показывают примерно без четверти три, или иногда без десяти два, а ноги — всегда шесть часов. На этом циферблате изображён распятый на кресте Христос, а руки

вращаются и указывают время, почти как стрелки на диснеевских часах. Ноги остаются на шести, а в ореоле над головой будет секундная стрелка. Ну, что скажете?

Качество рисунка можно было назвать великолепным. Вместо головы Христа красовалась голова Кларис.

— Когда всё это уменьшится до размеров нормального циферблата, не будут видны многие детали, — заметила девушка.

— Да, к сожалению. Но если представить себе большие настенные часы, а? Как вы полагаете, никто не украдёт идею, если я не получу патента?

— Вы же собираетесь использовать обычный механизм, правильно? Но он уже запатентован. Я точно не знаю, но, по-моему, патенты выдаются только на целые механические изделия, а дизайн закрепляется авторским правом.

— Вы рассуждаете, как настоящий адвокат. Но, насколько я знаю, в ФБР не держат адвокатов?

— У меня к вам предложение, — сказала Кларис, открывая портфель.

Подошёл Барни. Она быстро захлопнула портфель.

Спокойствию санитара можно было только по-

завидовать. Барни быстро скользнул глазами по портфелю, не заметил никаких запретных вещей и безразличным тоном проговорил:

— Я прошу прощения, если у вас много бумаг, в кладовке есть школьный стол. Хотите, принесу?

«Сразу стану похожа на школьницу. Соглашаться или нет?»

— Мы сейчас сможем поговорить, доктор?

Лектер кивнул.

— Да, Барни, принесите. Спасибо.

Кларис уселась за стол. Санитар ушёл.

— Доктор Лектер, у сенатора есть к вам важное предложение.

— Я подумаю. Вы уже успели так быстро переговорить с ней?

— Да. Она ничего не собирается скрывать. Это всё, что она может, поэтому торговаться не о чем. Вот, здесь всё, всё её единственное предложение. — Кларис оторвала взгляд от портфеля.

Доктор Лектер, убийца девяти человек, молча смотрел на неё. Глаза не выражали ничего, кроме непроницаемой тьмы.

— Если вы поможете нам вовремя найти Буйвола-Билла, так, чтобы Кэтрин Мартин осталась живой и невредимой, вы получите следующее: вас переведут в Административный госпиталь

ветеранов в нью-йоркском парке Онеида, в палату с видом на природу. Разумеется, все меры предосторожности сохранятся. Вам будет дана возможность оценивать письменные тесты федеральных заключённых, правда, естественно, не видя и не зная самих преступников, вслепую. Вы получите доступ к книгам, в рамках разумного, конечно.

Кларис оторвала глаза от бумаги.

Молчание Лектера могло означать что угодно.

— А теперь самое интересное: одну неделю в году вы сможете выезжать из госпиталя вот сюда. — Кларис положила на поднос карту. Но Лектер не спешил посмотреть её. — Плам-Айленд, — продолжала Кларис. — Каждый день всю эту неделю вы будете гулять по берегу или купаться в океане. Охрана не станет подходить ближе, чем на семьдесят метров. Это всё.

— А если я откажусь?

— Тогда можете повесить оконные занавески прямо здесь, на стене этой камеры. Возможно, это поможет. У нас больше нечем пугать вас, доктор Лектер. Но я предлагаю вам способ увидеть солнечный свет.

Ей не хотелось поднимать голову и обмениваться с ним взглядами. Их разговор не был

противоборством.

— Если я решу кое-что опубликовать, Кэтрин Мартин сможет прийти сюда и поговорить со мной? Естественно, только о Буйволе-Билле. Но поговорить только со мной?

— Да. Можете считать это дополнительным подарком.

— Откуда вы знаете? Чей это подарок?

— Я сама приведу её сюда.

— Если она ещё согласится.

— Придётся, значит, спросить об этом её саму.

Доктор втащил в камеру поднос.

— Хм, Плам-Айленд.

— Ищите к северу от Лонг-Айленда.

— Плам-Айленд. Здесь написано «Центр изучения болезней животных». Что ж, звучит заманчиво.

— Центр находится только в одной части острова. А ещё есть великолепный пляж и очень красивые места. Весной там вьют свои гнёзда крачки.

— Крачки, — вздохнул Лектер и, слегка приподняв голову, лизнул верхнюю губу. — Ну, Кларис, если пошёл такой разговор, то у меня найдётся что рассказать вам. Но quid pro quo. Я кое-что скажу вам, вы — мне.

— Хорошо, — кивнула Старлинг.

С минуту помолчав, доктор Лектер проговорил:

— Чтобы стать куколкой, гусеница заворачивается в кокон. А потом появляется из этого места таинственных превращений в виде прекрасного имаго. Вы знаете, что такое имаго, Кларис?

— Да, это взрослое насекомое с крыльями.

— А что ещё?

Девушка покачала головой.

— Это термин из старинного, нынче мёртвого курса психоанализа. Имаго — это образ родителя, погружённого в бессознательное состояние в самой ранней стадии развития и связанного младенческим аффектом. Слово пришло к нам с восковых бюстов предков древних римлян, которые они несли во время похоронных церемоний. Даже флегматик — Кроуфорд мог бы увидеть какой-то смысл в куколке насекомого.

— С этим далеко не прыгнешь, разве что можно проверить списки подписчиков на энтомологические журналы и поискать эти фамилии среди уже известных сексуальных маньяков.

— Во-первых, давайте отбросим имя Буйвол-Билл. Оно уводит нас в сторону и не имеет ничего общего с человеком, который вам нужен. Для

удобства можно называть его просто Билли. Я кратко изложу свои мысли. Готовы?

— Готова.

— Весь смысл куколки в изменении. Червяк превращается в бабочку или мотылька. Билли тоже считает, что хочет измениться. Из кожи девушек он шьёт себе женское платье. Отсюда и то, что все жертвы крупные — ему нужны большие куски кожи. Количество девушек говорит о том, что он видит несколько стадий своего изменения. Всем этим он занимается в двухэтажном доме. Вы уже поняли, почему именно в двухэтажном?

— Иногда он вешает девушек на перилах лестницы.

— Правильно.

— Доктор Лектер, но я никогда не видела никакой связи между транссексуальностью и жестокостью. Обычно транссексуалы — это пассивный тип.

— Всё верно, Кларис. Часто, чтобы помочь им, прибегают к хирургическому вмешательству — косметические средства не удовлетворяют транссексуалов. Но Билли не настоящий транссексуал. И то, что вы делаете, чтобы поймать его, уже очень близко подвело вас к успеху. Вы сознаёте это, Кларис?

— Нет, доктор Лектер.

— Ну что ж, тогда вы согласитесь рассказать мне, что произошло с вами после смерти отца?

Кларис задумчиво смотрела на исцарапанную крышку школьного стола.

— Вы что, ищете ответ в своих бумагах?

— Я больше двух лет жила с матерью.

— И что делали?

— Днём работала в мотеле, вечером помогала на кухне в кафе.

— А потом?

— Я уехала в Монтану, к двоюродной сестре матери. Она живёт там вместе с мужем.

— Только вы?

— Я была самой старшей из всех детей.

— Городские власти как-то помогали вашей семье?

— Прислали чек на пятьсот долларов.

— Интересно, а почему не было никакой страховки? Кларис, вы сказали мне, что ваш отец крепил ружьё к дверце своего «пикапа».

— Да.

— У него что, не было патрульной машины?

— Нет.

— И всё это произошло ночью?

— Да.

— У него не было пистолета?

— Нет.

— Значит, он дежурил ночью, на своём «пикапе», вооружённый только ружьём… Скажите мне, Кларис, он случайно не носил на ремне часы-табель? Ну, такую штуку, к которой крепится связка ключей от всех городских телефонов?

— Да.

— Выходит, Кларис, он был обыкновенным ночным дежурным, а не начальником полицейского участка. Говорите честно, я сразу увижу, если вы обманете.

— Да, должность называлась «ночной дежурный».

— И что потом с ними случилось?

— С кем?

— С часами-табелем. Что с ними стало после того, как вашего отца застрелили?

— Не помню.

— А если бы помнили, рассказали бы?

— Да. Хотя, подождите. К нему в больницу приходил мэр и спрашивал про часы и значок. — Она и сама не знала, что помнит это. Мэр в своём выходном костюме и военных ботинках. Скотина. — Quid pro quo, доктор Лектер.

— Вам ни на секунду не показалось, что вы

поняли, в чём дело? Нет, если бы вы поняли, вы бы не просили меня продолжать. Итак, мы говорили о транссексуалах. Вы сказали, что жестокость и агрессия не характерны для транссексуалов. Помните, мы говорили о злобе, которая проявляется как страсть, и волчанке, которая проявляется обыкновенной крапивницей? Билли не транссексуал, Кларис, он только считает себя транссексуалом и пытается быть им. И использует для этого все возможные средства.

— Вы сказали, что мы близки к тому, чтобы поймать его.

— У нас в стране три основных центра транссексуальной хирургии: Джонса Хопкинса, университета Миннесоты и Медицинский центр в Коламбусе. Не удивлюсь, если узнаю, что он обращался в один, а то и во все эти заведения, но был отвергнут.

— На каком основании ему могли отказать?

— Вы очень нетерпеливы, Кларис. Первой причиной могли быть его предыдущие преступления. Это сразу же влечёт за собой отказ, если, конечно, они не были относительно безобидны и совершались с целью изменения пола. К примеру, одевался на людях как женщина или что-нибудь в этом духе. Если же тут ему удалось как-то отвер-

теться, то могло не пройти описание личности.

— Как это?

— Хотите знать весь процесс их отсеивания?

— Да.

— Почему бы вам не спросить об этом доктора Блума?

— Лучше я спрошу у вас.

— А что вы получите за это, Кларис? Повышение по службе? Но вас всё равно не повысят достаточно высоко, чтобы вы могли на что-то влиять.

— Для начала я получу ключ от самой главной двери. Так что же могло выявиться во время диагностирования?

— Как вам понравилась Монтана, Кларис?

— Красивый штат.

— А как вам понравился муж вашей тётушки?

— Мы с ним разные люди.

— Ну, а как они вообще?

— Вечно уставшие от работы.

— У них были свои дети?

— Нет.

— А где вы жили?

— На ранчо.

— Они разводили овец?

— Овец и лошадей.

— Сколько вы там пробыли?

— Семь месяцев.

— И сколько вам тогда было?

— Десять.

— А куда уехали потом?

— В Лютеранский приют, в Бозмене.

— Говорите правду.

— Я и говорю правду.

— Вы только ходите вокруг да около правды. Если устали, можем перенести разговор на конец недели. Я и сам немного подустал. Или всё же будете говорить сейчас?

— Лучше сейчас, доктор Лектер.

— Хорошо. Значит, ребёнок уезжает от матери на ранчо в Монтане. На ранчо разводят овец и лошадей. Ребёнок скучает по дому, возбуждается от вида большого количества животных… Ну? Что дальше?

— Там было очень здорово. Мне отвели отдельную комнату с огромным индийским ковром на полу. Разрешали кататься на лошади — я сидела верхом, а они водили её по двору — она была немного слеповата. Вообще-то все лошади там были какие-то страшные. Либо больные, либо хромые. Некоторые из них выросли с детьми, и когда по утрам я выходила ждать школьный автобус, они ржали мне вслед.

— Но потом?

— Но потом я нашла в сарае кое-что странное. У них там хранилась разная конская упряжь. Вначале я подумала, что это какой-то старинный шлем. Но потом прочитала выбитое сверху название: «Приспособление для гуманного забоя лошадей У. У. Гринера». Это была такая металлическая шапка в форме колокола, а сверху просверлено отверстие, куда вставлялся патрон. Тридцать второго калибра, по-моему.

— На этом ранчо они растили лошадей на убой?

— Да.

— И забивали прямо на ранчо?

— На клей и удобрения — да. Мёртвых лошадей помещалось в грузовик сразу шесть штук. А тех, что шли на питание для собак, вывозили живыми.

— А та, на которой вы катались по двору?

— Мы убежали вместе с ней.

— И далеко смогли убежать?

— До того места, где вы закончили рассказ о процедуре диагностирования.

— Понятно. Значит, вы не в курсе, как проводится отбор для транссексуальной операции?

— Нет.

— Было бы неплохо, если бы вы смогли принести мне копии режимных документов хотя бы одного из этих центров. Это могло бы значительно помочь в вашем деле. Но для начала могу сказать вам следующее: весь огромный набор тестов обычно включает в себя «Схему умственного развития Вехслера», тест «Дом — дерево — человек», проверку по системе Роршаха, концептуальный рисунок, «Тематическую Апперцепцию», ММПИ и ещё несколько тестов — по-моему, Дженкинса, разработанных нью-йоркским университетом. Вам, конечно, хочется разобрать принципы отбора на более простом и понятном примере, да? Да, Кларис?

— Да, это было бы лучше всего.

— Что ж, давайте попробуем… Предположим, нам нужно найти человека, тест которого будет отличаться от теста настоящего транссексуала. Тогда в тесте «Дом — дерево — человек» нужно искать того, кто нарисовал не женскую фигуру. Настоящие мужчины-транссексуалы в первую очередь всегда рисуют женскую фигуру и обычно изображают её увешанной целой кучей разных украшений. А мужские фигуры у них в основном одинаковые, схематичные — ну, может, найдёте какое-то различие, если им дали задание нари-

совать чемпиона по культуризму. Но в основном — все одинаковые. В изображении дома ищите рисунки без всяких этаких «миленьких» деталей — детской коляски у дверей, занавесочек на окнах, цветочков во дворе. Теперь о деревьях. У настоящих транссексуалов они двух видов: раскидистые цветущие ивы или стволы, напоминающие кастрированные половые члены. Но даже эти кастрированные члены на рисунках настоящих транссексуалов выглядят живыми и зелёными. Это очень важное различие. Они ни капли не похожи на те ужасные, мёртвые уродливые деревца, которые рисуют умственно больные. Так что это неплохой признак — у Билли деревья должны иметь прямо-таки жуткий вид. Я не слишком быстро?

— Нет, доктор Лектер.

— На автопортретах транссексуал никогда не рисует себя обнажённым. Однако нельзя позволить ввести себя в заблуждение так называемым параноидальным восприятием мира, которым страдают транссексуалы, склонные к слишком частым переодеваниям в женщину. Очень часто у них возникают недоразумения с властями. Нужно ли подводить итог?

— Да, хотелось бы.

— Вам необходимо получить список мужчин, которым отказали во всех трёх хирургических центрах. Вначале проверьте тех, кого отвергли из-за уголовного прошлого, а среди них обратите особое внимание на грабителей. Из тех, кто пытался скрыть свои преступления, отберите всех, кто в детстве имел серьёзное нарушение психики, связанное с жестокостью. Затем переходите к тестам. Вам нужен белый мужчина примерно тридцати пяти лет, довольно крупного телосложения. Он не транссексуал, Кларис. Но он считает себя таковым, а поэтому крайне озлоблен на весь мир за то, что ему не хотят помочь. Вот и всё, что я могу сказать до того, как прочитаю дело. Вы ведь оставите мне его?

— Да.

— И фотографии.

— Они в папке.

— А сейчас, Кларис, поспешите использовать то, что уже узнали. Посмотрим, что у вас получится.

— Мне нужно знать, как вы…

— Нет. Не будьте слишком настырной, иначе мы перенесём разговор на следующую неделю. Приходите, когда получите какой-то результат. Или не получите. И ещё, Кларис.

— Да?

— В следующий раз вы расскажете мне две вещи: первое, что случилось с лошадью, и второе, что мне хотелось бы знать — как вам удаётся держать себя в руках.

Алонцо пришёл проводить её наверх. Кларис прижала бумаги к груди и зашагала рядом, опустив голову и стараясь не забыть ни единого слова из полученной информации. Сгорая от желания побыстрее выйти на свежий воздух, она даже не взглянула в сторону кабинета доктора Чилтона и пулей выскочила на улицу.

Тем не менее, в кабинете доктора Чилтона горел свет — из-под двери пробивалась узкая полоска.

Глава 26

Утром, когда над Балтимором забрезжил ржавый рассвет, глубоко под землёй, в подвале лечебницы для душевнобольных преступников наметилось некоторое оживление. В камерах, где круглые сутки горит свет, заключённые пробуждались ото сна и наполняли коридор утренними воплями.

Доктор Ганнибал Лектер, одетый в смирительную рубашку, стоял в конце коридора лицом к стене. Ноги стягивали прочные кожаные ремни. Лицо украшал намордник, напоминающий проволочную маску хоккейного вратаря.

За его спиной коренастый коротышка-санитар убирал палату. Барни все три раза в неделю наблюдал за уборкой, зорко следя за тем, чтобы кто-нибудь из санитаров не оставил в камере недозволенных вещей. Уборщики всегда спешили убрать клетку Лектера как можно быстрее: мало ли какие привидения и сюрпризы могут встретиться в обители этого чудовища? Барни тщательно проверял их работу, не упуская из виду ни единой мелочи.

Из всех санитаров Барни был старшим по уходу за доктором Лектером. Самая главная на то причина — он никогда ни на секунду не забывал о том, с кем имеет дело.

Доктор Лектер развлекался. Его мысли не были связаны по рукам и ногам, и благодаря богатому воображению он мог переноситься куда угодно и представлять себе всё, на что только был способен безудержный полёт его фантазии.

Внутренний мир доктора Лектера включал в себя неисчерпаемый спектр цветов и запахов, но с трудом воспринимал звуки. Ему пришлось даже немного напрячься, чтобы услышать доносящийся откуда-то издалека голос Бенджамина Распейла. Доктор Лектер с удовольствием представлял себе, как сдаёт Джейма Гамба Кларис Старлинг, и сейчас было полезно вспомнить Распейла. Вспомнить, как в последний день своей жизни толстый флейтист лежал на кушетке в кабинете Лектера и рассказывал ему о Джейме Гамбе.

— У Джейма была самая мерзкая комната из всех, которые только можно представить в бедных кварталах Сан-Франциско. Некий сарай с баклажанными стенами, потрескавшимися и заляпанными пятнами от наркотиков, остав-

шимися ещё со времён хиппи. Вообще-то «Джейм» — так кто-то по ошибке написал его имя в свидетельстве о рождении, но он очень сердился, когда его называли по-другому. Так и остался Джеймом. Я как сейчас вижу, как он сидит на кровати, положив голову на руки. Его снова выперли из антикварного магазина, снова он что-то натворил. Я сказал ему, что не могу мириться с таким его поведением. К тому времени в мою жизнь уже вошёл Клаус. Джейма нельзя назвать «голубым» от природы, он научился этому в тюрьме. У него ничего не было, кроме какой-то пустоты, которую он постоянно пытался заполнить, да ещё злости на весь мир. Когда он входил в комнату, вы всегда чувствовали, что в ней становится как-то пусто. Когда ему было двенадцать лет, он убил своих дедушку и бабушку, конечно, от него веяло пустотой. Вот он и сидит на кровати, без работы, только что опять совершил преступление. На почте получил посылку для своего начальника и вскрыл её, думал, что найдёт там что-нибудь, что можно продать. Это была посылка из Малайзии или откуда-то оттуда. А внутри оказались бабочки, полная посылка дохлых бабочек. Его шеф слал деньги на острова, а оттуда ему посылка за посылкой шли дохлые бабочки. Он клеил из них

разные орнаменты и имел наглость называть это искусством. Ну, бабочки для Джейма не значили ровным счётом ничего, и он запустил в них руки по самые локти, надеялся, что может, там снизу спрятаны какие-нибудь драгоценности — иногда фирма получала браслеты из Бали — он весь перемазался этими бабочками по уши, но ничего не нашёл. Расстроился страшно. Сел на кровать, положил голову на руки и даже заплакал от досады. Он был на самом дне этой жизни, понимаете? Вдруг из посылки раздался шелест, он поднял глаза и увидел, что вместе с бабочками они сунули в посылку кокон, и вот из него выкарабкивается на свет божий живое насекомое. Он понаблюдал, как она вылезла, расправила крылья. Такая большая зелёная бабочка. Он открыл окно, она улетела, а он вдруг почувствовал такую лёгкость в голове и уже знал, что нужно делать.

Он разыскал домик на берегу, где мы с Клаусом проводили время, и вот однажды, когда я туда вернулся, он сидел там. Но Клауса не было. Я спросил, где он. Джейм ответил, что пошёл купаться. Но я сразу понял, что он обманывает. Клаус никогда не купался, всегда боялся Тихого океана. Потом я открыл холодильник и увидел там, что бы вы думали? Голову бедного Клауса, смотрев-

шую на меня из-за банки с апельсиновым соком. Джейм уже сшил себе из кожи Клауса передник, и теперь надел его и так нагло спросил, как он мне нравится. Знаю, вы придёте в ужас, подумав, что после всего этого я ещё имел с Джеймом какие-то дела — когда вы с ним познакомились, он был в ещё более ужасном состоянии, по-моему, он даже удивился, что вы его не испугались.

А потом были самые последние слова в жизни Распейла:

— Удивляюсь, почему родители не убили меня ещё до того, как я стал взрослым и научился дурачить их.

Тонкое лезвие стилета слегка дёрнулось, когда проколотое сердце Распейла попыталось биться.

— Похоже на соломинку в бездонной пропасти, правда? — участливо спросил доктор Лектер, но Распейл уже не мог ему ответить.

Доктор Лектер помнил каждое слово и даже намного больше. Приятно развлечь себя такими воспоминаниями, пока убирают камеру.

Эта Кларис Старлинг довольно проницательна, получаешь удовольствие, когда общаешься с ней. Она, конечно, сможет выйти на Джейма Гамба уже с той информацией, которую он ей дал. Но для этого потребуется время. А чтобы ускорить

дело, нужны более конкретные подробности. Ничего, когда он ознакомится с преступлениями, детали проявятся сами. Возможно, даже в связи с пребыванием Джейма в исправительно-трудовой колонии для малолетних преступников после того, как он убил своих деда и бабку. Завтра он назовёт ей имя Джейма Гамба и сделает всё, чтобы даже Джек Кроуфорд понял всё сразу. Завтра. Завтра он покончит с ним.

За спиной доктора Лектера послышались шаги. Кто-то выключил телевизор и тронул его за плечо. Сейчас его заведут в камеру, и начнётся долгая, нудная процедура раздевания. Всё всегда происходит одинаково. Вначале Барни вместе с помощниками кладут его на топчан лицом вниз. Потом Барни привязывает его лодыжки полотенцем к ножкам топчана, снимает с ног ремни и под прикрытием помощников, вооружённых дубинками, расстёгивает пряжки на смирительной рубашке, и все задом пятятся к выходу, навешивают сеть и оставляют его самого снимать все «доспехи». Потом доктор посылает их наружу в обмен на завтрак. Такой порядок установили сразу же после того, как он напал на медсестру, и до сих пор всё проходило спокойно. Но в этот день процедура раздевания была прервана.

Глава 27

Лёгкий удар — ручная тележка, на которой везли Лектера, переехала через порог камеры. Доктор Чилтон без пиджака и галстука сидел на топчане и просматривал письма Лектера. На его шее висел медальон в виде медали или монеты.

— Барни, поставьте его у стены, — бросил Чилтон, не поднимая головы. — И вместе с остальными подождите у себя.

Доктор Чилтон закончил читать последнее письмо, полученное Лектером из Государственного архива психиатрии, сложил всю почту на топчан и вышел из камеры. Сверкнув глазами, Лектер проводил его внимательным взглядом, хотя даже не повернул головы.

Чилтон подошёл к стоящему в коридоре школьному столу, вытащил из-под крышки маленький диктофон и показал Лектеру.

— Я думал, она будет говорить о чём-то, связанном со смертью Миггса, поэтому решил записать вашу беседу, — объяснил он. — Я уже несколько лет не слышал вашего голоса. Последний раз, кажется, тогда, когда вы дурачились, отвечая

на мои вопросы, а потом выставили меня на посмешище в своей статье. Но трудно поверить, что среди профессионалов кто-то ещё считается с мнением заключённого-психопата, правда? Так что я до сих пор на своём месте. А вы на своём.

Доктор Лектер не проронил ни слова.

— Годы молчания — и вот Джек Кроуфорд посылает к вам свою девчонку, и вы вдруг таете, как весенний снег. Чем же это, интересно, она вас так пробрала, а, Ганнибал? Стройными ножками? Или, может быть, волосы у неё блестят как-то по-особенному? Она просто чудесная, правда? Чудесная и недосягаемая. Как зимний закат, да? Лично я именно так её себе представляю. Конечно, вы уже давно не видели зимнего заката, но поверьте моему слову. Правда, вы сможете увидеть её ещё только один раз. А потом за вас возьмётся балтиморский отдел по расследованию убийств. Они уже прикручивают для вас креслице в комнате шоковой терапии. Такое, знаете, с дырочкой типа унитаза, чтобы вам было удобнее, когда они начнут пропускать через вас ток. Вы что, разве ещё ничего не поняли? Они знают, Ганнибал. Знают, что вы можете точно сказать, кто такой Буйвол-Билл. Только они думают, что вы, должно быть, решили поберечь его.

Так что, когда *я* услышал, как Кларис Старлинг спрашивала вас о Буйволе-Билле, я был просто-таки удивлён. И позвонил другу из балтиморского отдела убийств. Представляете, в горле у Клауса они тоже нашли куколку. И сразу же поняли, что его убил Буйвол-Билл. А что до Джека Кроуфорда, то он просто играет с вами, хочет, чтобы вы почувствовали себя крутым парнем. Не думаю, что вы знаете, как он ненавидит вас за то, что вы изуродовали его протеже. Но теперь вы у него в руках. Ну как, вы по-прежнему ещё чувствуете себя крутым парнем?

Доктор Лектер молча наблюдал, как глаза Чилтона скользят по металлическим прутьям намордника. Наверняка ему хотелось бы снять его и заглянуть в лицо Лектера. Интересно, сделает ли он это как положено, сзади? Если он попытается снять маску спереди, ему придётся приблизить свои белые предплечья с голубоватыми прожилками вен прямо к лицу Лектера. Ну что ж, давай, доктор. Давай, иди сюда. Но Чилтон остался на месте.

— Вы что, всё ещё надеетесь, что вас перевезут в камеру с окошком? Думаете, сможете бродить по пляжу и любоваться птичками? Сомневаюсь. Я уже звонил сенатору Рут Мартин и выяснил,

что она понятия не имеет ни о каких предложениях для вас. Мне даже пришлось напомнить ей, кто вы такой вообще. И ни о какой Кларис Старлинг она тоже ни разу не слышала. Так что это ловушка, Ганнибал. Вас обвели вокруг пальца, как мальчишку. Конечно, женщины способны на всякие гадости, но такое… Да, дёшево она вас купила.

Когда они закончат выкачивать из вас информацию, Ганнибал, Кроуфорд привлечёт вас к суду за сокрытие преступления. Вы, конечно, будете жаловаться, но суд не обратит на это внимания. На вас висит уже целая куча покойников. Так что больше вы никого не уговорите позаботиться об условиях вашего существования. Никакого окошка не будет, Ганнибал. Остаток своей жизни вы проведёте на голом цементном полу какого-нибудь государственного заведения. Зубки выпадут, сила с годами исчезнет, и никто не будет вас больше бояться. Посадят вас в общую палату, где молодые сделают из вас «петушка» и будут драть во все дырки кому ни попадя. А читать будете только то, что сами нацарапаете на стене. Думаете, суд позаботится о вас? Бросьте, вам не раз приходилось видеть стариков-заключённых. Никому нет до них никакого дела. А что до Дже-

ка Кроуфорда и его молодой подружки… Когда умрёт его жена, они начнут жить в открытую. Он станет одеваться в модные костюмы, займётся каким-нибудь спортом, чтобы выглядеть помоложе. Они ведь начали крутить ещё с тех пор, как Белла только-только заболела, это ни для кого не секрет. Так что получат своё повышение и через день уже и не вспомнят о вас. В конце всего этого дела Кроуфорд, правда, скорее всего, придёт повидать вас, чтобы лично сообщить, что вы заработали за своё содействие. Думаю, у него уже даже заготовлена речь на этот случай. Но Ганнибал, он не знает вас так, как знаю я. Он решил, что если обратится к вам за информацией, вы просто пошлёте его ко всем чертям.

Ну что ж, верно, подумал Лектер. *С такими шотландско-ирландскими манерами расположения не завоюешь.*

— Я знаю, чего вы боитесь, Ганнибал. Нет, не боли и не одиночества. Вы не переносите, когда унижают ваше достоинство, в этом вы очень похожи на кота. Я дал слово заботиться о вас и держу его. Никакие личные обиды ни разу не вмешивались в наши отношения, по крайней мере, с моей стороны. И сейчас я тоже забочусь о вас. Никто никогда не говорил о вас с сенатором

Мартин, но теперь такой разговор состоялся. Ради вас и этой несчастной девушки я несколько часов провисел на телефоне. И хочу сообщить вам первое условие: все дальнейшие переговоры должны проводиться только через меня. Только я один смогу опубликовать профессиональный отчёт обо всём этом. Вы не будете публиковать ни единой строчки. У меня должен быть исключительный доступ ко всем материалам, которые поступят и от Кэтрин Мартин, если, конечно, её удастся спасти. Это непререкаемые условия, Ганнибал. И вы ответите прямо сейчас. Так принимаете вы их или нет?

Доктор Лектер мрачно улыбнулся.

— Лучше ответить сейчас мне, иначе вам придётся иметь дело с балтиморским отделом убийств. Вы получаете следующее: если вы сдаёте Буйвола-Билла и девушку спасают, сенатор Мартин — она сама заявила это мне по телефону — сенатор Мартин позаботится о том, чтобы вас перевели в государственную тюрьму «Брами-Мауотин», что в штате Теннесси, вне пределов досягаемости властей Мэриленда. Вы попадёте под её юрисдикцию, где не распространяется власть Джека Кроуфорда. Вам предоставят такую же камеру со всеми мерами безопасности, но с

видом на лес. Вы будете иметь доступ к книгам. Все детали обсудим позже, но, уверен, сенатор будет довольно сговорчива. Назовите его имя — и вы тут же будете переведены туда. В аэропорту о вас позаботится полиция штата Теннесси, губернатор уже дал своё согласие.

Ну, наконец-то доктор Чилтон сказал хоть что-то интересное. Правда, даже не подозревая об этом. Доктор Лектер лизнул верхнюю губу. *Полиция. Полиция не такая опытная в этих делах, как Барни. Полиция привыкла заниматься обычными уголовниками. И склонна пользоваться только наручниками да металлическими браслетами на ноги. А они открываются обыкновенным маленьким ключиком. Как у меня.*

— Его зовут Билли, — проговорил доктор Лектер. — Остальное я скажу лично сенатору. Когда прибудем в Теннесси.

Глава 28

Джек Кроуфорд отказался от предложенного доктором Дэниелсоном кофе, но взял пустую чашку, и, подойдя к раковине из нержавеющей стали у стола дежурной медсестры, плеснул себе немного минералки. Всё здесь было из нержавеющей стали: и шкафчик с посудой, и корзина для мусора, и даже оправа очков самого доктора Дэниелсона. Холодным металлическим блеском сверкали инструменты.

Они были одни в маленьком кабинете доктора.

— Нет, только по предоставлению ордера из прокуратуры, — снова повторил Дэниелсон, на этот раз более резким тоном. Он руководил клиникой опознания пола в Центре Джонса Хопкинса и сегодня согласился принять Кроуфорда рано утром, задолго до начала обхода. — В каждом отдельном случае вам придётся предоставлять нам ордер, да и то, хочу предупредить сразу, мы будем оспаривать его до последнего. Что вам сказали в Колумбусе и Миннесоте? Наверное, то же самое, я прав?

— Как раз сейчас прокуратура ведёт с ними переговоры на эту тему, — ответил Кроуфорд. — Но нам нужно действовать быстро, доктор. Если девушка ещё жива, очень скоро он убьёт её. Завтра или даже сегодня. А потом примется подыскивать себе новую жертву.

— Даже простое упоминание в прессе того факта, что ваш Буйволл-Билл имеет какое-то отношение к проблемам, которыми мы занимаемся, уже само по себе не только невежественно и нечестно, но и опасно. У меня волосы встают дыбом при одной только мысли об этом. Мы потратили долгие годы, чтобы доказать обществу, что транссексуалы не сумасшедшие, не извращенцы, и не какие-то там педики…

— Я вполне согласен с вами…

— Бросьте. Статистически случаи проявления жестокости среди транссексуалов встречаются намного реже, чем среди всего остального населения. Это скромные, порядочные люди, столкнувшиеся с непреодолимой проблемой. Они заслуживают помощи, и мы в состоянии предоставить им эту помощь. Мы никогда не предавали доверия клиентов и не собираемся делать этого и в дальнейшем. Начнём с этого, мистер Кроуфорд.

Вот уже несколько месяцев Кроуфорду приходилось вести частые и напряжённые разговоры с врачами и медсёстрами жены, то и дело уговаривая и умоляя их идти на какие-то уступки. Его тошнило от докторов. Но здесь не личная жизнь, а работа. Поэтому нужно зажать в кулак все свои чувства и делать дело.

— По-моему, доктор, вы не совсем поняли, что я имел в виду. Это моя вина. Наверное, я не совсем чётко изложил свои мысли. Всё дело в том, что человек, который нам нужен — *не ваш пациент.* Это кто-то из тех, кому вы *отказали,* потому что поняли, что он *не транссексуал.* Мы действуем отнюдь не вслепую — сейчас я покажу вам конкретные пункты, по которым он не подошёл под ваше описание настоящего транссексуала. Вот краткий перечень характеристик, по которым ваши люди смогут выбрать нужного нам человека среди тех, кому вы отказали в операции.

Нервно потирая переносицу, доктор Дэниелсон прочёл протянутый Кроуфордом листок.

— Хм, оригинально, мистер Кроуфорд, — проговорил он, возвратив бумагу. — Я бы даже сказал, очень странно и необычно, а я не часто употребляю такие слова. Можно узнать, кто снабдил вас этим списком… э-э… предположений?

Думаю, доктор Дэниелсон, тебе будет не очень-то приятно узнать правду, подумал Кроуфорд.

— Это разработка отдела исследования человеческой личности, — сказал он вслух. — Результат совместной работы с доктором Аланом Блумом из чикагского университета.

— Сам Алан Блум подписался под этим документом?

— Да. И мы полагаемся не только на результаты тестов. Есть и другая причина, по которой Буйволл-Билл был отвергнут вашей клиникой. Почти наверняка он попытался скрыть своё преступное прошлое или какие-либо другие факты своей биографии. Покажите мне списки тех, кому вы отказали в операции. Прошу вас, доктор.

— Нет, нет и нет, — покачал головой Дэниелсон. — Все материалы тестов и записи собеседований сугубо конфиденциальны.

— Каким же образом обман и искажение фактов могут быть конфиденциальными? Как настоящее имя и биография преступника могут считаться врачебной тайной, если он не сообщил их вам и вам пришлось самим докапываться до истины? Я прекрасно знаю, как тщательно ведёт отбор пациентов ваш центр. У вас наверняка было немало таких случаев. Те, кто заразился манией опера-

ции, так называемые хирургические наркоманы, обращаются всюду, где только можно сделать эту операцию. И это не имеет никакого отношения ни к клинике, ни к нормальным пациентам. Думаете, мы не сталкиваемся с идиотами, которые спят и видят себя агентами ФБР? Чуть ли не каждый месяц атакуют Бюро. На прошлой неделе, например, один заявился в наше отделение в Сент-Луисе. Сунул в сумку базуку, две ракетницы, меховой кивер и припёрся. «Здравствуйте, возьмите меня тайным агентом».

— Ну и что, взяли?

— Помогите мне, доктор Дэниелсон. Время идёт. Пока мы тут с вами разговаривали, Буйвол-Билл, вполне возможно, творит с несчастной Кэтрин Мартин вот такие вещи. — Кроуфорд положил на блестящий стол цветную фотографию.

— Перестаньте, — криво усмехнулся доктор Дэниелсон. — Не стоит пытаться взять меня такими детскими устрашающими приёмами. Я работал военным хирургом, мистер Кроуфорд. Так что можете спрятать этот снимок.

— Конечно, хирурга не пугает вид изуродованного тела. Но я не верю, что врач может спокойно стоять в стороне и наблюдать, как на его глазах погибает человек. В общем, вот лучшее, что я

могу вам предложить: мне не нужна информация о ваших пациентах, составьте только список фамилий. На основе тех характеристик, которые я вам только что показывал. Вы и ваши психиатры намного быстрее отберёте соответствующих описанию людей из числа тех, кому было отказано в операции. Если благодаря предоставленной вами информации нам удастся отыскать Буйвола-Билла, я обещаю вам сохранить дело в строжайшей тайне. Во всех отчётах и протоколах будет записана совершенно другая версия того, как нам удалось выйти на преступника.

— Знаете, честно говоря, я очень сомневаюсь, что ФБР или какая-либо другая правительственная организация сможет долго держать дело в секрете.

— Пусть это будет для вас приятной неожиданностью.

— Сомневаюсь. По-моему, зависеть от лжи бюрократов часто бывает опаснее, чем просто сказать правду. Так что, пожалуйста, не стоит защищать нашу честь таким образом, спасибо.

— Да нет, это вам спасибо, доктор Дэниелсон. За ваши глубокомысленные изречения. Значит вы хотите правды? Что ж, пожалуйста, послушайте. Он похищает молодых женщин и сдирает с них

кожу. А потом надевает её на себя и прыгает перед зеркалом. Мы хотим остановить его. И если вы не поможете нам, причём как можно быстрее, я сделаю вот что: сегодня же утром прокуратура попросит у министерства юстиции разрешение обнародовать ваш отказ помочь нам. И к вечеру во всех выпусках новостей будут сообщать о том, как мы беседовали с доктором Дэниелсоном из Центра Джонса Хопкинса и умоляли его оказать содействие. Всякий раз, когда по телевизору будут говорить о новых преступлениях Буйвола-Билла — когда выловят труп Кэтрин Мартин, а потом ещё чей-то, и ещё чей-то — мы будем просить редакторов новостей обязательно включать в свои репортажи рассказ о том, как мы тщетно просили о помощи доктора Дэниелсона из Центра Джонса Хопкинса, получив в ответ безжалостное «нет» и несколько глубокомысленных философских замечаний. И ещё кое-что, доктор. А что, если спустя некоторое время после похорон дочери сенатор Мартин возьмёт да и задаст в министерстве здравоохранения один простой вопрос: «А нельзя ли считать операции по изменению пола обычной косметической хирургией?» После чего господа из министерства почешут свои умные головы и скажут: «А ведь действительно, сенатор

Мартин совершенно *права.* Конечно. Мы тоже считаем, что эти операции можно отнести к разряду косметических». Правительство тут же с радостью урежет ассигнования на вашу программу, и превратится ваш Центр в заурядную клинику по исправлению формы носа.

— Это просто оскорбительно.

— Да нет, доктор, это всего лишь правда. Вы ведь этого хотели?

— Не пытайтесь меня запугать.

— Хорошо, доктор. Видит Бог, я и сам не хочу этого. Просто мне нужно, чтобы вы поняли, что я не шучу. Помогите мне, доктор. Прошу вас.

— Вы говорите, что работаете с Аланом Блумом?

— Да. Чикагский университет…

— Я знаком с Аланом Блумом. Мне кажется, нам будет лучше обсудить этот вопрос на профессиональном уровне. Скажите ему, что я свяжусь с ним сегодня утром. И к полудню сообщу вам своё решение. Мне тоже очень жаль эту девушку, мистер Кроуфорд. И всех остальных тоже. Но слишком многое ставится на карту, и мне кажется, что вы не совсем представляете себе степень моего риска… мистер Кроуфорд, как давно вам мерили давление?

— Я делаю это сам.

— И сами выписываете себе лекарства?

— Это противозаконно, доктор Дэниелсон.

— Но у вас ведь есть врач.

— Да.

— Расскажите ему о своём состоянии, мистер Кроуфорд… Значит, свяжусь с вами позже.

— Когда позже, доктор? Давайте через час.

— Хорошо. Через час.

Когда Кроуфорд выходил из лифта на первом этаже, в его машине зардел телефон. Водитель Джефф снял трубку и махнул ему рукой. Кроуфорд поспешил к фургону. *Она мертва, нашли тело,* мелькнуло в голове. Он схватил трубку. Звонил директор Бюро. Новость оказалась не настолько плоха, но достаточно неприятна: Чилтон подслушал разговор Кларис с Лектером, влез в это дело и сообщил обо всём сенатору Мартин. Генеральный прокурор штата Мэриленд по указанию губернатора дал разрешение на перевод доктора Ганнибала Лектера в Теннесси. Чтобы отменить это решение или хотя бы отложить перевод, потребуются колоссальные усилия всего федерального суда округа. Директор хотел знать мнение Кроуфорда и ждал ответа немедленно.

— Одну минуту. — Кроуфорд зажал трубку меж-

ду коленей и выглянул в окно.

Февральское утро было серым и пасмурным.

Джефф попытался что-то сказать, но Кроуфорд остановил его нетерпеливым жестом.

Лектер в самой сути своей является монстром. Чилтон полон честолюбивых амбиций. Сенатор Мартин с ужасом думает только о судьбе дочери. Жизнь Кэтрин Мартин в опасности. Если всё это сопоставить…

— Пусть переводят, — медленно проговорил он в трубку.

Глава 29

На рассвете доктор Чилтон вместе с тремя вооружёнными до зубов полицейскими штата Теннесси стоял на взлётной полосе рядом с самолётом, пытаясь перекричать шум переговорных устройств и сирену машины «скорой помощи».

Капитан полиции, командир группы сопровождения, протянул Чилтону ручку. Ветер трепал листы бумаги, и ему пришлось придерживать их рукой.

— А что, разве нельзя сделать это в воздухе? — спросил Чилтон.

— Сэр, все документы должны быть подписаны в момент передачи. Таковы инструкции.

Второй пилот закрепил трап и крикнул:

— Всё готово!

Доктор Чилтон и полицейские подошли к задней двери «скорой помощи». Когда он открыл её, все напряглись, словно ожидая, что сейчас прямо на них из машины выпрыгнет что-то ужасное.

Доктор Ганнибал Лектер, находясь в вертикальном положении вместе с носилками, к которым был привязан, в смирительной рубашке и маске

хоккейного вратаря, освобождал свой мочевой пузырь. Санитар Барни держал «утку».

Один полицейский брезгливо фыркнул. Двое других отвернулись.

— Извините, — сказал Барни Лектеру и снова закрыл дверь.

— Ничего страшного, Барни, — улыбнулся Лектер. — Я уже почти закончил, спасибо.

Барни поправил одеяния больного и, положив носилки на пол, откатил их вглубь фургона.

— Барни.

— Да, доктор Лектер?

— Ты долгое время хорошо относился ко мне. Спасибо.

— Не стоит.

— Когда у Сэмми будет просветление, передай ему привет и до свидания.

— Конечно.

— Прощай, Барни.

Громила-санитар открыл дверь и позвал полицейских:

— Берите носилки, парни. Давайте опустим их на землю. Аккуратнее.

Барни сам закатил носилки в самолёт, где заранее были убраны три ряда кресел по правому борту. Второй пилот прочно привязал их к креп-

лениям на полу.

— Он что, так и будет лежать весь полёт? — хмыкнул один из полицейских. — А резиновые подштанники ему натянули?

— Придётся тебе попридержать свою водичку до самого Мемфиса, приятель, — усмехнулся другой.

— Доктор Чилтон, можно сказать вам кое-что? — спросил Барни.

Они стояли возле самолёта. Ветер гнал по взлётной полосе пыль и мусор.

— Эти парни совсем ничего не знают, — вздохнул Барни.

— В Теннесси нас уже будут встречать опытные санитары из психиатрической клиники. Теперь они за него отвечают.

— Думаете, они смогут обращаться с ним правильно? Вы же его знаете — его можно запугать только скукой. Это единственное, чего он боится. От физических наказаний никакой пользы не будет.

— Я никогда этого не допущу, Барни.

— Вы будете там во время допроса?

— Да. А вы — нет.

— Я мог бы полететь вместе с ним и вернуться, всего на пару часов опоздав на дежурство, —

предложил Барни.

— Это уже не ваша забота. Я буду там и сам покажу, как с ним нужно обращаться.

— Пусть они будут повнимательнее, — проговорил Барни. — Он только и ждёт удобного момента.

Глава 30

Кларис Старлинг сидела на краю гостиничной кровати и мрачно смотрела на чёрный телефонный аппарат, по которому минуту назад говорила с Кроуфордом. Волосы были ещё растрёпаны после короткого сна, на плечи накинут фэбээровский курсантский халат. Глядя на неё, можно было подумать, что ей только что нанесли удар в солнечное сплетение.

Прошло всего три часа, как она разговаривала с доктором Лектером, и два, как они с Кроуфордом закончили составление списка характеристик, по которым нужно было проверять обращавшихся в клиники транссексуалов. И вот за то короткое время, пока она спала, доктор Чилтон умудрился спутать все карты.

Кроуфорд ехал за ней. Нужно быть готовой. Нужно думать о том, чтобы быть готовой.

К чёрту! К ЧЁРТУ! К ЧЁРТУ! Ты убил её, доктор Чилтон. Ты же убил её, сукин ты сын. Лектер наверняка знает больше, и я могла выудить из него всё до последнего слова. А теперь всё пропало, всё пропало. Всё коту под хвост. Когда труп Кэтрин

Мартин выловят из реки, я сделаю всё, чтобы Ты увидел его. Клянусь, Ты всё у меня забрал, скотина. Но нужно же что-то делать. Нужно срочно что-то предпринимать. Немедленно. Но что? Что я могу сделать прямо сейчас, в эту минуту? Ну, во-первых, нужно привести себя в порядок.

Ванная. Несколько кусочков дорогого мыла, тюбики с шампунем и лосьоном, нитка с иголкой — всё, что отличает хороший отель.

Шагнув под душ, в брызгах воды Кларис вдруг увидела себя восьмилетней девчонкой, приносившей матери полотенца, шампунь и мыло, когда та убирала номера в мотеле. В мотель часто прилетала ворона, которая вечно воровала всё самое яркое, что лежало на уборочной тележке матери. Она долго сидела на дереве и смотрела в окно, выжидая удобного момента, чтобы потом молнией влететь в номер и выхватить из тележки что-нибудь блестящее. Иногда, испугавшись, она могла оставить на чистом белье тёмное пятнышко помёта. Однажды кто-то из уборщиц швырнул в ворону горсть извести, испачкав чёрные перья белыми, как снег, точками. Бело-чёрная ворона всегда зорко следила за Кларис, ожидая, пока та отойдёт от тележки, чтобы отнести в ванную мыло и шампунь. Вспомнилось, как мать, стоя в

дверях ванной мотеля, говорила Кларис, что ей нужно уехать и пожить немного в Монтане. Как потом она присела на край кровати и взяла дочь на руки. Кларис до сих пор помнила бело-чёрную ворону. Интересно, почему она подумала о ней именно сейчас? Рука вдруг сама собой поднялась, отгоняя назойливую птицу, и словно для того, чтобы как-то оправдать этот невольный жест, она откинула назад упавшие на глаза волосы.

Кларис быстро оделась. Брюки, блузка, лёгкий свитер, тупоносый револьвер в наплечной кобуре, несколько запасных обойм. Сверху — жакет. В том месте, где о подкладку тёрлись обоймы, швы немного разошлись. Нужно спешить, нужно спешить. Она взяла нитку с иголкой и наскоро сметала разошедшийся шов. Пистолет чуть оттопыривался под курткой. Где-то она слышала, что некоторые агенты вшивают в низ куртки шайбы, чтобы растянуть складки. Нужно будет обязательно попробовать… В дверь постучал Кроуфорд.

Глава 31

По богатому собственному опыту Кроуфорд знал, что гнев делает женщину уродливой и отталкивающей. Злоба перекашивает её лицо, заставляет забывать о растрёпанных волосах, размазанной косметике и незастёгнутой молнии. Все малопривлекательные черты тут же выпирают наружу и бросаются в глаза. Открывшая дверь Кларис Старлинг выглядела вполне нормально, хотя наверняка была переполнена гневом.

Кроуфорд понял, что сейчас может узнать много нового о её характере.

Из номера пахнуло паром и запахом мыла. Кровать была аккуратно застелена покрывалом.

— Ну, что скажете, Старлинг?

— Я скажу «чёрт бы всё это побрал», мистер Кроуфорд. А вы что скажете?

— Здесь через дорогу уже открылось кафе, — кивнул он. — Пойдёмте выпьем по чашечке кофе.

Для февраля утро выдалось на редкость тёплым. Солнце, всё ещё низко висящее над горизонтом, играло красноватыми бликами на окнах пси-

хиатрической клиники. Кроуфорд и Старлинг, каждый погружённый в свои мысли, молча прошли мимо. Джефф медленно ехал следом на полицейском фургоне. Тихо потрескивала рация. Один раз загудел телефон. Джефф открыл окно, протянул Кроуфорду трубку, и тот быстро дал кому-то какие-то указания.

— Можем мы привлечь Чилтона за чинение препятствий расследованию? — спросила Кларис.

Она шла чуть впереди, и Кроуфорд заметил, как её руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Боюсь, что нет.

— А если она погибнет из-за него? Что, если своими действиями он спровоцировал её смерть? Боже, как мне хочется вцепиться в его поганую рожу… Извините… Прошу вас, разрешите мне остаться, мистер Кроуфорд. Не отправляйте меня обратно в Академию.

— Хочу сказать вам две вещи, Старлинг. Во-первых, если я и буду продолжать привлекать вас к этому делу, то не для того, чтобы вы вцепились в поганую рожу Чилтона. И второе, если я разрешу вам остаться, вас просто-напросто отчислят из Академии. Или, по крайней мере, оставят на второй год, Академия никому не делает поблажек.

Так что могу гарантировать вам только то, что вы останетесь курсантом.

Кларис опустила голову.

— Наверное не очень-то вежливо с моей стороны спрашивать у начальства такие вещи, но скажите, вы сами сейчас очень рискуете? Сенатор Мартин ведь может испортить вам карьеру?

— Старлинг, через два года мне так или иначе нужно уходить в отставку. Таков закон. И поймай я сейчас хоть самого дьявола, это всё равно ничего не изменит.

Всегда очень сдержанный в своих желаниях, Кроуфорд вдруг почувствовал, как ему нестерпимо захотелось показаться мудрым, знающим все тонкости жизни стариком. Поэтому он говорил осторожно и только о тех вещах, которые знал наверняка.

— Это время — самое тяжёлое для вас, Старлинг. Используйте его правильно, и вас можно будет считать закалённым бойцом. Нужно пройти труднейшее испытание — не позволить гневу и злобе помешать вам мыслить. Здесь и решится, сможете вы в будущем командовать людьми или нет. Людская глупость и честолюбие поставили вас в это положение. Чилтон оказался самым настоящим идиотом, и теперь его поведение мо-

жет стоить Кэтрин Мартин жизни. Но, возможно, ещё не всё потеряно. Мы — её шанс на спасение. Скажите, Старлинг, какая температура у жидкого азота в химической лаборатории?

— Что? А, у жидкого азота… где-то минус двести по Цельсию. Чуть выше — и он уже закипает.

— Вам приходилось замораживать в нём что-нибудь?

— Конечно.

— Так вот, сейчас я хочу, чтобы вы точно так же заморозили своё отношение и все чувства к Чилтону. Держите в голове только полученную от Лектера информацию и заморозьте чувства. Сосредоточьтесь на главной цели, Старлинг. Только это сейчас самое важное. Вы приложили все силы, чтобы получить от Лектера сведения, вы дорого заплатили за них, но всё же добились своего. Теперь нужно использовать их. Сейчас они точно такие же ценные — или наоборот, никуда не годные — как и до того, как в это дело влез Чилтон. Просто, скорее всего, нам уже не удастся узнать от Лектера ничего больше. Так что думайте только о том, что сказал вам о Буйволе-Билле доктор Лектер, и заморозьте всё остальное. Человеческую глупость, ваш гнев, Чилтона — заморозьте всё. Когда у нас будет время, мы найдём

способ натянуть на уши Чилтону его поганую задницу. Но сейчас отбросьте всё это в сторону. Так, чтобы оно не мешало вам видеть перед собой главную цель. А ваша главная цель, Старлинг — это жизнь Кэтрин Мартин. И поиски Буйвола-Билла. Сосредоточьтесь на цели. Если вам удастся это сделать, то вы будете мне нужны.

— Чтобы поработать с записями в медицинских журналах?

Они остановились у двери кафе.

— Нет, если только клиника не объявит нам войну, и не придётся силой заставить их отдать нам эти записи. Вы нужны мне в Мемфисе. Конечно, нужно надеяться, что Лектер сообщит сенатору Мартин что-нибудь полезное и стоящее. Но я хочу, чтобы на всякий случай вы были рядом — когда ему наскучит играть с ней, может быть, он согласится поговорить с вами. Кроме того, я бы хотел, чтобы вы попытались представить себя на месте Кэтрин и подумали, каким образом Билл мог похитить её. Вы не намного старше Кэтрин, поэтому её друзья могут рассказать вам намного больше того, что рассказали полицейским. У нас есть и ещё кое-что. Интерпол сейчас работает над индентификацией Клауса. Если его опознают, можно будет поискать его приятелей или быв-

ших коллег. Причём и в Европе, и в Калифорнии, где у него был роман с Бенджамином Распейлом. Сейчас мне нужно срочно лететь в университет Миннесоты, но вечером я буду в Вашингтоне. Свистните Джеффу. Через сорок минут вам нужно сидеть в самолёте, так что, боюсь, вы не успеете попить со мной кофе.

Красное солнце уже поднялось чуть выше, хотя тротуары всё ещё утопали в густой тени. Кларис подняла руку, на которую тут же упал яркий солнечный луч, и помахала Джеффу.

Теперь она чувствовала себя намного легче. А этот Кроуфорд и в самом деле оказался неплохим человеком. Как ловко он задал ей этот вопрос про жидкий азот. Сразу и польстил, показав, что помнит о её опыте работы в судебной лаборатории, и напомнил о стойкой привычке экспертов — мыслить чётко и ясно. Интересно, неужели все мужчины и вправду считают такие намёки настолько тонкими, что собеседник не сможет ничего понять? Или им просто интересно, как будет вести себя человек, даже если разгадает их уловку?

Через дорогу, по ступенькам Государственной лечебницы для душевнобольных преступников спускалась огромная фигура. Кларис без труда

узнала Барни. В своей свободной куртке санитар выглядел ещё более массивным.

— Минутку! — крикнула Кларис Джеффу и бегом устремилась к Барни, поймав его за рукав как раз в тот момент, когда он уже садился в свой старый «студебеккер».

— Барни.

Санитар выпрямился и обернулся. На лице не отразилось абсолютно никаких чувств. Только глаза показались Кларис немного больше, чем обычно.

— Доктор Чилтон сказал вам, что вы не будете замешаны во всём этом деле?

— Что же ещё он мог сказать?

— И вы поверили?

Углы его губ опустились. Он не ответил ни «да», ни «нет».

— Мне нужна ваша помощь. И я хочу, чтобы вы сделали всё немедленно, прямо сейчас, и без вопросов. Пока что я просто прошу. Что осталось в камере доктора Лектера?

— Несколько книг — «Чудеса кулинарии», пара научных журналов. Все бумаги и документы они забрали.

— А рисунки? Рисунки, что висели на стенах?

— Висят и сейчас.

— Мне нужно всё, что там есть, и нужно очень быстро, я ужасно тороплюсь.

Несколько секунд Барни внимательно смотрел ей в глаза, потом кивнул, бросил «подождите» и взбежал по ступенькам. Кларис отметила, что для такого громилы двигается он на удивление легко.

Кроуфорд ждал Кларис у фургона. Через две минуты Барни вышел из больницы, неся свёрнутые рисунки и бумажный пакет с книгами и журналами.

— Вы уверены, что я знал о диктофоне, когда приносил вам стол? — спросил он.

— Я ещё подумаю над этим. Вот ручка, черканите на пакете свой телефон. Как вы считаете, Барни, они смогут справиться с доктором Лектером?

— Сомневаюсь. Я уже сказал об этом Чилтону и теперь повторяю вам, на случай, если у него вдруг отшибёт память. Вы молоток, Старлинг. Знаете, когда поймаете этого Буйвола-Билла…

— Что?

— Не сажайте его ко мне, хорошо? Даже если у меня и будет свободная камера. — Он улыбнулся, обнажив мелкие, как у ребёнка, зубы.

Кларис невольно улыбнулась в ответ и побежа-

ла к фургону, на ходу махнув санитару рукой.

Кроуфорд остался доволен её замыслом.

Глава 32

Выпустив из-под колёс две струи голубоватого дыма, самолёт с доктором Лектером коснулся посадочной полосы аэропорта Мемфиса и, сбросив скорость, подрулил к ангарам национальных ВВС, подальше от входа в пассажирский терминал. Внутри первого ангара ожидала машина «скорой помощи» и правительственный лимузин.

Через затемнённое стекло лимузина сенатор Рут Мартин молча наблюдала, как полицейские выкатывали из самолёта носилки с доктором Лектером. В голове возникло едва преодолимое желание выскочить из машины, броситься к связанной фигуре в маске хоккейного вратаря и слезами вымолить хоть одно слово. Но сенатор была выше этого.

В лимузине загудел телефон. Её секретарь Брайан Госсэдж снял трубку.

— Это ФБР. Джек Кроуфорд, — доложил он.

Не сводя глаз с доктора Лектера, сенатор Мартин взяла протянутую трубку.

— Почему вы ничего не сказали мне о докторе Лектере, мистер Кроуфорд?

— Боялся, что вы сделаете то, что делаете сейчас, сенатор.

— Я не собираюсь воевать с вами, мистер Кроуфорд. Но если вы сами решили развязать со мной войну, то пожалеете.

— Где сейчас Лектер?

— Я как раз смотрю на него.

— Он слышит вас?

— Нет.

— Мне необходимо сказать вам кое-что, сенатор Мартин. Вы хотите предоставить Лектеру личные гарантии — что ж, хорошо, прекрасно. Но прошу вас, прежде чем встретиться с ним, поговорите с доктором Аланом Блумом. Поверьте, он вам поможет.

— У меня уже есть профессиональные помощники.

— Лучше, чем Чилтон, надеюсь.

Доктор Чилтон постучал в окно лимузина. Сенатор послала к нему Брайана Госсэджа.

— Наша перепалка — просто потеря времени, мистер Кроуфорд. Вы послали к Лектеру зелёного курсанта с фальшивыми предложениями. По-моему, я сделаю это лучше. Доктор Чилтон считает, что Лектер может отреагировать только на конкретное предложение из первых рук, и я

сама сделаю ему это предложение. Если Кэтрин останется жива и невредима, то всем будет хорошо, и вам в том числе. Но если она… умрёт, я за себя не ручаюсь.

— Тогда хотя бы используйте в этом деле *нас,* сенатор Мартин.

В голосе Кроуфорда не чувствовалось ни злости, ни раздражения. Лишь профессиональное спокойствие и сдержанность.

— Говорите, — произнесла сенатор.

— Если что-то узнаете, предоставьте заняться этим нам. Будьте уверены, у нас есть для этого все необходимые силы и средства. Обещаю, мы будем обязательно работать в связке с местной полицией. Но нельзя, чтобы они думали, будто сделают вам приятное, если отстранят нас.

— Сюда направляется Пол Крендлер из министерства юстиции. Он позаботится об этом.

— Кто сейчас руководит операцией?

— Майор Бахман из отделения расследований Теннесси.

— Хорошо. Если ещё не поздно, постарайтесь, чтобы ничего не просачивалось в прессу. Особенно предупредите Чилтона — он очень любит быть в центре внимания. Нельзя, чтобы Буйвол-Билл хоть что-то пронюхал. Когда выйдем на

него, пустим в дело спецгруппу по освобождению заложников. Нужно взять его быстро и по возможности без сопротивления. Вы собираетесь лично беседовать с Лектером?

— Да.

— Тогда, может, сначала поговорите с Кларис Старлинг? Она уже вылетела к вам.

— Для чего? Доктор Чилтон хорошо мне всё объяснил. Нас и без того достаточно водили за нос.

Чилтон снова постучал в окно, пытаясь прокричать что-то сквозь стекло. Брайан Госсэдж положил руку ему на плечо и отрицательно покачал головой.

— После вашего разговора с Лектером мне необходимо получить право встретиться с ним, — продолжал Кроуфорд.

— Мистер Кроуфорд, он пообещал, что назовёт имя Буйвола-Билла в обмен на некоторые привилегии — в частности, касающиеся условий его заключения. Если он не сделает этого, можете забрать его навсегда.

— Сенатор Мартин, может это покажется вам обидным, но я просто обязан предупредить вас: как бы ни повернулся ваш разговор с Лектером, ни в коем случае ни о чём не просите и не умоляйте его.

— Хорошо, мистер Кроуфорд. Извините, но я не могу больше говорить. — Сенатор положила трубку. — Если я совершу ошибку, ей не будет хуже, чем всем остальным твоим жертвам, — проговорила она едва слышно и жестом пригласила Госсэджа и Чилтона в машину.

Доктор Чилтон заранее попросил подготовить помещение в котором сенатор Мартин могла бы встретиться с доктором Лектером. Чтобы сэкономить время, для этой цели наскоро переоборудовали конференц-зал Национальных ВВС.

Пока Чилтон готовил доктора Лектера к этой своеобразной встрече, сенатор Мартин, не в силах больше оставаться в машине, вышла наружу и нервно зашагала по огромному ангару. За большим металлическим трафаретом «СТОП» покоился старинный истребитель Ф-4 «Фантом». *Боже, да этот аэроплан, похоже, старше Кэтрин. Господи, что за мысли.*

— Сенатор Мартин, — позвал майор Бахман.

В зале уже стоял письменный стол для доктора Чилтона, кресла для сенатора Мартин, её секретаря и майора Бахмана. Оператор с видеокамерой был готов начать запись беседы. Указав на него, Чилтон заметил сенатору, что это одно из условий доктора Лектера.

Сенатор Мартин собралась с духом, взглянула на себя в висящее в холле зеркало, и отметив, что выглядит неплохо, шагнула в зал. Её строгий костюм цвета морской волны, казалось, уже сам по себе излучал властность и уверенность. Вид Госсэджа тоже внушал трепет и уважение.

Доктор Ганнибал Лектер сидел в глубоком дубовом кресле, привинченном к полу в центре зала. Наброшенное одеяло скрывало смирительную рубашку, сковывающие ноги металлические браслеты, и цепи, которыми Лектер был прикован к креслу. На лице была всё та же маска хоккейного вратаря.

Почему так? Сенатор полагала, что за столом переговоров Лектеру можно дать почувствовать собственное достоинство. Она бросила взгляд на Чилтона и повернулась к секретарю, чтобы взять бумаги.

Доктор Чилтон обошёл кресло, встал за спиной Лектера и, глядя в камеру, картинным жестом снял с него маску.

— Познакомьтесь, сенатор Мартин. Это доктор Ганнибал Лектер.

Глядя с каким гордым видом Чилтон рисуется перед камерой, сенатор Мартин вдруг почувствовала такой страх, какой ей не приходилось

испытывать ни до, ни после того дня, когда похитили её дочь. Вера, которой она начала было проникаться к Чилтону, сменилась холодным ужасом от осознания того, что этот человек — не кто иной, как безмозглый, чванливый глупец, жаждущий прославиться на чужом горе.

Как же она не заметила этого раньше?

Прядь волос с головы Лектера упала на переносицу между его бордовых глаз. Лицо было такого же серого, металлического цвета, как и маска. Сенатор Мартин и Ганнибал Лектер внимательно изучали друг друга. Она — ясным, чётким взглядом, он — с мыслями, которые не смог бы понять ни один человек, живущий на Земле.

Доктор Чилтон вернулся за свой стол, окинул взглядом присутствующих и начал:

— Доктор Лектер сообщил мне, сенатор, что он готов помочь расследованию кое-какими известными ему фактами взамен на изменения, касающиеся условий его заключения.

Сенатор Мартин вытащила документ:

— Доктор Лектер, вот решение, которое я немедленно подпишу. В нём говорится, что я намерена оказать вам всю необходимую помощь. Хотите прочесть?

Ей показалось, что он не собирается отвечать.

Она уже положила бумагу на стол, собираясь поставить подпись, когда Лектер вдруг произнёс:

— Я не собираюсь убивать ваше время и время Кэтрин, торгуясь обо всех этих ничтожных привилегиях. Кое-какие карьеристы уже и так потратили его слишком много. Я помогу вам и верю, что вы поможете мне.

— Можете положиться на меня.

— Настоящее имя Буйвола-Билла — Уильям Рубин. Обычно он представляется как Билли Рубин. В апреле или мае 1975 года он обращался ко мне по рекомендации моего пациента Бенджамина Распейла. Он сказал, что живёт где-то в Филадельфии, к сожалению, я не помню адреса. Но в Балтиморе он жил вместе с Распейлом.

— Где ваши записи? — вмешался майор Бахман.

— Мои записи были уничтожены вскоре после того, как…

— Как он выглядел? — снова прервал его Бахман.

— Разве я разговариваю с вами, майор? Сенатор Мартин, вы только…

— Его возраст, внешний вид — всё, что можете вспомнить, — не унимался Бахман.

Доктор Лектер не ответил. Он просто ушёл в

себя, задумавшись о чём-то своём, и если даже и слышал дальнейшие вопросы, которые ему задавали, то не показывал вида.

Когда сенатору Мартин удалось снова привлечь его внимание, в комнате, кроме них, уже не было никого.

Лектер взглянул на неё в упор.

— Эти служаки насквозь провоняли здесь всё своими сигарами, — проговорил он. — Скажите, вы сами нянчили Кэтрин?

— Простите, что я делала?

— Вы кормили её грудью?

— Да.

— Изнурительное дело, правда?

Увидев, что зрачки женщины потемнели, доктор Лектер вдоволь насладился её болью, и решив, что на сегодня достаточно, продолжал:

— Уильям Рубин примерно сто восемьдесят три сантиметра ростом, сейчас ему должно быть где-то тридцать пять лет. Он крепкого телосложения, когда я его видел, он весил примерно килограммов восемьдесят пять. Сейчас, думаю, больше. У него каштановые волосы и светло-голубые глаза. Передайте им эти приметы, а потом мы продолжим.

— Хорошо, — кивнула сенатор и передала за

дверь записку.

— Я видел его только один раз, — продолжал Лектер. — Он должен был прийти снова, но куда-то пропал.

— Почему вы думаете, что он и есть Буйвол-Билл?

— Он уже тогда убивал людей. И делал это примерно так же. Я имею в виду, с точки зрения анатомии. Он сказал, что ему нужно помочь остановиться, но мне кажется, он просто хотел поболтать о своих подвигах.

— И вы не смогли… он понял, что вы не сможете его переделать?

— Да он и с самого начала ни на что не надеялся. Но наверное, ему было интересно попробовать. Тем более, что его приятель Распейл очень уважал меня как специалиста.

— А сам Распейл знал, что Рубин занимается такими вещами?

— Ему было не до этого. Его привлекали шрамы на теле своего дружка. Билли Рубин сказал мне, что однажды привлекался за какое-то преступление. Я прочёл его краткую историю болезни. Ничего примечательного, кроме одной вещи: когда-то давно он лечился от слоновьей язвы. Это всё, что я помню, сенатор Мартин, к тому же, по-

моему вам уже не терпится идти. Если я вспомню ещё что-нибудь, обязательно дам вам знать.

— Так это Билли Рубин убил человека, чью голову нашли в машине?

— Скорее всего, да.

— Вы знали убитого?

— Нет. Распейл называл его Клаусом.

— То, что вы рассказали ФБР раньше, правда?

— Такая же, как и та, которую ФБР сообщило мне, сенатор Мартин.

— Я дала все необходимые распоряжения по поводу вашего временного содержания здесь, в Мемфисе. Когда всё это… когда всё это уладится, и вас переведут в Браши Маунтин, мы ещё поговорим о вашем положении.

— Спасибо. Мне бы хотелось иметь под рукой телефон, на случай, если я вдруг что-то вспомню.

— Вы получите его.

— И музыку. Глен Гоулд «Вариации Гольдберга». Это не слишком?

— Договорились.

— Сенатор Мартин, не следует доверять руководство этим делом исключительно ФБР. Джек Кроуфорд никогда не играет честно с другими службами. Такие у них нравы. Он всегда стремится взять преступника сам. «Накинуть хомут», как

они выражаются.

— Спасибо, доктор Лектер.

— Хороший у тебя костюмчик, — ухмыльнулся он, когда сенатор вышла за дверь.

Глава 33

Запутанная вереница комнат и помещений в подвале Джейма Гамба похожа на загадочный лабиринт из страшной детской сказки. Давным давно, когда мистер Гамб был ещё скромным и застенчивым, он любил уединяться в самых дальних комнатах, подальше от лестницы. Большинство из этих комнат Гамб не открывал уже долгие годы. Некоторые комнаты до сих пор ещё живут той, прошлой жизнью, хотя звуки из-за дверей уже давно затихли, сменившись тишиной.

Уровень пола во всех комнатах различён. Входя внутрь, нужно переступить через порог и наклониться, чтобы не удариться головой о косяк. Ничего нельзя вкатить и трудно вытащить. Внести что-то, держа перед собой — особенно если оно вырывается, кричит, плачет и мотает головой — невероятно сложно, даже опасно.

Став взрослым и приобретя уверенность в себе, мистер Гамб решил, что у него больше нет нужды в дальних комнатах подвала. Теперь он пользуется лишь теми, что расположены вокруг лестницы

— большими помещениями, снабжёнными светом и водопроводом.

Сейчас подвал уже не представляет собой сплошной тёмный лабиринт.

Где-то под комнатой с песчаным полом, в своей подземной темнице сидит Кэтрин Мартин.

Мистер Гамб тоже в подвале, но совсем в другом месте.

Комната под лестницей темна, но наполнена целым хороводом звуков. Тонкой струйкой течёт из крана вода, еле слышно гудит насос. Если прислушаться к эху этих звуков, комната кажется огромной. Воздух влажен и прохладен. Едва уловимый запах плесени. Лёгкий трепет крыльев на щеке, несколько слабых щелчков в мёртвом воздухе — и вздох наслаждения, человеческий вздох.

Для обычного глаза комната погружена в непроницаемую тьму, но мистер Гамб всё очень хорошо видит, хотя предметы и кажутся ему немного размытыми и зеленоватыми. На нём великолепные инфракрасные очки военного образца (часть экипировки израильского солдата, и всего за какую-то сотню долларов). Сидя на краю стула, он восхищённо смотрит на стоящую перед ним проволочную клетку. По ветке растущего в

клетке паслёна ползёт насекомое. Молодая бабочка только что вылупилась из кокона, лежащего во влажной земле на дне клетки. Медленно и осторожно она карабкается по ростку паслёна, ища местечко, где можно расправить свои новые крылья. Наконец, она выбирает для этой цели горизонтальную веточку.

Мистеру Гамбу приходится податься вперёд, чтобы рассмотреть получше. Медленно и постепенно склеенные за спиной крылья наполняются жизнью.

Незаметно проходит два часа. За всё это время мистер Гамб ни разу не пошевелился. Наконец, он отворачивается от клетки и обводит взглядом комнату. Огромный аквариум с раствором для дубления кожи. Растянутые на специальных распорках его последние приобретения, похожие на возвышающиеся над зеленоватым морем полуразрушенные древние скульптуры. Взгляд падает на большой оцинкованный рабочий стол с разложенными на нём инструментами. У стены стоят длинные промышленные раковины. Все в зелёном цвете инфракрасных лучей. Перед глазами проносятся крошечные яркие кометы — взрослые бабочки, свободно порхающие по комнате.

Он снова поворачивается к клетке. Вовремя. Крылья насекомого как раз расправляются, открывая глазу изумительный рисунок — человеческий череп, обрамлённый нежным пушком. Чёрные глазницы, носовая впадина, челюсти — всё отчётливо прорисовано на спине бабочки по прихоти природы.

От восторга у мистера Гамба перехватывает дыхание. Он наклоняется вперёд, чтобы получше рассмотреть это чудо. Бабочка смотрит на него огромными глазами и злобно пищит.

Он тихо крадётся в свою подземную темницу, стараясь дышать неслышно, чтобы пленница не услышала его приближения. Ему совсем не хочется портить себе настроение, слушая её отчаянные вопли. Огромные очки похожи на глаза краба. Мистер Гамб знает, что выглядит в них не очень привлекательно. Но сколько приятных минут пережил он с их помощью, играя в этом подвале в свои смертельные игры.

Он наклоняется и направляет невидимые лучи в глубину колодца.

Объект лежит на боку, свернувшись подобно креветке. Похоже, спит. Во сне прижимает к лицу край подстилки и посасывает большой палец. Рядом стоит пустое ведро. Она ещё ни разу не

обрывала шнур, пытаясь выбраться наружу. Пробегая инфракрасными лучами на телу Кэтрин, мистер Гамб начинает мысленно готовить себя к предстоящему воплощению в жизнь своей довольно сложной идеи.

Обращаться с человеческой кожей невероятно трудно, особенно если предъявлять к ней такие высокие требования, какие предъявляет мистер Гамб. Нужно заранее обдумать многие важные детали, и первое — где будет расположена застёжка-молния.

Она направляет луч на спину Кэтрин. Проще всего было бы сделать застёжку как обычно, сзади, но как тогда он сможет сам застегнуть её? Как бы этого ни хотелось, но в таких делах не попросишь помощи. Он, конечно, знает места, знает определённые круги, где его усилия могут оценить по достоинству — на некоторых богатых яхтах его творения наверняка вызовут всеобщий восторг — но с выходом в свет придётся повременить. Есть вещи, которые нужно делать исключительно для себя. Расположить застёжку спереди было бы просто кощунством — он сразу же отбрасывает эту мысль.

Через инфракрасные очки невозможно разглядеть цвет тела, но кожа явно стала намного

тоньше. Наверняка ещё до того, как он прибрал её, она уже сидела на диете.

Опыт научил его, что прежде, чем снимать кожу, нужно подождать от четырёх до семи дней. От резкой потери веса кожа слегка обвисает и снять её намного легче. Плюс ко всему, истощение лишает объекты сил и делает более управляемыми. Более послушными. Многие впадают в состояние тупого оцепенения. Но в то же время необходимо хотя бы изредка кормить их, чтобы избежать внезапных вспышек отчаяния, в результате которых может пострадать кожа.

Да, объект определённо теряет вес. Он настолько специфичен, настолько соответствует его целям, что ждать слишком долго Гамб просто не может, да и не должен. Завтра вечером можно приступать к работе. Или ночью. Самое позднее послезавтра. Уже скоро.

Глава 34

Кларис Старлинг сразу узнала знак «Стоунхидж-Виллас», который показывали по телевизору в вечерних новостях. Жилой район в восточном Мемфисе, сочетание многоквартирных домов и небольших коттеджей, расположившихся буквой «U» вокруг огромной автостоянки.

Кларис припарковала свой взятый напрокат «шевроле-селебрити» в самом центре стоянки. Сверкающие «Комаро» и отливающие перламутром «порше» говорили о том, что здесь живут хорошо оплачиваемые служащие.

Чуть в стороне ровными рядами выстроились трейлеры и прогулочные катера на специальных тележках. Свежая краска блестела и переливалась в лучах утреннего солнца. Игрушки для уик-эндов.

«Стоунхидж-Виллас». Буквы на знаке почему-то раздражали Кларис. Наверняка в любой квартире здесь можно найти миленькие плетёные стульчики и любовно подобранные вазочки для фруктов. А на журнальных столиках обязательно разложены семейные фотографии и модные

книжечки по кулинарии типа «Обеда на двоих» или «Ваше меню». Мещанство. Кларис, чьим единственным жилищем была комната в общежитии Академии ФБР, просто не переносила все эти вещи.

Но она приехала сюда не для того, чтобы критиковать образ жизни местных обывателей. Её задача — как можно больше узнать о Кэтрин Мартин.

На первый взгляд это место не очень-то подходило для обители дочери сенатора. Кларис уже успела ознакомиться с краткими биографическими данными, которыми располагало ФБР и знала, что Кэтрин Мартин представляет собой яркий образец студента-неудачника. Провалилась на вступительных экзаменах в университет Фармингтона, всего два года продержалась в Маддлбери. Сейчас училась в юго-западном университете и сама давала уроки.

Старлинг без особого труда мысленно нарисовала себе её портрет: замкнутый, избалованный ребёнок, ненавидящий учёбу, один из тех, которые никого не желают слушать.

Хотя, нужно быть очень осторожной в своих оценках и суждениях. Ни в коем случае нельзя поддаваться влиянию собственных предубежде-

ний. Когда-то Кларис сама училась в закрытой школе, но жила исключительно на стипендию и старалась, чтобы её оценки всегда были намного лучше, чем её одежда. Она достаточно насмотрелась на детей из богатых семей, которые старались любыми способами уйти от проблем. Некоторые из них действительно были недалёкими и безразличными ко всему на свете, но с годами она поняла, что иногда безразличие может быть лишь способом избежать гнетущей человека тоски и душевной боли, поэтому нельзя путать его ни с врождённой глупостью, ни с усталым равнодушием привыкшего к роскоши ребёнка.

Лучше взглянуть на Кэтрин, как на ту маленькую девочку на яхте, какой она предстала в кадрах любительского фильма во время выступления сенатора по телевизору. Отец и дочь вместе катаются на яхте. Интересно, насколько Кэтрин любила своего папу, когда была маленькой? Что она пережила, когда в сорок два года отец умер от сердечного приступа? Наверняка девочка была страстно привязана к нему. Тоска по отцу — это то общее, что сближало обоих девушек.

Нужно постараться относиться к Кэтрин с симпатией. Только так можно добиться каких-то

успехов в расследовали.

Квартиру Кэтрин Мартин долго искать не пришлось — у двери стояли две патрульных машины дорожной полиции Теннесси. Крыльцо и асфальт рядом с дверью посыпаны белым порошком. Наверняка работа отделения расследований Теннесси, поняла Кларис. Кроуфорд всегда говорил, что они отлично знают своё дело.

Кларис прошла между рядами автомобилей и трейлеров, стоящих прямо напротив квартиры. Где-то здесь Буйвол-Билл и похитил её. Где-то недалеко от двери, потому что Кэтрин оставила её открытой, когда выходила. Что же побудило девушку выйти на стоянку? Наверняка что-то, что показалось ей совершенно безобидным и неопасным.

Старлинг уже знала, что полиция обошла все квартиры в поисках свидетелей похищения, но ни один человек ничего не видел. Значит, всё произошло где-то между рядами этих трейлеров и катеров. Наверняка. Здесь он и сидел в своём фургоне или грузовичке и наблюдал за девушкой. Наверняка. Но тогда выходит, что Буйвол-Билл уже знал, что она здесь. Увидел её где-то, выследил и ждал удобного момента. Такие крупные девушки, как Кэтрин, встречаются нечасто. Он не

мог просто сидеть и ждать, когда мимо пройдёт женщина нужных размеров — так можно просидеть несколько дней и никого не увидеть.

Все жертвы Буйвола-Билла были крупными. Все до единой. Некоторые — толстыми, но все обязательно крупными. «Искал подходящий размер» — вспомнила Кларис слова Лектера и содрогнулась. Тоже мне, Пьер Корден нашёлся.

Она глубоко вздохнула, с шумом выдохнула воздух и решительно шагнула вперёд. *Ну, посмотрим, что мы сможем узнать о Кэтрин Мартин.*

Дверь квартиры открыл полицейский в форменной фуражке. Кларис показала удостоверение и он кивком разрешил ей войти.

— Мне необходимо осмотреть помещение. — Слово «помещение» она сказала специально для полицейского, который, находясь в квартире, не потрудился даже снять головной убор.

— Хорошо, — кивнул он. — Если зазвонит телефон, не снимайте трубку. Я сам подойду.

В кухне Кларис увидела подключённый к телефону магнитофон. Рядом стояло ещё два аппарата. Один, без диска, — прямая связь с управлением.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил полицейский.

— Эксперты уже закончили здесь свою работу?

— Да, семье разрешено пользоваться квартирой. Я здесь просто сижу на телефоне. Можете трогать всё, что хотите.

— Хорошо. Тогда я начну осмотр.

— Начинайте. — Полицейский взял газеты и вернулся на своё место.

Кларис постаралась сконцентрироваться. Конечно, лучше было бы остаться в квартире одной, но спасибо хотя бы за то, что дом не забит полицейскими.

Она прошла на кухню. Было видно, что здесь почти не готовили. Приятель Кэтрин сказал полиции, что она пошла домой за воздушной кукурузой. Кларис открыла холодильник. Две пачки кукурузных хлопьев. Автостоянки из окна не видно.

— А вы откуда?

Занятая своими мыслями, Кларис не сразу поняла вопрос.

— Я говорю, вы сами откуда? — повторил полицейский, опустив газету.

— Я?.. Я из Вашингтона.

Под раковиной — да, точно, царапины на трубе. Они вытащили фильтр и отправили на анализ. Молодцы. Ножи не заточены. Посудомоечной ма-

шиной недавно пользовались, но не слили воду. В холодильнике, кроме двух пачек кукурузы — только сыр да пакет с фруктовым салатом. Кэтрин Мартин наверняка покупала только готовые продукты или на крайний случай полуфабрикаты. Возможно, в каком-то одном магазине где-нибудь поблизости. Стоит проверить.

— Вы приехали с министром юстиции?

— Нет, я из ФБР.

— Ясно. А то тут приезжает министр юстиции, на планёрке говорили. А вы давно работаете в ФБР?

В корзине для овощей — засохший вилок капусты. Кларис вытащила его. Больше ничего нет.

— Так сколько вы уже работаете в ФБР?

Кларис обернулась.

— Послушайте, что я вам скажу, молодой человек. После того, как я закончу осмотр, мне, возможно, понадобиться задать вам несколько вопросов. Тогда и поговорим, хорошо?

— Конечно. Если я могу чем-то помочь…

— Всё, договорились. Побеседуем позже. А сейчас мне нужно подумать.

— Понял. Нет проблем.

Кларис понравилась красивая, навевающая дремоту спальня, отделанная и обставленная луч-

ше, чем могут себе позволить многие девушки. Шторы «Коромандель», полочки с клуазоне, добротный ореховый секретер. Двуспальная кровать. Кларис отвернула покрывало. Оба подголовных валика лежали с левой стороны. *Наверное, Кэтрин так было удобнее. А может у неё есть любовник, о котором не знает друг. Или они были здесь вместе с этим другом. На автоответчике нет дистанционного управления. Значит ей нужно быть дома, когда должна позвонить мать.*

Автоответчик был точно такой же, как и в комнате Кларис. Бытовая модель «Фоунмейт». Обе плёнки вытащены. На их месте записка: «Изъято полицией Теннесси. Вещ. док. № 6».

Комната чисто убрана, но чувствуется, по ней изрядно прогулялись руки полицейских, которые явно старались поставить каждую вещь на своё место, но будучи мужчинами, не смогли сделать это так, как делают женщины. Даже не найдя ни крошки порошка для снятия отпечатков пальцев, Кларис видела, что вся спальня была тщательно осмотрена вдоль и поперёк.

Нет, спальня не имеет к преступлению никакого отношения. Очевидно, Кроуфорд был прав, считая, что девушку похитили на автостоянке. Но Кларис получила задание изучить Кэтрин,

а это как раз то место, где она жила постоянно. *Живёт,* тут же поправила себя Старлинг. *Живёт, а не жила.*

В ящике секретера — телефонная книга, пачка салфеток, коробка с косметикой, а в глубине — фотоаппарат «Поляроид 5Х-70» с автоспуском и складным штативом. Ого! Несколько секунд Кларис с восхищением рассматривала фотоаппарат, потом тряхнула головой и решительно задвинула ящик.

Самое интересное место, конечно, шкаф. У Кэтрин Бейкер Мартин (отметка прачечной К-Б-М) было много одежды, некоторые вещи очень дорогие, с этикетками солидных французских и американских фирм. *Подарки от мамочки,* отметила про себя Кларис. Вся одежда была двух размеров, рассчитанных, как поняла Старлинг, на то, что девушка иногда немного худела, а потом снова набирала вес. На случай очень большого потолстения в шкафу имелось несколько пар свободных брюк и пять дорогих пуловеров. На нижней полке Кларис насчитала двадцать три пары туфель, кроссовки «Рибок» и лёгкие спортивные тапочки. На верхней полке лежал лёгкий рюкзак и теннисная ракетка.

Вещи привилегированного дитяти, студента и

учителя, живущего намного лучше остальных.

В секретере целая куча писем. Короткие открытки от бывших одноклассников. Марки, конверты. В нижнем ящике — пачки обёрточной бумаги для упаковки подарков. Любые цвета и размеры. Кларис быстро пробежалась пальцами по пачкам, думая о том, как будет расспрашивать о Кэтрин в близлежащих магазинах. Внезапно пальцы наткнулись на листок, который показался толще остальных. Рука автоматически вытащила его из пачки. На голубоватой бумаге красовались отпечатанные типографским способом схематичные фигурки собачек, похожих на пса по кличке Плуто из детского мультфильма.

Кларис вытащила из портфеля пинцет, осторожно подцепила листок, и, сунув его в пакет для вещественных доказательств, бросила на кровать.

Большая шкатулка для драгоценностей на журнальном столике отделана кожей — нечто подобное можно встретить в комнате каждой девушки. В обоих ящичках — обычные женские побрякушки, ничего ценного. Интересно, где были спрятаны настоящие драгоценности и кто их забрал?

На задней стенке шкатулки пальцы нащупали

потайной ящичек. Внутри пусто. От кого нужно было что-то прятать? Уж, конечно, не от грабителей.

Надев тонкие перчатки, Кларис вытащила ящичек. Снизу к донышку липкой лентой был приклеен коричневый конверт. Старлинг понюхала его. Отпечатков с него явно не снимали. Она снова взяла в руки пинцет и вытащила содержимое. Внутри было пять снимков, сделанных «Поляроидом». Сцены любви между мужчиной и женщиной. Ни лиц, ни голов — только тела. Две фотографии сделаны женщиной, две — мужчиной, последнюю наверняка снимали с помощью штатива и автоспуска.

По снимкам трудно было определить масштаб, но по характерным изгибам фигуры Кларис без труда узнала в женщине Кэтрин Мартин. На члене у мужчины было надето что-то, похожее на резное кольцо из слоновой кости, но качество фотографий не позволяло рассмотреть детали.

Старлинг заметила у него шрам от удаления аппендицита. Она аккуратно положила каждый снимок в отдельный пакет, сунула всё в свой собственный конверт и вставила ящичек на место.

— У меня в записной книжке есть телефоны достаточно влиятельных лиц, — вдруг раздался

голос за её спиной. — Надеюсь, из шкатулки ничего не пропало?

Кларис взглянула в зеркало. В дверях стояла сенатор Рут Мартин. Выглядела она очень устало.

— Здравствуйте, сенатор Мартин. — Кларис обернулась и попыталась улыбнуться. — Наверное, хотите прилечь отдохнуть? Я уже почти закончила.

Даже в таком разбитом состоянии сенатор Мартин сохраняла чувство собственного достоинства. Но под внешним спокойствием чувствовался весьма воинственный настрой.

— Попрошу вас представиться. Я полагала, что полиция уже сделала здесь всё необходимое.

— Меня зовут Кларис Старлинг, я из ФБР. Вы уже говорили с доктором Лектером, сенатор?

— Он назвал мне имя. — Сенатор Мартин прикурила сигарету и с головы до ног оглядела девушку. — Посмотрим, насколько ценны его сведения. А насколько ценно то, что вы нашли в этой шкатулке, агент Старлинг?

— Всего лишь кое-какие документы, которые мы проверим буквально через несколько минут, — выпалила Кларис первое, что пришло в голову.

— В шкатулке у моей дочери? Позвольте мне

взглянуть.

За дверью послышались голоса. В надежде, что их сейчас прервут, Кларис попыталась перевести разговор на другую тему.

— Вы приехали вместе со следователем Копли из Мемфиса?

— Нет. Но вы не ответили на мой вопрос. Прошу не обижаться, агент Старлинг, но мне нужно знать, что вы взяли из шкатулки моей дочери. — Она повернула голову и позвала: — Пол! Пол, зайдите, пожалуйста, сюда. Агент Старлинг, полагаю, вы знаете мистера Крендлера из министерства юстиции. Пол, это та девушка, которую Джек Кроуфорд привлекал для работы с Лектером.

Блестящая лысина Крендлера была покрыта загаром. Для своих сорока лет выглядел он довольно моложаво.

— Да, мистер Крендлер, конечно, я хорошо вас знаю, — проговорила Кларис. — Здравствуйте.

Специальный уполномоченный из криминального отдела министерства юстиции, может быть, даже заместитель министра. Боже милосердный, спаси мою бедную голову.

— Агент Старлинг обнаружила что-то в шкатулке моей дочери и положила в свой конверт.

Полагаю, нам нужно посмотреть что это, не так ли?

— Мисс Старлинг, — требовательным голосом проговорил Крендлер.

— Извините, можно вас на два слова, мистер Крендлер?

— Конечно. Но позже. — Он протянул руку.

Девушка вспыхнула. Конечно, сенатор Мартин сейчас немного не в себе, но недоверие Крендлера… Кларис никогда не простит ему этого. Никогда.

— Возьмите. — Она отдала ему конверт.

Едва взглянув на первый снимок, Крендлер тут же сунул его обратно, но сенатор Мартин забрала у него конверт.

Было жалко смотреть на женщину, рассматривающую такие фотографии. Закончив, сенатор подошла к окну, закрыла глаза и подняла лицо к небу, сплошь затянутое облаками. При дневном свете она выглядела почти старой. Рука с зажатой между пальцами сигаретой дрожала.

— Сенатор, я… — начал было Крендлер.

— Полиция тщательно обследовала эту комнату, — оборвала его миссис Мартин. — Я уверена, что они тоже нашли эти фотографии. Но оказались достаточно тактичными, чтобы положить

их на место и держать язык за зубами.

— Этого не может быть, — возразила Кларис.

Конечно, женщина сейчас смертельно ранена, но что же делать, чёрт возьми.

— Миссис Мартин, нам необходимо выяснить, что за человек изображён на снимке, вы же понимаете. Если это тот самый её друг, тогда всё в порядке. Я узнаю всё через пять минут. Никто не увидит этих фотографий, и Кэтрин тоже никогда ничего не узнает.

— Я сама позабочусь об этом. — Сенатор Мартин быстро положила конверт к себе в сумочку. Мистер Крендлер, ни говоря ни слова, лишь молча наблюдал за её действиями.

— Сенатор, это вы забрали из квартиры все драгоценности? — спросила Кларис.

В комнату заглянул секретарь миссис Мартин.

— Прошу прощения, сенатор, связь уже установили. Вы можете узнать у ФБР, как продвигаются поиски Билли Рубина.

— Идите, сенатор, — кивнул Крендлер. — Я выйду через минуту.

Так и не ответив на вопрос Кларис, Рут Мартин молча вышла из комнаты.

Пока Крендлер закрывал дверь, Старлинг получила возможность хорошенько рассмотреть его.

Великолепно сшитый костюм являл собой само совершенство. Оружия при себе он не имел. Туфли сверкали ослепительным блеском, очевидно, от частого хождения по ворсистому ковру.

Несколько секунд Крендлер задумчиво стоял у закрытой двери, опустив голову и держась рукой за дверную ручку.

— Ну что ж, поздравляю, вы поработали на славу, — наконец проговорил он, повернувшись к Кларис.

Да нет, мистер Крендлер, такими дешёвыми насмешками меня не возьмёшь. Девушка подняла голову и смело посмотрела ему в глаза.

— Я смотрю, в Куонтико готовят первоклассных сыщиков, — добавил Крендлер.

— Но не учат красть.

— Знаю.

— Очень сомневаюсь.

— Ладно, оставим это.

— Но позже мы всё равно попытаемся разобраться с этими снимками и выясним насчёт драгоценностей.

— Хорошо.

— А кто такой этот Билли Рубин, мистер Крендлер?

— Лектер сказал, что так зовут Буйвола-Билла.

Вот, взгляните сами. — Он дал ей листок с отпечатанной на машинке записью беседы сенатора и доктора Лектера. — Ну, что можете сказать? — спросил Крендлер, когда она закончила читать.

— Не особенно много он поведал, — задумчиво проговорила Кларис. — И главное, без всякого риска для себя. Он сказал, что это белый мужчина по имени Билли Рубин, который когда-то лечился от слоновьей язвы. Что бы ни произошло, его будет трудно обвинить во лжи. В худшем случае он скажет, что ошибся. Конечно, я очень надеюсь, что это правда. Но он мог просто сыграть с ней злую шутку. Он вполне способен на такое, мистер Крендлер. Вы когда-нибудь… встречались с ним?

Крендлер вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Доктор Лектер убил по меньшей мере девять человек, — продолжала Кларис. — Он приговорён к пожизненному заключению. Ему нечего терять, так что можно и пошутить. Поэтому мы и решили затеять с ним эту игру…

— Я знаю, как вы с ним играли. Слышал запись, которую сделал Чилтон. Не могу сказать, что вы работали плохо, но теперь всё закончилось. Отдел исследования человеческой личности может продолжать работать с уже имеющейся инфор-

мацией насчёт транссексуалов. А что касается вас, Старлинг, то вы завтра же возвращаетесь обратно в Куонтико и приступаете к учёбе.

Ох, ты, Господи.

— Я обнаружила ещё кое-что. — Она торопливо взяла с кровати пакет с листком обёрточной бумаги и отдала Кренддеру.

— Что это?

— Листок с рисунком пса Плуто из мультфильма. — Она ждала, что он спросит, но Крендлер лишь нетерпеливо вскинул голову, приказывая продолжать. — Я уверена, что это фильтр для наркотика. ЛСД. Такие использовали раньше, ещё в семидесятых годах. Интересно, откуда он у неё. Нужно проверить.

— Можете забрать его с собой в Вашингтон и отдать, в лабораторию. Выезжайте немедленно.

— Если дело срочное, можно сделать анализ прямо сейчас, если у полицейских есть набор для проведения экспертизы, мы всего за несколько секунд…

— Немедленно возвращайтесь в Вашингтон и приступайте к занятиям, — резко прервал её Крендлер и открыл дверь.

— Мистер Кроуфорд поручил мне…

— Вы будете делать то, что скажу я. Сейчас вы

подчиняетесь не Джеку Кроуфорду и должны вести себя так же, как и все курсанты Академии. Это, надеюсь, понятно? В 14.10 самолёт. Вы должны улететь на нём.

— Мистер Крендлер, доктор Лектер стал говорить со мной, хотя раньше наотрез отказался беседовать с балтиморскими следователями. Может быть он согласится встретиться со мной ещё. Мистер Кроуфорд считает…

Крендлер резко захлопнул дверь.

— Я, конечно, не обязан объяснять вам все подробности, курсант Старлинг, но всё же послушайте. Отчёты отдела изучения человеческой личности всегда только принимаются к сведению, не больше. К тому же Джек Кроуфорд в любом случае скоро уходит в отставку. Я просто удивлён, что с таким богатым опытом работы, он мог пойти на такой шаг и скрыть от сенатора Мартин свои замыслы. Но, даже несмотря на то, что его затея провалилась, ему осталось так мало времени до пенсии, что и сама сенатор не сможет слишком сильно навредить его карьере. Так что на вашем месте я бы не очень-то за него переживал.

Кларис задохнулась от негодования.

— Вы что, знаете ещё кого-нибудь, кто поймал

трёх опаснейших маньяков? — выкрикнула она. — Можете назвать мне кого-нибудь, кто смог поймать хоть одного? Вы не должны допустить, чтобы сенатор вообще применила к Кроуфорду хоть малейшее наказание.

— Возможно, вы и блестящий курсант, Старлинг, недаром Кроуфорд привлёк вас к работе, но повторяю в последний раз: попридержите свой язык, иначе можете нарваться на очень крупные неприятности. Неужели вы не понимаете, что единственной причиной, по которой вас послали к Лектеру, являлся сбор сведений для директора Бюро, которые он позже мог бы использовать в Конгрессе, когда будет выбивать бюджет для своей конторы? Мысли Лектера по поводу общей концепции преступлений, взгляд на него изнутри — конгрессмены любят слушать всю эту чушь. Так что ваша миссия закончена, Старлинг. Я вывожу вас из этого дела. Я знаю, у вас есть временное удостоверение. Сдайте мне его.

— Оно понадобится мне в самолёте, чтобы не отобрали оружие. А пистолет мне выдавали в Куонтико.

— Пистолет? О, Боже. Сдайте удостоверение сразу же, как только вернётесь в Академию.

Сенатор Мартин, Госсэдж, техник и несколько

полицейских сидели перед экраном подключённого к телефону монитора, на котором высвечивалась информация о ходе поисков Билли Рубина, поступающая от различных служб и организаций страны. Национальный центр контроля над заболеваниями как раз передавал описание болезни под названием «слоновья язва». По имеющимся данным она возникает при вдыхании пыли в процессе обработки африканской слоновой кости, из которой вытачиваются и вырезаются различные фигурки и украшения. В США отмечена в основном у тех, кто занимается изготовлением ножей.

Прочитав слова «мастера по изготовлению ножей», сенатор Мартин закрыла глаза. Но она не плакала. Только рука нервно комкала бумажную салфетку.

Молодой полицейский, который впускал Кларис в квартиру, принёс сенатору чашку кофе. Фуражку он так и не снял.

Старлинг остановилась.

— Всего хорошего, сенатор. Надеюсь, с Кэтрин всё будет в порядке.

Даже не взглянув на неё, Мартин молча кивнула. Крендлер вывел Кларис из комнаты.

— Я не знал, что её нельзя впускать, — пробор-

мотал молодой полицейский, когда она вышла за дверь.

Крендлер проводил её до порога.

— Я питаю искреннее уважение к Джеку Кроуфорду, — сказал он на прощание. — Передайте ему, что мне очень жаль… я имею в виду Беллу. А теперь возвращайтесь в Академию и занимайтесь учёбой, договорились?

— До свидания, мистер Крендлер.

Она осталась одна на забитой машинами автостоянке, чувствуя, что совершенно не способна что-либо понять в этом безумном мире.

Между трейлерами и катерами расхаживал голубь. Вот он зацепил клювом брошенную кем-то ореховую скорлупу, но тут же снова уронил её на асфальт. Влажный ветер ворошил перья.

Кларис вдруг до боли захотелось поговорить с Кроуфордом. *Это время — самое тяжёлое для вас,* говорил он ей всего несколько часов назад. *Используйте его правильно, и вас можно будет назвать закалённым бойцом. Нужно пройти труднейшее испытание — не позволить гневу и злобе помешать вам мыслить. Здесь и решится, сможете вы в будущем командовать людьми или нет.*

Никогда ей уже не командовать людьми. Ни-

когда не стать следователем по особо важным делам, Старлинг. Разве можно так распускаться? Проклятый характер.

Вспомнилось распухшее тело несчастной мёртвой девушки на столе похоронного бюро Поттера в штате Западная Вирджиния. *Ярко накрашенные ногти блестели точно так же, как блестят сейчас эти проклятые трейлеры.*

Как же её звали?.. Кимберли.

Чёрта с два эти сволочи увидят мои слёзы.

Господи, как же часто встречается эта фамилия. Только в её классе было целых четыре Кимберли. Бедняжка Кимберли. Как она следила за собой, проколола уши, чтобы выглядеть привлекательнее. А Буйвол-Билл посмотрел на её маленькие груди, взял пистолет и добавил ей ещё одно украшение — огромную рваную дыру в форме звезды.

Как тщательно она следила за своими ногами. Не удивительно — судя по лицу, рукам и ногам, кожа была самым главным её достоинством. *Наверное, ты тоже сейчас злишься, бедняжка Кимберли.* Никакие сенаторы не пытались разыскивать тебя. Никакие самолёты не перевозили ради тебя безумцев. Слово «безумцы» вырвалось как-то само собой. У неё много чего вырывается

само собой. *Безумцы.*

Кларис посмотрела на часы. До самолёта оставалось ещё целых полтора часа. Можно успеть кое-что сделать. Она хотела увидеть лицо доктора Лектера, когда он произносит имя «Билли Рубин». Если ей удастся выдержать взгляд его бордовых глаз, если она сможет заглянуть в их бездонную глубину, где в тёмных зрачках зарождаются яркие искры, то возможно, она увидит там что-то важное и нужное. Либо всего лишь пустоту, мерцающую отблесками веселья.

Слава Богу, что у меня осталось удостоверение.

Кларис сорвала с места свой взятый напрокат «шевроле» и, круто развернувшись, выехала с автостоянки.

Глава 35

Кларис Старлинг гнала машину по забитым автомобилями улицам Мемфиса. На щеках высыхали слёзы гнева и отчаяния. Она чувствовала себя на удивление легко и свободно. Что ж, если ей суждено вступить в борьбу, нужно набраться мужества и держать себя в руках.

Ещё по дороге из аэропорта Кларис проезжала мимо бывшего здания суда и теперь без труда разыскала этот дом.

Не желая рисковать, власти Теннесси поместили доктора Лектера в башню массивного старинного здания в готическом стиле, в котором раньше размещался суд и заседали местные органы управления. Сейчас, после реставрации и капитального ремонта, дом пустовал, считаясь собственностью города.

Сегодня, со всех сторон окружённое полицией, строение напоминало осаждённую средневековую крепость.

Машины и фургоны дорожного патруля, отделения расследований Теннесси, шерифа округа Шелби и Управления исправительных учрежде-

ний занимали почти всю автостоянку. Уже за квартал от здания Старлинг пришлось останавливаться и предъявлять удостоверение постовому, стоящему в оцеплении.

В Мемфисе у охраны доктора Лектера появились дополнительные проблемы. С самого утра, как только по телевизору передали сообщение о его прилёте, на полицию обрушился шквал телефонных звонков с угрозами в адрес Лектера — у жертв доктора было много друзей и родственников, жаждущих его смерти.

Старлинг очень надеялась не натолкнуться на агента ФБР Копли — не хотелось навлекать на него лишние неприятности.

На лужайке у входа в здание, окружённый плотной стеной репортёров, о чём-то воодушевлённо рассказывал доктор Чилтон. Кларис отвернула лицо в сторону и быстро скользнула к двери.

Стоящий на пороге полицейский внимательно просмотрел её удостоверение и пропустил внутрь. Фойе напоминало огромную комнату для охранников. Возле единственного лифта и на нижних ступеньках лестницы дежурили полицейские. На стоящих вдоль стен диванах, расположилась смена оцепления, отдыхающая после утреннего дежурства на подступах к зда-

нию.

За письменным столом напротив дверей лифта восседал грозный сержант. На нагрудном жетоне значилось имя: «К. Л. Тейт».

— Прессе запрещено, — остановил он пробирающуюся к лифту Кларис.

— Я не репортёр.

— Вы из министерства юстиции? — спросил Тейт, просмотрев её удостоверение.

— От заместителя министра юстиции Крендлера, — солгала Кларис. — Я только что от него.

— Понятно, — кивнул сержант. — По-моему, сюда уже съехалась вся полиция Теннесси. Все хотят посмотреть на доктора Лектера. Не часто приходится такое видеть… слава Богу. Прежде чем подняться, вам нужно переговорить с доктором Чилтоном.

— Я только что виделась с ним на улице. До этого мы вместе занимались делом Лектера в Балтиморе. Мне сюда, сержант Тейт?

Сержант на секунду задумался, потом утвердительно кивнул.

— Да, мисс, сюда. Только в нас здесь дополнительные меры предосторожности: у всех обязательно проверяем оружие, даже у полиции.

Кларис молча кивнула и быстро вытащила из

пистолета обойму. Потом сунула пистолет обратно в кобуру и протянула ему запасные. Сержант запер их в ящик стола.

— Вериен, подними её наверх в башню, — бросил он стоящему у лифта полицейскому и снял трубку внутреннего телефона.

Старинный лифт выпуска двадцатых годов со скрипом поднял Кларис на последний этаж.

— Прямо по коридору, мадам, — сказал полицейский, открыв кабину.

На матовом стекле двери зала, занимающего почти всю башню, красовалась надпись: «ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ОКРУГА ШЕЛБИ». Кларис вошла внутрь. Огромная восьмиугольная комната с белыми стенами, дубовыми панелями и натёртым до блеска деревянным полом почему-то сразу же напомнила ей церковь. Кларис представила себе те времена, когда здесь проходили заседания городского суда. Наверняка тогда этот зал выглядел куда более величественно, хотя и менее современно.

Двое полицейских в форме Управления исправительных учреждений несли охрану. Когда Кларис вошла в комнату, тот, что пониже ростом встал из-за письменного стола.

Другой остался сидеть на складном стуле в даль-

нем углу зала лицом к клетке. Его обязанностью было предотвращение попытки самоубийства.

— Вы получили разрешение на разговор с заключённым, мадам? — спросил коротышка.

Кларис глянула на жетон и прочла имя: «Т. У. Пембри». На столе стоял телефон и лежало несколько разнокалиберных дубинок.

— Да, конечно, — ответила Старлинг. — Я уже встречалась с ним раньше.

— Знакомы с мерами предосторожности? Заходить за шлагбаум запрещено.

— Разумеется.

Единственным цветным предметом в комнате был полицейский дорожный шлагбаум — жёлто-красное полосатое заграждение с жёлтыми лампочками, теперь, правда, выключенными. Он стоял прямо на начищенном полу в полутора метрах от двери в клетку. На вешалке висели аксессуары доктора Лектера: хоккейная маска и смирительный жилет «Канзас». Кларис не приходилось видеть его раньше. Сделанный из толстой кожи, с прочными петлями для рук, крепящимися к приклёпанным на спине скобам, он мог по праву считаться самым надёжным одеянием для буйных заключённых и сумасшедших. Маска и чёрный кожаный жилет ярко выделялись на

белой стене комнаты, вызывая в душе чувство тревоги и странного беспокойства.

Приближаясь к клетке, Кларис не спускала глаз с доктора Лектера, сидящего спиной к двери за небольшим привинченным к полу столиком и погружённого в чтение. На столике лежало несколько книг и дело Буйвола-Билла, которое она дала ему ещё в Балтиморе. К ножке стола цепью был прикручен маленький кассетный магнитофон. Как странно и непривычно видеть этого человека вне стен психиатрической больницы!

Ещё будучи ребёнком, Кларис не раз видела такие клетки. В начале века их изготавливала одна компания в Сент-Луисе. Никто и никогда не делал их лучше. Сборная стальная конструкция, способная превратить в камеру любую комнату. Стальной лист вместо пола, закалённые металлические прутья вместо потолка и двери. Яркое освещение, экран из тонкой бумаги перед унитазом.

Полосатая тень от решётки падала на пол и белые стены комнаты. У доктора Лектера были тёмные, гладко зачёсанные волосы.

Кладбищенская крыса, сидящая между рёбрами обглоданного скелета.

Она мотнула головой, стараясь выбросить эту

дикую мысль из головы.

— Доброе утро, Кларис, — проговорил Лектер, не поднимая головы, и замолчал, дочитывая страницу. Наконец он положил в книгу закладку и развернулся лицом к девушке, уперевшись локтями в ручки кресла и положив подбородок на сложенные вместе кулаки. — Вот тут Думас учит, что добавленное в бульон мясо вороны осенью, когда они жиреют на ягодах можжевельника, весьма улучшает вкус и цвет супа. Вы бы хотели попробовать, Кларис?

— Я подумала, что вам будет не хватать ваших журналов и рисунков, которые остались в больнице. Пока у вас не будет настоящего вида на природу.

— Как заботливо с вашей стороны. Знаете, доктор Чилтон просто в восторге, что смог отодвинуть в сторону вас и Джека Кроуфорда. Или вас всё же прислали сделать последнюю попытку?

Сидящий у клетки полицейский встал и отошёл к столу перебросится парой слов с Пембри.

— На этот раз меня никто не посылал, я сама, — ответила Кларис, надеясь, что охранники не услышат.

— Люди скажут, что мы влюбились друг в дру-

га. Не хотите спросить меня о Билли Рубине, Кларис?

— Доктор Лектер, никоим образом не… ставя под сомнение то, что вы рассказали сенатору Мартин, не могли бы вы посоветовать мне кое-что по поводу вашей мысли о…

— Не ставя под сомнение… Замечательно. Нет, Кларис, больше никаких советов. Вы хотели обмануть меня. Думаете, я играл с ней?

— Я думаю, что мне вы говорили правду.

— Жаль, что вы хотели обмануть меня. — Доктор Лектер закрыл лицо руками, так, что остались видны только глаза. — Жаль, что бедная Кэтрин Мартин больше никогда не увидит солнечного света. Солнце — это огненное ложе, на котором умирает её Бог, Кларис.

— Жаль, что мы не сможем закончить начатый разговор, — ответила Старлинг. — В вашей мысли насчёт имаго и всех связанных с ним ассоциаций, была какая-то… элегантность. Трудно выбросить всё это из головы. Только теперь ваши рассуждения похожи на обломки, на половину арки.

— Да, половина арки устоять не сможет… Кстати, об арках, вам ещё позволяют заниматься этим делом, Кларис? Удостоверение не отобрали?

— Нет.

— А что это у вас под жакетом? Часы-табель, как у папочки?

— Нет, это скорострельный револьвер.

— Значит, вы ходите с оружием?

— Да.

— Тогда лучше ходить без жакета. Вы, кстати, умеете шить?

— Да.

— Сами сшили этот костюмчик?

— Нет. Доктор Лектер, вы всё видите и замечаете. Не может быть, чтобы вы, в своё время так откровенно беседуя с этим Билли Рубином, узнали о нём так мало.

— Почему же?

— Если вы действительно встречались с ним, вы должны знать о нём *всё.* Но почему-то сегодня вы смогли вспомнить всего одну единственную деталь. То, что он когда-то лечился от слоновьей язвы. Видели бы вы, как они все подпрыгнули, когда Атланта передала, что это профессиональная болезнь мастеров по изготовлению ножей. Она попалась на вашу удочку, доктор, что вы и ожидали. Удивляюсь, как это за такую ценную информацию они ещё не предоставили вам апартаменты в пятизвездном отеле. Доктор Лектер, я просто уверена, что если вы встречались с ним,

то знаете о нём абсолютно всё. Правда, возможно, вы никогда не виделись, а всю информацию о нём узнали от Распейла. Но продать сенатору сведения, полученные из третьих рук, не очень-то легко, правда? — Кларис обернулась. Один из охранников показывал охраннику какую-то статью в журнале «Оружие». — В Балтиморе вы собирались рассказать мне ещё очень многое, доктор Лектер. И наверняка чрезвычайно важное. Прошу вас, расскажите сейчас.

— Вы хорошо прочитали дело, Кларис? Все необходимые сведения для того, чтобы поймать его, находятся здесь. Если, конечно, читать внимательно. Даже наш «Шерлок» Кроуфорд мог бы давно всё увидеть. Кстати, вы читали его прошлогоднее выступление в национальной полицейской Академии? Потрясающая речь. Само воплощение чувства долга, чести и стойкости. Прямо, как Марк Аврелий. Посмотрим, что останется от его силы духа, когда Белла сыграет в ящик. По-моему, он начитался трудов Марка Аврелия и во всём придерживается его философии. Но если бы он *действительно* понял его, то наверняка смог бы разгадать это дело.

— Как это?

— Знаете, Кларис, когда вы демонстрируете

вспышки контекстуального интеллекта, я забываю, что ваше поколение не умеет читать. Император же советует быть проще. В любом случае прежде всего нужно задать себе вопрос: что есть вещь в своей сути? Какова её первопричина? Вот в чём заключается первый принцип.

— Не понимаю…

— Что делает человек, которого вы ищете?

— Убивает…

— Ох! — Доктор отчаянно покачал головой, не в силах вынести её непонимания. — Убийства — это всего лишь следствие. А что он делает изначально? К какой цели идёт через убийства?

— Злость, конфликт с обществом, сексуальная неполноценность…

— Нет.

— Что же тогда?

— Он жаждет недоступного. Жаждет стать тем, чем являетесь вы. В этом стремлении и есть вся его суть. С чего же начинается наша жажда невозможного, а, Кларис? Специально ли мы выискиваем вещи, которые потом начинаем хотеть и домогаться? Подумайте, прежде чем ответить.

— Нет. Мы просто…

— Вот именно. Мы начинаем желать только того, что видим каждый день. Разве вы сами

не чувствуете на себе каждый день жаждущие, ненасытные взгляды? И разве ваши собственные глаза никогда не натыкались на что-то, чего бы вам очень хотелось?

— Хорошо. Но тогда расскажите, как…

— Теперь ваша очередь рассказывать, Кларис. Сейчас вы больше не можете пообещать мне каникул на берегу океана и прогулок по песчаному пляжу. Так что остаётся только наше quid pro quo. Хм, в разговоре с вами надо быть очень осторожным. Рассказывайте, Кларис.

— Что рассказывать?

— Две вещи, которые вы остались должны ещё с нашего прошлого разговора. Что случилось с вами и лошадью, и как вам удаётся держать себя в руках.

— Доктор Лектер, когда у нас будет побольше времени, я…

— Мы больше не можем откладывать, Кларис. В прошлый раз уже отложили. Боюсь, нам вряд ли удастся встретиться ещё.

— Послушайте, чуть позже я…

— Я именно *слушаю.* Итак, через два года после смерти отца ваша мать отправляет вас в Монтану, на ранчо, где вместе с мужем живёт её двоюродная сестра. Вам десять лет. Вы обнаруживаете,

что на ранчо выращивают лошадей на убой. И вы убегаете вместе с подслеповатой лошадью. Что дальше?

— Было лето, и нам удалось удрать довольно далеко, до самого Бозмена.

— У лошади было какое-нибудь имя?

— Наверное, но на это не особенно обращают внимание, когда растят лошадь на убой. Я звала её Анна. Тогда мне казалось, что это имя ей вполне подходит.

— Вы вели её под уздцы или ехали верхом?

— И то, и другое.

— Итак, вы прошли и проехали до самого Бозмена.

— Да. Там, в пригороде, была платная конюшня, школа верховой езды или что-то в этом роде. Я попросила их подержать Анну у себя. Но загон стоил двадцать долларов в неделю, а стойло ещё дороже. К тому же они сразу заметили, что она плохо видит. Я сказала: ладно, тогда я могу водить её по двору и катать маленьких детей, пока их родители будут обучаться верховой езде. Сказала, что могу чистить стойла. Один из них, мужчина, стоял, слушал и соглашался со всем, что я говорила, а его жена тем временем позвонила шерифу.

— Шериф был таким же простым полицейским,

как и ваш отец?

— Но это не помешало мне до смерти испугаться. У него было такое большое красное лицо. В конце концов шериф внёс двадцать долларов за первую неделю, как он сказал, «до выяснения всех обстоятельств» и добавил, что в такую чудесную тёплую погоду девчонке не следует драить стойла. Газеты напечатали объявление, поднялся страшный шум. В конце концов мамина сестра позволила отправить меня в лютеранский приют.

— Это приют для детей-сирот?

— Да.

— А Анна?

— И её пристроили туда же. Один лютеранин, хозяин ранчо неподалёку, привозил ей сено. В приюте была своя конюшня. Анна пахала огород. Правда, всё время нужно было следить, чтобы она шла ровно, не загребала в сторону и не топтала уже проросшие растения. А летом мы запрягали её в повозку и катали детей.

— Но, в конце концов, она всё же умерла?

— Да.

— Расскажите мне об этом.

— Это случилось в прошлом году, мне прислали письмо из приюта. По их подсчётам ей было года

двадцать два. В последний день своей жизни она ещё катала в повозке ребятишек, а потом ночью умерла прямо во сне.

— Как трогательно, — разочарованно проворчал Лектер. — Кларис, вы хотели, чтобы муж вашей тётки из Монтаны лишил вас невинности?

— Нет.

— А он сам пытался?

— Нет.

— Что же заставило вас убежать вместе с этой лошадью?

— Они собирались убить её.

— Вы знали, когда?

— Нет, но всё время переживала. Она так быстро толстела.

— Но что подтолкнуло вас удрать именно в этот день?

— Не знаю.

— А по-моему прекрасно знаете.

— Я всё время беспокоюсь…

— Что подтолкнуло вас, Кларис? Сколько было времени, когда вы убежали?

— Ранним утром. Было ещё темно.

— Значит, что-то разбудило вас. Что вас разбудило? Вам что-то приснилось? Что?

— Я проснулась от *крика ягнят.* Проснулась от того, что они громко кричали в темноте.

— Это были весенние ягнята? На убой?

— Да.

— И что вы сделали?

— Я ничего не могла для них сделать. Я ведь была всего лишь…

— Что вы сделали с лошадью?..

— Я тихо оделась в темноте и вышла во двор. Она была очень напугана. Все лошади в загоне были напуганы и сбились в кучу. Я тихонько стукнула её по носу, она поняла, что это я, и ткнулась носом мне в ладонь. И в хлеву, и в сарае возле загона для овец горел свет. Такие, знаете, голые лампочки, которые отбрасывают огромные тени. Во дворе гудел огромный грузовик — рефрижератор. Я вывела Анну…

— Вы седлали её?

— Нет, я не хотела брать у них седло. Только уздечку.

— Когда вы вышли со двора и окунулись в темноту, вы слышали позади себя крики ягнят?

— Не долго. Их было всего двенадцать.

— И до сих пор время от времени вы всё ещё просыпаетесь от крика ягнят?

— Иногда.

— И думаете, что если сами поймаете Буйвола-Билла и с Кэтрин всё будет в порядке, то вы сможете навсегда заставить замолчать своих ягнят? Думаете, что с ними тоже будет всё в порядке? Так, Кларис?

— Да… Не знаю… Наверное…

— Спасибо, Кларис. — Лектер удовлетворённо улыбнулся.

— Скажите мне его имя, доктор, — попросила Старлинг.

— Доктор Чилтон, — усмехнулся Лектер, бросив взгляд за спину девушки. — Полагаю, вы знакомы?

Поглощённая разговором, Кларис не сразу поняла, что у неё за спиной стоит злополучный главный врач. Чилтон взял её за локоть.

Кларис отдёрнула руку и обернулась. Рядом с Чилтоном стоял Пембри и его напарник.

— В лифт, — отрезал Чилтон. Лицо его было багровым от гнева.

— Вы в курсе, что у нашего доктора Чилтона нет медицинского образования? — улыбнулся Лектер. — Имейте это в виду. Может, когда-нибудь пригодится.

— Уходите, — рявкнул Чилтон.

— По-моему, не вы здесь главный, доктор Чил-

тон, — попыталась возразить Кларис.

— Совершенно верно, мадам, старший здесь я. — Охранник Пембри вышел вперёд. — Он позвонил моему шефу и вашему тоже. Прошу прощения, но я получил приказ проводить вас к выходу. Пойдёмте со мной.

— До свидания, Кларис. Дадите мне знать, когда ягнята перестанут кричать?

— Да.

Пембри взял её за руку. Нужно было идти или начинать драться.

— Да, — кивнула Кларис. — Я сообщу вам.

— Обещаете?

— Да.

— Тогда почему бы нам не достроить арку? Возьмите ваше досье, Кларис, оно мне больше не понадобится.

Он протянул папку сквозь прутья металлической решётки. Кларис перегнулась через шлагбаум и взяла её. На какое-то мгновенье их пальцы соприкоснулись. Глаза Лектера вспыхнули миллиардами красных искр, но тут же снова погасли.

— Спасибо, Кларис.

— Спасибо *вам,* доктор Лектер.

Таким он и остался у неё в памяти — запечат-

левшимся в тот единственный миг, когда не насмехался и не играл, а был самим собой. Стоящим в своей клетке, чуть наклонившись в лёгком поклоне, прижав руки к груди и склонив набок голову. Словно артист, только что исполнивший свой фантастический танец и теперь скромно улыбающийся взорвавшейся аплодисментами публике.

Кларис выскочила на улицу, села в машину и на полной скорости помчалась в аэропорт, чтобы успеть на самолёт, на котором ей приказал улететь Крендлер.

Глава 36

Опытные охранники Пембри и Бойл были доставлены в Мемфис из государственной тюрьмы Браши-Маунтин специально для доктора Лектера. Эти спокойные, уверенные в себе, но достаточно осторожные парни, не нуждались в инструктажах доктора Чилтона.

Они прибыли в Мемфис раньше Лектера и несколько раз тщательно обследовали клетку. Когда доктора Лектера привезли в бывшее здание суда, они внимательно обследовали и его. Не снимая маски и всех остальных аксессуаров, врач-мужчина проверил все складки его тела. Охранники детально прощупали одежду и прошлись по швам металлоискателем.

Бойл и Пембри быстро нашли с ним общий язык и уже во время осмотра расставили все точки над «i».

— Мы вполне сможем поладить, доктор Лектер, — мягким и спокойным голосом сказал Бойл. — Мы будем относиться к вам точно так же, как вы будете относиться к нам. Будете паинькой — получите эскимо на палочке. Но учтите,

нянчиться с вами дружище, мы не собираемся. Попытаетесь укусить — останетесь без зубов. По-моему, вам тут неплохо всё приготовили, так неужели вы захотите сами лишить себя всего этого?

Доктор Лектер по-приятельски подмигнул. Говорить он не мог — мешал вставленный между зубов деревянный брусок. Врач, натянув на руку перчатку, и подсвечивая себе фонариком, пальцем исследовал его рот.

Поднесённый к щеке металлоискатель тихо запищал.

— Что это? — вскинул брови врач.

— Пломбы, — ответил Пембри. — Оттяните-ка ему губу. Что, в молодости пришлось слишком много грызть и жевать, да, док?

— Похоже, он довольно тихий, — сказал товарищу Бойл, когда Лектер был заперт в клетку. — Думаю, с ним не будет особых проблем, если только вдруг не сбесится.

Надёжная, прочная клетка, однако, не имела двигающегося подноса для подачи пищи. Во время ленча доктор Чилтон, раздражённый после прихода Кларис, вывел из себя всех, заставив Бойла и Пембри поставить покорного и уступчивого доктора Лектера спиной к прутьям решётки,

облачить его в смирительную рубашку и стянуть кожаными ремнями ноги, чтобы только после этого внести в клетку еду. Во время всей этой процедуры он не называл охранников по именам, хорошо видным на жетонах, а бросал неразборчивое: «Эй, вы там».

В свою очередь, услышав слова Лектера о том, что у Чилтона нет медицинского образования, Бойл заметил товарищу, что «доктор-то оказывается никакой не врач, а скорее всего, просто какой-то вонючий учителишка».

Пембри пытался объяснить Чилтону, что в появлении Старлинг виноваты не они, а охранники внизу, но его слова никак не повлияли на ненависть главного врача ко всем окружающим.

Во время ужина доктор Чилтон отсутствовал. Видя полное повиновение Лектера, Бойл и Пембри решили применить свой метод кормления, метод надёжный и проверенный.

— Доктор Лектер, сегодня вы сможете поужинать без смирительной рубашки, — объявил Пембри. — Я попрошу вас сесть на пол, прислониться спиной к решётке и высунуть руки так, чтобы между ними был прут решётки, а сверху — поперечная планка. Ладонями вниз, локти прямые. Вот так. — Пембри внатяжку закрепил

на запястьях доктора наручники. — Немного больно, да? Я знаю. Ничего, потерпите всего минутку, зато мы все избежим нежелательных последствий.

В таком положении доктор не мог не то что встать, а даже присесть. И уж тем более ударить.

Защёлкнув наручники, Пембри вернулся к столу, взял ключи, закрепил на поясе дубинку, положил в карман баллончик со слезоточивым газом и подошёл к двери клетки. Замок открылся, Бойл внёс поднос с ужином и вышел. Пембри запер дверь и прежде чем снять с Лектера наручники, положил ключи в письменный стол. Инструкция запрещала находиться возле клетки с ключами, когда заключённый не был связан и мог свободно передвигаться по камере.

— Ну что, так лучше? — спросил Пембри, сняв с Лектера наручники.

— Да, очень удобно, спасибо. Знаете, я всегда стараюсь доставлять как можно меньше хлопот.

— Мы тоже, приятель, — улыбнулся охранник.

Доктор Лектер принялся за еду, одновременно что-то рисуя в своём блокноте мягким фломастером. Потом наклонился к прикреплённому к ножке стола магнитофону и включил музыку. Глен Гоулд исполнял на фортепьяно вариации

Баха. Чудесные звуки рояля заполнили ярко освещённую клетку и всю комнату с сидящими в напряжении охранниками.

Доктор Лектер был совершенно спокоен, но время для него уже замедлилось и рассеялось, как для человека, совершающего какие-то быстрые действия. Только музыка, казалось, лилась сама по себе, не теряя естественного темпа. Сверкающие аккорды яркими брызгами искр взлетали к потолку и серебряным дождём легко просачивались сквозь стальную решётку. Доктор Лектер встал и с равнодушным видом посмотрел на упавшую с колен бумажную салфетку. Она долго парила в воздухе, задела за ножку стола, развернулась и, наконец, мягко опустилась на пол. Так и не подняв её, доктор Лектер не спеша прошёл за бумажный экран к унитазу — единственному уединённому месту в клетке. Музыка Баха чудесным бальзамом согревала сердце. Доктор Лектер сел на унитаз, опёрся рукой на раковину и, положив подбородок на ладонь, полуприкрыл свои странные бордовые глаза, наслаждаясь прелестными звуками рояля.

Вариации Баха интересовали его чисто структурно. Вот снова громко зазвучали басы, вот ещё раз повторилась сарабанда… Язык доктора

Лектера заскользил по зубам. Полный круг по нижней части, полный круг по верхней. Длинное, интересное путешествие для языка, не хуже, чем поход в Альпы. Теперь по дёснам. В глубокую пещеру между дёснами и щекой. Мягкие круговые движения. Десна оказались холоднее языка. В пещере тоже прохладно. Наконец, язык добрался до тонкой металлической трубки и остановился.

На фоне звуков музыки Лектер услышал, как закрылся и поехал наверх лифт. Спустя бесконечное множество аккордов, дверь лифта открылась и незнакомый голос сказал:

— Меня прислали за подносом.

Чьи-то лёгкие шаги. Пембри. Лектер посмотрел в щель между панелями экрана. Так и есть. Пембри. Подошёл к клетке и остановился перед решёткой.

— Доктор Лектер. Выходите и садитесь на пол, как в прошлый раз.

— Послушайте, Пембри, может разрешите мне сначала закончить здесь свои дела? Похоже, от этого переплёта у меня расстроился желудок. — Казалось он произносил эту фразу невероятно долго.

— Ладно. — Пембри двинулся к своему столу. — Мы позвоним, когда он поужинает.

— Слушай, а можно на него посмотреть?

— Мы позвоним.

Снова звук лифта, щелчок, хлопанье дверей — и ничего, кроме музыки.

Доктор Лектер осторожно вынул изо рта трубку и вытер её куском туалетной бумаги. Руки работали совершенно спокойно, ладони даже не вспотели.

За долгие годы заключения бесконечное любопытство доктора Лектера позволило ему изучить многие тюремные хитрости. После того, как он изуродовал медсестру в больнице Балтимора, охрана допустила всего два просчёта. И оба в выходные дни санитара Барни. В первый раз какой-то учёный-психиатр по незнанию дал ему шариковую ручку, а потом забыл её. Ещё до того, как учёный ушёл, Лектер незаметно разобрал её. Пластмассовый корпус полетел в унитаз, а металлический стержень оказался внутри толстого шва матраца.

Единственным острым предметом в его балтиморской камере был заусенец на шляпке шурупа, крепившего топчан к стенке. Но этого оказалось достаточно. За два месяца доктор Лектер сделал на стержне надпил и переломил его на две части. Длинный кусок снова был смыт в унитаз,

а короткий, длиной примерно два с половиной сантиметра, оставлен до лучших времён. Барни так и не заметил мозолей на пальцах доктора, оставшихся после двух месяцев напряжённого труда.

Примерно через полгода кто-то из санитаров забыл на переданной Лектеру почте большую скрепку. Два с половиной сантиметра этой проволоки легко помещались внутри обломка стержня. Короткую, аккуратную трубку можно было без труда спрятать в шве одежды, за щекой или в заднем проходе.

Сидя за бумажным экраном, Доктор Лектер постучал трубкой о ноготь, пока изнутри не выпала проволока. Теперь самое трудное. Засунув часть проволоки в стержень, и используя его как рычаг, Лектер осторожно согнул её под необходимыми углами. Через минуту он уже держал в руках готовый ключ от наручников.

Заложив руки за спину, он для тренировки раз пятнадцать перекинул ключ из ладони в ладонь. Затем сунул его обратно в рот, вымыл руки и насухо вытер их бумажной салфеткой. Музыка приятно ласкала слух. Зная, что надевая наручники, Пембри будет глазеть только на его шестипалую руку, доктор Лектер спрятал ключ

между пальцами правой.

— Я готов, мистер Пембри, — позвал он, садясь спиной к решётке и просовывая руки. — Спасибо, что подождали. — Снова ему показалось, что фраза звучала слишком долго.

После целой вечности ожидания, Пембри, наконец, подошёл к клетке. Потрогал руку, проверяя, не забыл ли Лектер намылить запястье. Потрогал другую руку, проверяя другое запястье. Надел наручники. Пошёл к столу за ключами от клетки. Доктор Лектер услышал, как они тихо звякнули, когда Пембри вытаскивал их из ящика. Шаги. Охранник двинулся назад сквозь обволакивающие звуки рояля. Ещё шаги. Бойл.

Пембри ещё раз проверил наручники. Доктор Лектер спиной чувствовал его дыхание. Пембри открыл замок и распахнул дверь. Бойл вошёл в клетку. Доктор Лектер чуть повернул голову. Все предметы вырисовывались необыкновенно ясно и отчётливо. Вот Бойл, с раздражённым видом складывающий на поднос грязную посуду. Магнитофон с вращающимися катушками кассеты. Салфетка, лежащая рядом с ножкой привинченного к полу стола. Краем глаза можно увидеть часть ноги стоящего у двери Пембри, конец висящей на поясе дубинки.

Доктор Лектер нащупал замок наручников на левой руке. Вставил ключ. Повернул. Запястью сразу стало легче. Он переложил ключ в левую руку. Вставил. Повернул.

Бойл наклонился, чтобы поднять салфетку. В одно мгновенье на его руке защёлкнулся браслет наручника. Пока охранник поднимал голову, второй браслет обвился вокруг ножки прикреплённого к полу стола. Ещё секунда — и Лектер уже у двери. Здесь Пембри, растерянно пытающийся достать баллончик с газом. Удар дверью — Пембри пошатнулся и отступил назад. Не давая ему опомниться, Лектер схватил за конец дубинки, с силой рванул охранника на себя и, ударив ребром ладони по горлу, впился зубами в лицо. Пембри попытался вырваться, но острые зубы уже разодрали нос и верхнюю губу. Подобно убивающему крысу псу, Лектер мотнул головой и сорвал с пояса Пембри дубинку.

Сидя на полу, Бойл отчаянно рылся в кармане в поисках ключа от наручников. Нашёл, выронил, поднял…

Лектер вонзил конец дубинки в живот Пембри, ещё раз ударил по горлу — и окровавленный охранник рухнул на колени.

Бойл дрожащими руками вставлял ключ в за-

мок наручников. Лектер подпрыгнул вплотную и направил ему в лицо струю слезоточивого газа. Охранник взвыл, поднял руки, но тут же получил удар дубинкой по запястьям. Попытался спрятаться под стол, но ослеплённый, пополз в другую сторону. Нескольких ударов дубинкой по голове оказалось достаточно, чтобы прикончить его.

Пембри удалось сесть. Лектер подошёл ближе. Закрыв руками изуродованное лицо, охранник орал от боли.

— Вот теперь я и в самом деле готов, мистер Пембри, — улыбнулся Лектер, глядя на него сверху вниз.

Дубинка, описав дугу, опустилась на затылок охранника, и тот вытянулся на полу, подобно дохлой рыбе.

Во время этого жуткого сражения пульс доктора Лектера поднялся до сотни ударов в минуту, но тут же быстро восстановился до нормального уровня. Лектер выключил музыку и прислушался. Тихо. Он вышел на лестницу и снова прислушался. Потом вернулся в зал, вывернул карманы Пембри, достал ключи и открыл все ящики стола. На дне одного из них лежало оружие обоих полицейских — специальные револьверы тридцать восьмого калибра. Но самое главное, в кармане

Бойла он обнаружил острый перочинный нож.

Глава 37

Как и утром, в вестибюле бывшего здания суда находилось много полицейских. Было 18.30 и полицейские оцепления только что сменились после двухчасового дежурства. После сырой холодной улицы все тянули руки к электрообогревателям. Некоторые ещё до начала патрулирования сделали ставки на проходящем в Мемфисе крупном баскетбольном матче и сейчас спешили проверить, как развиваются события.

Сержант Тейт запретил включать в вестибюле радио, но у одного из полицейских был транзистор с наушниками, и он то и дело сообщал окружившим его товарищам изменение счёта.

Всего в вестибюле здания собралось пятнадцать полицейских и два охранника из Управления исправительных учреждений, которые ровно в 19.00 должны были сменить Пембри и Бойла. Сержант Тейт тоже с нетерпением ждал окончания своего дежурства.

На всех постах было спокойно. Ни один из звонивших с угрозами в адрес Лектера не появлялся.

В 18.45 Тейт услышал, как лифт пошёл вверх. Бронзовая стрелка над дверью поползла по кругу и остановилась на отметке «5».

Тейт оглянулся и окинул взглядом полицейских.

— Суини поехал за посудой?

— Нет, я здесь, сержант. Может, позвонить и узнать, как они там? Пора бы уже.

Сержант Тейт набрал номер.

— Занято, — пожал он плечами. — Поднимитесь и узнайте, в чём дело.

Суини нажал на кнопку. Но кабина осталась на месте.

— Сукин сын, заказал себе на ужин отбивную из ягнёнка, — зло проворчал Суини. — Что он, интересно, потребует на завтрак? Какую-нибудь зверюгу из зоопарка? И кто будет ему её отлавливать? Опять Суини?

Бронзовая стрелка над дверью лифта по-прежнему стояла на отметке «5».

Суини подождал ещё минуту.

— Что ещё за хреновина! — выругался он, наконец, непонимающе пожав плечами.

Внезапно откуда-то сверху раздались звуки выстрелов, эхом прокатившись по каменным лестницам старинного здания. Два подряд и через

несколько секунд ещё один, третий.

Сержант Тейт вскочил с кресла и поднёс к губам микрофон переговорного устройства.

— КП, слышу выстрелы в башне. Постам оцепления усилить контроль. Мы идём наверх.

Крики, суета в вестибюле.

Бронзовая стрелка лифта пришла в движение и переползла на отметку «4».

— Внимание! — заорал Тейт, стараясь перекричать шум. — Удвоить посты оцепления. Первое отделение за мной. Берри и Говард, прикройте этот паршивый лифт, если он опустится…

Стрелка переползла на отметку «3».

— Первое отделение, вперёд. Проверяем все двери. Бобби, захвати бронежилеты и догоняй.

Тейт взлетел по первому пролёту, лихорадочно обдумывая ситуацию. Осторожность отчаянно боролась с необходимостью немедленно идти на подмогу сражающимся наверху охранникам. *Боже, не дай ему уйти. Проклятье, никто не успел надеть бронежилеты. Чёртовы умники из исправучреждений.*

Все двери на втором, третьем и четвёртом этажах должны быть заперты. Только с этих этажей можно проникнуть из башни в главное здание. С пятого этого сделать невозможно.

В своё время Тейт на «отлично» закончил спецшколу штата Теннесси и прекрасно знал своё дело. Он бежал первым, ведя за собой молодых и менее опытных полицейских. Быстро и осторожно, попеременно прикрывая друг друга, они проходили площадку за площадкой.

— Кто повернётся спиной к непроверенной двери, задницу разорву.

Все двери на площадке второго этажа оказались запертыми.

Теперь на третий. Свет выключен. На стене — пятно света из открытой кабины лифта. Тейт осторожно двинулся вдоль противоположной стены, добрался до кабины и выставил вперёд взведённый пистолет. Пусто.

— Бойл! Пембри! — заорал Тейт, подняв голову. — Проклятье.

Оставив двоих на площадке, он вместе с остальными двинулся дальше.

Четвёртый этаж заполняла льющаяся сверху фортепианная музыка. Дверь в коридор открылась с первого удара. Луч фонарика выхватил из темноты распахнувшуюся дверь, ведущую в главный корпус.

— Бойл! Пембри! Двое остаются на площадке. Следите за дверью. Жилеты сейчас принесут. И не

вздумайте высовывать свои задницы в дверной проём.

Под звуки музыки Тейт взбежал на пятый этаж. В коридоре полумрак. Яркий свет сквозь стеклянную дверь с надписью: «ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ОКРУГА ШЕЛБИ».

Согнувшись, чтобы не заметили сквозь стекло, Тейт перешёл на дальнюю сторону двери, кивнул вставшему по другую сторону Джекобсу и, тихо повернув ручку, влетел внутрь. Ствол пистолета за одну секунду обследовал все углы.

За годы службы Тейт повидал многое. Он видел жестокое, беспощадное сведение счётов, видел зверские драки и кровавые убийства. На его памяти было шесть убитых полицейских. Но то, что лежало сейчас перед ним на полу, оказалось самым страшным и невообразимым. Куски мяса над воротником форменной рубашки едва ли можно было назвать человеческим лицом. Лоб и подбородок являли собой сгустки кровавого месива, единственный глаз сполз к ноздрям, все углубления заполняла кровь.

Джэкобс прошёл мимо Тейта и, поскользнувшись в луже крови, приблизился к клетке. Бойл всё ещё был прикован к ножке стола. Джэкобс наклонился. Вспоротый живот, разорванное на

части лицо, кровь, залившая пол и забрызгавшая кровать. Джэкобс приложил к его шее палец.

— Этот мёртв, — прокричал он, пытаясь перекрыть звуки музыки. — Вы слышите, сержант?

Тейт мотнул головой, сбрасывая сковавшее вдруг оцепенение, и, устыдившись собственной слабости, схватил микрофон переговорного устройства.

— КП, оба охранника выведены из строя. Повторяю, оба охранника выведены из строя. Заключённый исчез. Лектер исчез. Внешней охране следить за окнами. Объект забрал с собой простыни. Возможно, сделает верёвку. Подтвердите вызов «скорой».

— Как там Пембри, сержант? Мёртв? — спросил Джекобс, выключив магнитофон.

Тейт опустился на колени и приложил палец к шее охранника. Жуткое месиво на полу застонало и выпустило кровавые пузыри.

— Пембри жив. — Тейту не хотелось прикладываться губами к этой кровавой каше, но он знал, что сможет пересилить себя, если придётся делать Пембри искусственное дыхание, как знал и то, что не сможет заставить сделать это ни одного из своих подчинённых. Лучше бы Пембри был мёртв. Но если надо, он поможет ему.

Тейт приложил руку к окровавленной груди охранника. Сердце билось. Дыхание тоже не останавливалось, хотя и было хриплым и прерывистым. Но главное, этот полутруп мог дышать самостоятельно!

Загудело переговорное устройство. Молодой лейтенант, взявший на себя руководство операцией, требовал полную информацию. Тейт взял микрофон:

— А вы поднимайтесь сюда, Мюррей, — раздражённо проговорил он. — Снесите вниз Пембри. Может, он и сам расскажет вам, когда почувствует вашу материнскую руку. Спросите у него.

— Как фамилия охранника, сержант? — зло спросил Мюррей.

— Пембри. Можете побеседовать с ним, чёрт бы вас побрал. Двое охранников выведены из строя. Бойл мёртв, Пембри тяжело ранен. Лектер исчез. Он вооружён — прихватил с собой их пистолеты. Ремни и кобуру оставил на столе.

— Подтвердите, что лестница чиста для санитаров. Голос лейтенанта едва пробивался сквозь толстые стены.

— Всё в порядке, сэр. Я расставил посты на всех этажах. Сообщите, когда они приедут.

— Понял, сержант. Внешний пост восемь до-

ложил, что видел какое-то движение в окнах четвёртого этажа главного здания. Мы перекрыли все выходы, но он не появлялся. Продолжайте держать под наблюдением лестницу. На подходе спецгруппа захвата. Мы собираемся пустить в дело группу захвата. Как поняли? Приём.

— Всё понятно. Вы запускаете группу захвата.

— Что он забрал?

— Два пистолета и нож… Джэкобс, проверь, запасные обоймы на месте?

— У Бойла на месте… Да, и у Пембри тоже.

— Лейтенант, похоже, у него всего по шесть патронов в каждом пистолете. Мы слышали три выстрела. Значит, осталось девять. Передайте спецгруппе.

— «Скорая» прибыла, Тейт. Санитары с носилками пошли наверх.

«Скорая помощь» приехала удивительно быстро, хотя Тейту, слушающему стоны распластанного на полу охранника, эти минуты ожидания показались вечностью. Молодой лейтенант Мюррей попытался приподнять хрипящее тело и хоть как-то приободрить раненого. Стараясь не смотреть на окровавленное месиво, он снова и снова повторял болезненным тоном:

— Всё в порядке, с вами всё в порядке, ничего

страшного.

Едва на площадке появились люди в белых халатах, Тейт закричал, как когда-то на войне:

— Санитар!

Решительным жестом отодвинув Мюррея, он отошёл в сторону, давая возможность врачам заняться своим делом. Те действовали быстро и умело. Переложив раненого на носилки и засунув его окровавленные кулаки под ремни, они в считанные секунды подключили кислород и подложили под спину жёсткий валик, чтобы обеспечить приток крови к голове и изуродованному лицу. Один из них уже вскрыл ампулу с плазмой, но другой, посчитав пульс и измерив давление, покачал головой и коротко бросил:

— Быстрее вниз.

Снова заработало переговорное устройство.

— Тейт, выводите своих людей из башни и запирайте двери. Попутно снимайте все посты с лестничных клеток. Я посылаю наверх спецгруппу. Попытаемся взять его живьём, но если начнёт сопротивляться, будем не особо стараться сохранить ему жизнь. Как поняли?

— Понял, лейтенант.

— Я хочу, чтобы в главном здании работала только спецгруппа. Подтвердите приём.

Тейт повторил приказ.

Он был опытным сержантом и сейчас ещё раз доказал это, быстро надев бронежилет и помогая санитарам спускать по лестнице носилки с раненым. Вторая группа несла Бойла. При виде окровавленных тел своих коллег, полицейские на площадках приходили в ярость и Тейту приходилось успокаивать их:

— Держите себя в руках, парни, — говорил он. — Сейчас не время давать волю нервам.

Когда звук сирены стих, Тейт вместе с Джекобсом снял с лестничных клеток посты и опечатал все двери в башне.

На четвёртом этаже слегка тянуло сквозняком. Где-то в тёмных пустых кабинетах главного здания звонили телефоны, заполняя коридоры громкими переливами.

Кто-то пустил слух, что доктор Лектер «забаррикадировался где-то в главном здании», и теперь радио- и телерепортёры, включив магнитофоны, названивали по всем номерам в надежде взять интервью у «чудовища». Обычно, во избежание этого, спецгруппа отключала все телефоны, оставляя лишь один номер для переговоров с преступником. Но в этом случае, не зная, в каком из многочисленных кабинетов огромного здания

скрывается маньяк, командование решило воздержаться от такого шага.

Тейт захлопнул дверь в коридор. Спина стала влажной от пота. Он поднёс к губам микрофон переговорного устройства.

— КП, это Тейт. Башня пуста.

— Понял, Тейт. Капитан ждёт вас на КП.

— Я десять-четыре. Вызываю охрану вестибюля.

— Слушаю, сержант.

— Я в лифте, спускаюсь.

— Понятно, сержант.

Джэкобс и Тейт ехали вниз, когда на плечо и ботинок Тейта капнула кровь. Сержант поднял голову и сделал знак Джэкобсу. Они замолчали.

Кровь капала из щели люка на крыше кабины. Спуск в вестибюль показался обоим бесконечным. Направив пистолеты в потолок, Тейт и Джэкобс прижались к стенам кабины.

Наконец, дверь открылась и они вышли в вестибюль.

— Тихо, — шепнул Тейт. — Берри, Говард он на крыше лифта. Держите люк под прицелом. Я сейчас.

Он вышел на крыльцо. Чёрный фургон спецгруппы стоял на автостоянке. У этих ребят всегда

имелся набор ключей от лифтов.

Спецгруппа действовала быстро и слаженно. Двое парней в чёрных пуленепробиваемых жилетах и чёрных шлемофонах поднялись по лестнице на площадку третьего этажа. Двое других вместе с Тейтом остались внизу, направив свои скорострельные винтовки в крышу кабины лифта.

Как битва огромных чёрных муравьёв, подумал Тейт.

Командир спецгруппы давал короткие распоряжения по рации.

На третьем этаже, намного выше кабины, замкомандира Джонни Петерсон с помощью специального ключа открыл дверь лифта. Шахта была темна. Он перевернулся на спину, достал из сумки оглушающую гранату и положил рядом.

— О'кей, теперь глянем вниз.

Он направил в шахту небольшое зеркало на длинной ручке. Напарник включил мощный фонарь.

— Я вижу его. Он на крыше лифта. Рядом оружие. Он не двигается.

— Видите его руки? — прозвучал в наушниках голос командира.

— Только одну, вторая под животом. Вокруг

него валяются простыни.

— Поговорите с ним.

— Руки за голову и замри! — крикнул Петерсон в шахту. — Лейтенант, он не двигается… Хорошо.

— Руки за голову, или я бросаю оглушающую гранату. Даю три секунды. — Петерсон вытащил из сумки ограничитель открывания двери. — О'кей, парни, смотрите вниз — я бросаю гранату. — Он бросил в шахту металлический ограничитель. Тот глухо стукнулся о неподвижное тело. — Он не шевелится, лейтенант.

— Ладно, Джонни. Попробуем, не заходя в кабину, открыть люк длинным шестом. Сможете держать его под прицелом?

Петерсон перевернулся и направил ствол автоматической винтовки сорок пятого калибра прямо на распростёртое внизу тело.

— Держу его, лейтенант.

Глядя в шахту, Петерсон увидел, как в потолке кабины показался луч света. Часть тела лежала прямо на крышке люка, и когда полицейские приподняли её с помощью специального лодочного крюка — тоже входящего в оборудование спецгруппы — одна рука чуть шевельнулась.

Петерсон крепче сжал винтовку.

— Лейтенант, у него дёрнулась рука, но по-мое-

му, это от приоткрывшегося люка.

— Понял. Следи внимательно.

Люк открылся настежь. В глаза Петерсону ударил яркий свет.

— Он не шевельнулся, лейтенант. Пистолет всё так же рядом, далеко от руки.

— О'кей, Джонни, приготовься. Мы входим в кабину, внимательно следи за любым его движением. Смотри по зеркалу, сам не высовывайся. Мы можем открыть огонь.

— Понял.

Стоя в вестибюле, Тейт наблюдал, как они осторожно вошли в лифт. Один всё время держал люк под прицелом, направляя в потолок скорострельную винтовку. Второй тихо поднялся по стремянке и просунул в люк большой автоматический пистолет с прикреплённым к стволу фонарём. Никакого движения на крыше. Голова и плечи полицейского исчезли в люке. Через секунду он передал вниз пистолет тридцать восьмого калибра и сообщил:

— Мёртв.

Интересно, подумал Тейт, означает ли смерть доктора Лектера гибель Кэтрин Мартин? Не унёс ли он с собой всю бесценную информацию?

Тело вытащили из люка и положили на пол

кабины. Вестибюль заполнился полицейскими, желающими посмотреть на мёртвого монстра.

Охранник из Управления исправительных учреждений пробился вперёд глянул на раскинутые в стороны руки с татуировкой и тихо проговорил:

— Это Пембри.

Глава 38

Внутри мчащейся машины «скорой помощи» молодой врач, стараясь удержать равновесие на поворотах, потянулся к рации, чтобы доложить в клинику о состоянии раненого.

— Он без сознания, — громко прокричал он сквозь вой сирены, — но все жизненно важные органы в порядке. Давление почти в норме. Сто тридцать на девяносто. Да, на девяносто. Пульс восемьдесят пять. Обилие ран на лице. Рваные лоскуты кожи. Я обеспечил приток крови к лицу и дал кислород. Возможно, в голове есть ещё и огнестрельная рана, но сейчас сказать трудно.

Позади него на носилках зашевелились стянутые крепёжным поясом окровавленные руки. Правая выскользнула из-под ремня и отстегнула пряжку.

— Я побоялся что-то делать с лицом, — продолжал кричать врач. — Когда его клали на носилки, я заметил несколько конвульсивных движений. Да, конечно, он в положении Фаулера.

За его спиной окровавленная рука умирающего взяла кусок бинта и протёрла глаза.

Врач услышал, как сзади громко зашипел кислородный аппарат, обернулся — и вдруг увидел прямо перед собой изуродованное, окровавленное лицо. В следующую секунду окровавленная рука с силой ударила его по голове рукояткой пистолета.

«Скорая» замедлила ход и остановилась посреди шестиполосной трассы. Водители других машин, притормаживая и сигналя, с недоумением объезжали ревущий сиреной автомобиль. Два хлопка, похожих на выхлопы глушителя — и «скорая» двинулась снова, резко маневрируя, чтобы занять правый ряд.

Вдали показался въезд в аэропорт. «Скорая помощь» замедлила скорость. Включились и выключились фары, поворотные огни, заработали и остановились «дворники». Наконец, погасла мигалка и смолкла сирена. Машина ещё больше сбросила скорость, подъехала к ярко освещённому зданию международного аэропорта Мемфиса и притормозила у автоматических ворот подземного гаража. Окровавленная рука высунулась из окна и бросила в щель монету. Ворота открылись. «Скорая помощь» въехала в тоннель и исчезла в подземном гараже.

Глава 39

Кларис Старлинг всегда было довольно любопытно увидеть дом Кроуфорда, но когда по пути в Арлингтон автомобильное радио передало сообщение о побеге доктора Лектера, всё её любопытство мгновенно улетучилось.

С онемевшими губами и прыгающим сердцем она подъехала к аккуратному коттеджу стиля пятидесятых годов, не обратив ни малейшего внимания на архитектуру и лишь мрачно отметив про себя, что освещённые зашторенные окна в левом крыле, должно быть, как раз та комната, где лежит Белла. Звук звонка показался ей слишком громким и пронзительным.

Кроуфорд открыл дверь лишь через минуту. Он был одет в просторную кофту на пуговицах и сжимал в руке трубку радиотелефона.

— Это Копли из Мемфиса, — пояснил он и жестом пригласив девушку следовать за ним, прошёл в дом, на ходу разговаривая по телефону.

Стоящая в кухне медсестра открыла холодильник, и вынув крошечный пузырёк с каким-то лекарством, поднесла его к свету, чтобы прочесть

название. Кроуфорд вопросительно поднял глаза. Медсестра покачала головой, показывая, что его помощь пока не требуется.

Кроуфорд проводил Кларис в огромный кабинет, расположенный на три ступеньки ниже первого этажа. Диван, несколько глубоких кресел, на большом письменном столе мигает подключённый к телефону компьютер. Рядом — старинная астролябия. Ковёр на полу холоден, словно лежит на бетоне. Кроуфорд жестом пригласил Кларис сесть и прикрыл трубку ладонью.

— Старлинг, я, конечно, понимаю, что этого не может быть, но всё же скажите, вы ничего не передавали Лектеру в Мемфисе?

— Нет.

— Абсолютно ничего?

— Абсолютно.

— Вы приносили ему его бумаги и рисунки из его бывшей камеры.

— Да, но не отдала. Они до сих пор у меня в сумке. А он только вернул мне досье. Это было всё, что перешло из рук в руки.

Кроуфорд прижал трубку щекой к плечу:

— Копли, всё это полнейшая чушь. Нужно поставить этого кретина на место. И немедленно. Чтобы не выставлять на посмешище ни себя, ни

отделение расследований Теннесси. Потом будем думать, что делать дальше. Привлеките Барроуза и действуйте. Да.

Он выключил телефон и сунул трубку в карман.

— Хотите кофе, Старлинг? Может, кока-колы?

— Что там насчёт передачи Лектеру каких-то предметов?

— Чилтон заявляет, что вы передали ему что-то, чем он открыл наручники. Слава Богу, хоть говорит, что вы сделали это не умышленно, а по небрежности. — Кроуфорд, прищурившись, искоса смотрел на Кларис, наблюдая, как она отнесётся к его словам. — Он что, пытался приударять за вами? В этом всё дело?

— Может быть. Если можно, мне пожалуйста чёрный с сахаром.

Кроуфорд вышел на кухню. Кларис глубоко вздохнула и огляделась. Когда живёшь в казарме или общежитии, всегда приятно оказаться в нормальном человеческом доме. На этот раз домашний уют помог быстро собраться с мыслями.

Кроуфорд, осторожно спустившись по ступенькам, принёс две полные чашки кофе. Кларис заметила, что в домашних тапочках он сразу стал на пару сантиметров ниже. Когда она вста-

ла и подошла к нему, чтобы взять свою чашку, их глаза оказались почти на одном уровне. От Кроуфорда пахло мылом, седые волосы немного растрепались.

— Копли сказал, что машину «скорой помощи» до сих пор не нашли. Полиция уже перевернула вверх дном всю округу.

— Я не знаю никаких подробностей, — покачала головой Кларис. — По радио передали только короткое сообщение: доктор Лектер убил двух полицейских и скрылся.

— Двух охранников из Управления исправительных учреждений, — поправил Кроуфорд, правя медленно ползущий по экрану монитора текст. — Их звали Бойл и Пембри. Вы видели их?

— Да, — кивнула Кларис. — Они… вывели меня из комнаты, где сидел Лектер. По-моему, они знали своё дело.

Пембри, стоящий за спиной Чилтона. Грозный, решительный, но в то же время вежливый и обходительный. «Я провожу вас к выходу. Пойдёмте со мной». Эти веснушки на руках и лице. А теперь он мёртв. Кожа под веснушками стала иссиня-жёлтой.

У Кларис вдруг закружилась голова. Она поставила кофе на столик, глубоко вздохнула и

запрокинула голову.

— Как он это сделал?

— Копли сказал, что он удрал на машине «скорой помощи». Но об этом позже. Как ваши дела с тем листком из-под наркотика?

По распоряжению Крендлера Кларис полдня исследовала листок с рисунками забавного пса Плуто.

— Ничего. Никаких следов. Но этой бумажке уже по меньшей мере лет десять. Отдел документов сейчас изучает отпечатанные на листке рисунки Плуто. Возможно, они смогут сказать больше, чем химики.

— А вы уверены, что там *был* наркотик?

— Да. Но всё же, как он это сделал, мистер Кроуфорд?

— Очень хотите узнать?

Кларис кивнула.

— Хорошо, я расскажу. Они по ошибке положили в «скорую» Лектера, приняв его за изуродованного Пембри.

— Он что, надел его форму? Да, вообще-то они были примерно одинаковой комплекции.

— Он надел форму Пембри, а заодно нацепил ещё и часть его лица. Немного взял и от Бойла. А тело Пембри завернул в непромокаемый чехол от

матраца, обмотал простынями из своей камеры, чтобы не текла кровь, и бросил на крышу кабины лифта. Потом натянул форму, налепил на лицо куски кожи, лёг на пол и несколько раз выстрелил в потолок, чтобы поднять суматоху. Куда девался пистолет, неизвестно. Скорее всего, он сунул его себе в брюки где-нибудь сзади. Приезжает «скорая», повсюду бегают толпы полицейских. Врачи поднялись наверх и сделали всё, что положено — подключили кислород, измерили пульс и давление, подложили под спину валик и поспешили побыстрее увезти раненого из опасного места. В общем, сработали, как обычно. Только до больницы так и не доехали. Полиция до сих пор ищет машину. Я не очень-то надеюсь, что эти врачи ещё живы. Копли сообщил, что они прослушали все записи в диспетчерской. Оказалось, «скорую» вызывали дважды. Наверное, первый раз позвонил сам Лектер, чтобы долго не залёживаться. Наш дорогой доктор всегда отличался остроумием.

Никогда раньше Кларис не слышала в голосе Кроуфорда такой горечи. Она всегда связывала горечь со слабостью, поэтому новые нотки испугали её.

— Но этот побег ещё не значит, что доктор Лек-

тер всё время лгал нам, — сказала она. — Кому-то, конечно, он наврал — нам или сенатору Мартин — а может и в том, и в другом случае говорил правду. Сенатору Мартин он назвал имя Билли Рубина и заявил, что это всё, что ему известно. А мне рассказал, что это был некто, считающий себя транссексуалом. Последние его слова были: «Почему бы нам не достроить арку?» То есть он советовал продолжать разрабатывать версию об изменении пола, чтобы…

— Знаю, я читал ваш отчёт. Но пока мы не получим имена из клиники, это ничего не даёт. Алан Бум сейчас лично беседует с главврачами каждой больницы. Все заверяют, что ищут. Нам ничего не остаётся, как только верить им и ждать.

— Мистер Кроуфорд, у вас большие неприятности?

— Мне «рекомендовали» подать в отставку по семейным обстоятельствам. Министерство юстиции, то есть Крендлер, выдвигает на руководство отделом и всеми подразделениями свою тактическую группу.

— И кто во главе?

— Нынешний замдиректора ФБР Джон Голби. У меня с ним неплохие отношения. Джон неплохой человек. А какие неприятности у вас?

— Крендлер распорядился, чтобы я сдала удостоверение и оружие и возвращалась в Академию.

— Это было ещё до того, как вы встречались с Лектером. А днём он направил запрос в отдел профпригодности, чтобы те «без предвзятости» пересмотрели ваше соответствие требованиям, предъявляемым к работникам Бюро. Короче, отомстил.

— И насколько всё это серьёзно?

— Вы же учитесь. Я поручусь за вашу пригодность, и этого будет достаточно. Но если вы пропустите ещё несколько дней занятий, вас просто-напросто отчислят. Знаете, что происходит, когда вас отчисляют?

— Конечно, вы возвращаетесь в региональный центр, в котором вас принимали на учёбу, и занимаетесь какой-нибудь нудной работой, пока не появится свободное место в другой группе, более позднего набора.

— Конечно, я пробью вам место, но не смогу заставить их не отчислять вас, если вы и дальше будете пропускать занятия.

— Значит, мне нужно отказаться от этого дела и возвращаться к учёбе или…

— Всё правильно.

— Что вы посоветуете?

— Я поручил вам доктора Лектера. Вы справились с заданием. Я не могу просить, чтобы вы отбросили в сторону учёбу и потеряли ещё по меньшей мере полгода. А то и больше.

— Но как же с Кэтрин Мартин?

— Она находится у него вот уже почти двое суток. Если мы не поймаем его, то, скорее всего, он покончит с ней завтра, если будет действовать, как в прошлый раз.

— Но у нас ведь был не только Лектер.

— Обнаружено уже шесть Уильямов Рубинов, все как-то подходят. Но все не до конца. Ни одного Билли Рубина среди подписчиков на научные энтомологические журналы. За последние десять лет среди изготовителей ножей было зарегистрировано пять случаев слоновьей язвы. Кое-что ещё проверяется. Что ещё? Клауса пока не идентифицировали. Интерпол сообщил только об одном случае побега с торгового судна. Какой-то Клаус Бьетланд удрал с норвежского парохода в Марселе. Сейчас норвежцы поднимают все его медицинские карты, ищут дентальные снимки. Если получим ещё какие-то списки из клиник и у вас будет свободное ремя, можете помочь разобраться. Кларис!

— Да, мистер Кроуфорд.

— Возвращайтесь в Академию.

— Если вы не хотите, чтобы я продолжала заниматься этим делом, не нужно было везти меня в это похоронное бюро.

— Да, — вздохнул Кроуфорд. — Наверное, вы правы. Но тогда у нас бы не было куколки и бабочки. Оружие не сдавайте. Куонтико, конечно, достаточно безопасное место, но пока Лектер не будет пойман или убит, вы должны быть вооружены всегда, когда будете выходить за пределы базы.

— А вы? Он же ненавидит вас. Во всяком случае, я так поняла из его слов.

— Меня многие ненавидят, Старлинг. Во многих тюрьмах по всей стране. Возможно, когда-нибудь Лектер и появится, но сейчас он слишком занят. Свобода для него слишком дорога, и он не станет так скоро рисковать ею. К тому же этот дом намного надёжнее, чем кажется с первого взгляда.

В кармане Кроуфорда ожила телефонная трубка. Замигал стоящий на столе аппарат… Он выслушал кого-то, бросил «о'кей» и отключился.

— Машина «скорой помощи» обнаружена в подземном гараже аэропорта Мемфиса, — сообщил он Кларис. — Ничего хорошего. Бригаду нашли в фургоне. Все мертвы.

Кроуфорд снял очки и протёр стёкла носовым платком.

— Старлинг, только что Барроузу звонили из музея «Смитсониан». Вас разыскивал ваш знакомый Пилчер. Они уже почти закончили с бабочкой. Я хочу, чтобы вы написали по ней форму 302 и вогнали в компьютер. Вы нашли это насекомое, работали с ним, и мне хочется, чтобы это подтверждалось документально. Хорошо?

— Конечно, — кивнула Кларис, чувствуя такую усталость, какую не ощущала ещё ни разу в жизни.

— Оставьте свою машину в гараже. Когда закончите, Джефф отвезёт вас в Куонтико.

Выйдя на крыльцо, Кларис ещё раз взглянула на освещённые окна в левом крыле, за которыми несла свою вахту медсестра, и посмотрела в глаза Кроуфорду.

— Я думаю о нас обоих, мистер Кроуфорд.

— Спасибо, Старлинг, — медленно проговорил он.

Глава 40

— Мисс Старлинг, доктор Пилчер сказал, что будет ждать вас в отделе экспозиции насекомых, — встретил Кларис охранник. — Я провожу вас.

Чтобы попасть в отдел экспозиции насекомых со стороны Конститьюшн-авеню, нужно подняться на лифте на один уровень выше чучела огромного слона и пройти через весь этаж, посвящённый изучению человека.

От самой двери тянулись ровные ряды полок, заполненных черепами, сохранившимися ещё со времён Христа.

Следуя за охранником, Кларис окунулась в удивительный мир фигур, наглядно демонстрирующий происхождение человека и все расы и народности, обитающие на Земле. Вскоре фигуры сменились демонстрацией самых разнообразных ритуалов, начиная от татуировок и заканчивая мумификацией и перуанской хирургией.

— Видели когда-нибудь Вильгельма фон Элленбогена? — спросил охранник, направив луч фонарика на огромный контейнер.

— Боюсь, что нет, — бросила Кларис, не замедляя шага.

— Обязательно когда-нибудь придите и взгляните на него при полном освещении. Прекрасно сохранился.

Огромный зал, в котором размещался отдел экспозиции насекомых, был погружён в полумрак. Бессчётное количество живых насекомых в стеклянных коробках и специальных клетках наполняли комнату жужжанием, стрекотанием и писком. Весь день напролёт зал был битком забит детьми, приходящими поглазеть на невиданные существа. Ночью же, предоставленные сами себе, насекомые занимались своими делами. Некоторые клетки были тускло освещены красными фонарями.

— Доктор Пилчер! — позвал охранник.

— Я здесь, — отозвался молодой учёный, помахав в воздухе ручкой-фонариком.

— Вы сами проводите даму к выходу?

— Да, спасибо.

Кларис вынула из сумки собственный фонарик. Выключатель оказался включённым, батарейки — севшими. Охватившее вдруг раздражение напомнило ей о том, что она устала, но должна держать себя в руках.

— Здравствуйте, агент Старлинг.

— Здравствуйте, доктор Пилчер.

— Может, лучше будете называть меня «профессор»?

— А вы уже профессор?

— Нет, но ещё и не доктор. Рад видеть вас. Хотите посмотреть насекомых?

— Конечно. А где доктор Роден?

— Последние две ночи работал, как проклятый и наконец, сломался. Вы видели эту куколку перед тем, как мы начали с ней работать?

— Нет.

— От спирта она превратилась в сплошную труху.

— Но вы всё же смогли разобраться.

— Хм, конечно. Правда, вот только сейчас закончили. — Он шагнул к одной из клеток. — Но сначала разрешите показать вам бабочку, похожую на ту, которую вы приносили в понедельник. Не точно такая же, но из того же семейства. — Он направил луч фонарика на большую синюю бабочку, сидящую со сложенными крыльями на ветке какого-то растения. Пилчер подул на неё, бабочка расправила крылья — и Кларис вдруг увидела на них свирепое лицо совы с горящими глазами. — Эта называется Caligo beltrao. Доволь-

но распространённая. Но ту, что нашли у Клауса, опознать оказалось намного сложнее. Пойдёмте.

В дальнем конце зала в нише, огороженной лёгкой рейкой, стояла большая клетка, спрятанная от глаз любопытных детей и накрытая тканью. Рядом жужжал небольшой увлажнитель воздуха.

— Приходится держать её за стеклом, чтобы не совали в клетку пальцы. Она кусается. К тому же, она любит темноту и сырость.

Пилчер осторожно приподнял клетку за ручки и передвинул к краю ниши. Потом снял чехол и включил тусклую лампочку.

— Это ночная бабочка «Мёртвая голова», — объявил он. — А растение, на котором она сидит, называется паслён. Очень надеемся, что она отложит яйца.

Огромная бабочка вызывала одновременно и восхищение и страх. Большие чёрно-коричневые крылья, похожие на накинутую на плечи мантию, широкая мохнатая спинка, а на ней — грозная метка, способная вселить ужас в любого, кто случайно наткнётся на неё, ковыряясь в своём саду: куполообразный человеческий череп, немного похожий на иссушенное лицо, смотрящее на мир пустыми провалами тёмных

глазниц.

— Acherontia stux, — сообщил Пилчер. — По названию двух рек в преисподней. По-моему, я где-то читал, что ваш маньяк бросает тела жертв в реки, да?

— Да, — кивнула Кларис. — Наверное, она довольно редкая.

— В этой части света — да.

— А откуда она? — спросила Кларис, наклонившись к решётчатой крышке клетки. От её дыхания пушок на спине бабочки слегка зашевелился. Насекомое пронзительно пискнуло и свирепо хлопнуло крыльями, заставив девушку отпрянуть.

— Из Малайзии. Есть ещё и европейский тип, называется atropos, но та, которую нашли во рту у Клауса, из Малайзии.

— Значит, кто-то вырастил её искусственно.

— Наверняка, — кивнул Пилчер. — Но вначале привезли из Малайзии в виде яйца или, что более вероятно, кокона. До сих пор не известно ни одного случая, чтобы она откладывала яйца в неволе. Они спариваются, но яиц всё равно нет. Самое трудное — это найти в джунглях гусеницу. А уж потом вырастить несложно.

— Вы сказали, они кусаются.

— У неё очень твёрдый и острый хоботок, который она всаживает тебе в палец при малейшей опасности. Необычное оружие, к тому же не разрушается даже у заспиртованных экземпляров. Оно-то и помогло нам так быстро опознать её.

— А эта у вас откуда?

— Получили по договору обмена с правительством Малайзии. Не знаю, на что её выменяли. Было так смешно, мы стояли здесь и ждали…

— Не в курсе, какие виды таможенных деклараций заполнялись при получении? Сохранились какие-нибудь документы? Разрешено ли их вывозить из Малайзии? У кого всё это можно узнать?

— Я понимаю, вы спешите. Вот здесь я выписал всё, что у нас есть. Пойдёмте, я провожу вас к выходу.

Они молча прошли через весь этаж. Войдя в ярко освещённую кабину лифта, Кларис заметила, что Пилчер выглядит не менее устало, чем она сама.

— Наверное, не спали несколько ночей, — посочувствовала Кларис. — Но зато сделали всё, как надо. Знаете, я хотела извиниться, в прошлый раз я вела себя немного резко, но просто…

— Надеюсь, его всё же поймают. И вы закончите с этим делом. Я тут выписал названия кое-каких

химикатов, которые он должен был покупать, чтобы сохранить насекомое… Мисс Старлинг, мне бы очень хотелось узнать всё поближе.

— Может быть, я позвоню, когда смогу.

— Обязательно позвоните, обязательно, я буду очень ждать.

Двери лифта закрылись. Пилчер и Кларис поехали вниз. Этаж, посвящённый человеку, погрузился в темноту.

Свет красных фонарей в отделе экспозиции насекомых отражался в десятках тысяч огромных круглых глаз. Тихо гудел увлажнитель воздуха. В тёмной клетке под матерчатым чехлом бабочка «Мёртвая голова» медленно сползла с ветки паслёна. Сложив на спине чёрно-коричневую мантию крыльев, она подползла к кормушке с медовыми сотами, обхватила их передними лапками и вонзила в воск острый, как игла, хоботок. Насекомое замерло, высасывая из сот сладкий мёд, а вокруг снова возобновилось жужжание и писк и вместе с ними — крошечные сражения и крошечные убийства.

Глава 41

Кэтрин Бейкер Мартин сидит всё в той же ненавистной темноте. Темнота режет глаза, и в короткие минуты забытья ей снится, что темнота проникает внутрь, заползает в нос и уши и сковывает сердце. Она закрывает ладонью нос и рот, ложится ухом на матрац и просовывает другую руку между ног, оставляя сырой темноте только одно незащищённое ухо. Внезапно до неё доносится звук, заставляющий тут же проснуться и съёжиться от страха. Знакомый звук швейной машинки. Разная скорость. Медленно, быстро, снова медленно.

В подвале включён свет — где-то высоко над головой виден тусклый жёлтый круг. Значит, люк открыт.

Несколько раз лает пудель, с ним разговаривает всё тот же странный приглушённый голос.

Он шьёт. Здесь, глубоко под землёй, это занятие кажется ей просто абсурдом. Шитьё всегда связано со светом. В голове тут же возникает образ из детства: залитая солнцем комната, где стоит швейная машинка… за ней — трудолюбивая

пчёлка — экономка… её котёнок играет с развевающейся шторой…

Воспоминания из прошлого сметает всё тот же странный голос, нервно говорящий с пуделем:

— Красотка, перестань. Вот уколешься иголкой, будешь знать. Что мы тогда будем делать? Я уже почти закончил. Да-да, моя радость, конечно, ты обязательно получишь что-нибудь вкусненькое.

Кэтрин не знает, сколько времени находится в этом заточении. Помнит, что дважды мылась. Причём второй раз — стоя в полный рост, желая, чтобы он при свете посмотрел её тело. Но фонарь горел слишком ярко и она не могла сказать наверняка, смотрел ли он. Что ни говори, а в обнажённом виде Кэтрин Мартин достаточно эффектна и сама прекрасно понимает это. Он тоже должен увидеть её красоту. Ей необходимо выбраться отсюда. Пусть он захочет затащить её в постель. Тогда можно и сразиться. «Ну соблазнись же, соблазнись, неужели я тебе не нравлюсь?» — мысленно повторяла она, обмывая тело. Еды он даёт мало, так что нужно постараться соблазнить его побыстрее, пока есть силы. Она знает, что должна бороться за свою жизнь. Знает, что сможет победить. Только сначала нужно вымотать из него все силы в постели, чтобы он сделал

это столько раз, сколько сможет, а уж потом вступить в схватку. Она знает, что если её ноги хоть раз захватят его шею, то в одно мгновенье он улетит на небеса прямо к Иисусу. *Но смогу ли я выдержать всё это? Смогу, чёрт возьми, обязана смочь. Только сразу в глаза и в пах, в глаза и в пах, в глаза и в пах.* Но за всё то время, пока она мылась, сверху не донеслось ни единого звука. Никакого ответа на все её слова. Только ведро с мыльной водой тихо поднялось наверх, а через минуту на его место опустилось пустое.

Лёжа в темноте, Кэтрин слушала стрекотание швейной машинки и ждала. Через некоторое время до слуха донеслись шаги: он поднимался по лестнице, на ходу разговаривая с собакой.

— …завтрак, когда я вернусь, — донеслось до Кэтрин.

Свет в подвале остался включённым. Он часто не гасил его.

Шаги в кухне. Чуть слышно заскулила собака. Значит, её тюремщик уходит. Он часто уходил, иногда надолго.

Царапанье когтей по линолеуму. Собака. Бегает по кухне, скулит, чем-то гремит, наверное своей миской. Снова скребётся. И снова лает, но как-то приглушённо, как будто уже не из кухни.

Собачка и в самом деле не в кухне. Открыв носом дверь, она выскочила на лестницу и сбежала в подвал, поискать мышей. В его отсутствии она занималась этим почти всегда.

Кэтрин Мартин сунула руку под коврик и вытащила куриную кость. Какой запах! Она еле удержалась, чтобы не сгрызть с неё остатки мяса, но вместо этого только положила её в рот, чтобы немного согреть. Как хочется есть! Кэтрин медленно поднялась на ноги, пошатываясь от голода. В её яме не было ничего, кроме коврика, надетого на неё комбинезона, пустого пластикового ведра и привязанного к нему тонкого шпагата, тянущегося вверх к жёлтому кругу света.

Кэтрин уже давно во всех деталях обдумала этот план. Пора начинать действовать. Она встала на цыпочки, потянулась как можно выше и ухватилась за шпагат. Что лучше: дёрнуть или потянуть? Об этом она уже тоже думала. Лучше тянуть.

Оказалось, что шпагат растягивается намного сильнее, чем она предполагала. Она перехватила его выше и снова потянула, мотая рукой из стороны в сторону в надежде, что шпагат перетрётся о деревянную кромку люка. Заныло плечо. Она потянула ещё, ещё и ещё. Шпагат натянулся, как

струна. Господи, хоть бы оборвался где-нибудь повыше! Хлоп — и вот уже оборванный конец шпагата летит прямо ей на голову.

Кэтрин упала на пол, села и, намотав шпагат на руку, измерила длину. Четырнадцать витков от ладони до локтя. Значит он оборвался у самого люка. Она крепко привязала кость почти вплотную к ручке ведра.

Теперь будет посложнее.

Нужно действовать очень осторожно. Она обвязала оборванный конец шпагата вокруг талии, взяла ведро за ручку и с размаху швырнула вверх, прямо в жёлтый круг света. Не попала. Ведро глухо ударилось о стену и полетело обратно, угодив в плечо. Пудель громко залаял.

Кэтрин расправила шпагат и повторила бросок. Мимо. Ещё раз. Опять промах. На этот раз ведро упало прямо на сломанный палец. Она взвыла от боли и прислонилась спиной к холодной стене. Через несколько минут боль затихла, и она смогла продолжить. Четвёртый бросок снова не достиг цели. Ещё одна попытка… Есть! Ведро упало на деревянную крышку колодца где-то возле открытого люка. Но где именно? Спокойнее. Кэтрин чуть потянула шпагат. Ведро с лёгких шуршанием поползло по деревянной крышке.

Пудель залаял громче.

Нельзя допустить, чтобы ведро снова свалилось вниз, но нужно подтянуть его как можно ближе к открытому люку… Вот так.

Пудель среди зеркал и манекенов в соседней комнате подвала. Фыркает, обнюхивая валяющиеся на полу нитки и лоскутки. Тычется носом в дверцу большого чёрного шкафа. Смотрит на дверь, из-за которой доносятся все эти странные звуки. Бросается в тёмный проём, лает и отскакивает назад.

Отчаянный голос, эхом прокатившийся по всему подвалу:

— Красо-о-откааа!

Пудель подпрыгнул и снова залился звонким лаем.

Призывное причмокивание губами.

Пудель задрал голову и прислушался. Нет, звук не из кухни.

Аппетитное чавканье.

— Ко мне, Красотка! Ко мне, моя радость.

Навострив уши, собака осторожно вышла из комнаты и окунулась в темноту.

— Ко мне, Красотка, ко мне, ко мне, моя хорошая!

Пудель повёл носом и учуял запах привязанной

у самого ведра кости. Поскрёбся о деревянную крышку колодца и тихо заскулил.

— Ко мне, ко мне!

Собака заскочила на крышку. Вот откуда исходит этот приятный запах. Как раз между ведром и открытым люком. Пудель в растерянности заскулил. Куриная косточка чуть дёрнулась. Пёс припал к земле и отчаянно завилял обрубком хвоста. Потом гавкнул и, не в силах больше сдерживаться, вцепился в кость зубами. Ведро дёрнулось и слегка оттолкнуло его в сторону. Пудель зарычал на ведро и, не отпуская кость, пошире расставил лапы. Внезапно ведро резко ударило его в бок, пудель упал, попытался подняться, опять упал, ведро напало снова, задние ноги собаки провалились в люк, когти бешено заскребли по дереву, ведро скользнуло мимо, пёс отчаянным усилием вскарабкался наверх, а ведро, перевалившись через край люка, полетело вниз, увлекая за собой куриную косточку. Пудель встал на край колодца, громко залаял в тёмную дыру — и вдруг замолчал, уловив какой-то звук. Задрав голову, он несколько секунд прислушивался, потом спрыгнул к крышке колодца и, визжа от восторга, понёсся по ступенькам. Где-то наверху хлопнула входная дверь.

Из глаз Кэтрин Бейкер Мартин брызнули слёзы. Тёплые капли текли по щекам и падали на комбинезон, просачиваясь сквозь ткань. Она запрокинула голову и тихо опустилась на пол, в твёрдой уверенности, что теперь её наверняка ждёт смерть.

Глава 42

Засунув руки в карманы, Кроуфорд задумчиво стоял посреди своего кабинета, пытаясь собраться с мыслями. Стрелка часов медленно переползла с 00.30 до 00.33. Кроуфорд стряхнул с себя сон, подошёл к компьютеру и отправил телекс в калифорнийское Управление автотранспорта с запросом проследить машину, которую, по словам Лектера, Распейл купил в Калифорнии, ту самую машину, на которой они с Клаусом колесили по лесам во время своего романа. Кроуфорд попросил сообщить фамилии всех, кто владел этим автомобилем помимо Распейла.

Покончив с этим, он сел на диван и составил текст объявления-приманки для размещения в центральных газетах:

> Пылкая, страстная женщина с формами Юноны, 21 год, фотомодель, ищет мужчину, способного оценить и качество, и количество. Рекламирую крем для кожи. Вы наверняка видели мои снимки в рекламных журналах. Сейчас я хотела бы увидеть вас. Но сначала жду письма.

Подумав с минуту, Кроуфорд зачеркнул слова «с формами Юноны» и написал «с пышными формами».

Голова устало упала на грудь. Он задремал. Зелёные блики экрана компьютера отразились в половинчатых стёклах очков. На мониторе вспыхнул и пополз текст. Не открывая глаз, Кроуфорд мотнул головой, словно слова на экране мешали ему спать.

Текст гласил следующее:

Мемфис. В результате обыска в камере Лектера обнаружено два предмета.

1) Самодельный ключ от наручников из отрезка металлического стержня. Запрос Балтимору: проверить камеру Лектера в психиатрической клинике. Копли. Мемфис.

2) В унитазе найден лист бумаги из блокнота, оставленный беглецом. Оригинал передан в отдел — лабораторию документов. Графическая копия следует ниже. Запрос по расшифровке содержания — для Лэнгли. Передать Бенсону, отдел криптографии.

Строчки уплыли вверх, и на экране появилась увеличенная графическая копия:

$C_{33}H_{36}ILTO_4\ N_6$[1]

Мягкий сигнал компьютера не разбудил Кроуфорда, но три минуты спустя это сделал телефон.

Джерри Барроуз звонил по прямой линии национального центра криминальной информации.

— Видели текст на экране, Джек?

— Секунду… Да-да, вижу.

— В лаборатории уже успели расшифровать. Я имею в виду эти художества, которые Лектер бросил в унитаз. Цифры между буквами в фамилии Чилтона относятся к биохимии. $C_{33}H_{36}N_4O_6$ — это формула пигмента в желчи человека, называется билирубин. Вот, значит, откуда взялся Билли Рубин. В лаборатории утверждают, что это основной красящий элемент нашего дерьма.

— Бред какой-то.

— Вы были правы насчёт Лектера, Джек. Он просто издевался над нами. Не повезло сенатору Мартин. В лаборатории посмеиваются, говорят, что этот билирубин как раз точно такого же цвета, как волосы у Чилтона. Дурдомовский юмор, как они это назвали. Видели Чилтона в шестичасовых новостях?

---

[1] Примечания: 1

CHILTON (англ.) — Чилтон (прим. переводчика).

— Нет.

— Полчаса всё щёки там раздувал и твердил, что мол, надо искать Билли Рубина. А потом смотался в кабак с каким-то тележурналистом. Там и торчал в то время, когда удрал Лектер. Мешок с дерьмом.

— Лектер просил Старлинг не забывать, что «у Чилтона нет медицинского образования».

— Да, я читал в отчёте. По-моему, этот Чилтон просто хотел её трахнуть, а она взяла и тактично дала ему от ворот поворот. Он, конечно, дурак, но не слепой же, чтобы этого не понять. Как она там, кстати?

— Да вроде нормально. Очень устала.

— Думаете, Лектер и её водил вокруг пальца?

— Всё может быть. Но мы пока не будем бросать эту линию. Правда, не знаю, чем там они занимаются у себя в клиниках. Сколько уже прошло времени — и никакой информации. Наверное, всё же нужно было идти прямо к прокурору и выбивать разрешение на просмотр их записей. На них надеяться — только нервы тратить. Если до завтрашнего утра ничего не получим, по-видимому, всё же придётся-таки обращаться к прокурору.

— Послушайте, Джек… у вас есть люди, которые

знают, как выглядит Лектер?

— Конечно.

— По-моему, он сейчас наверняка сидит где-то неподалёку и посмеивается над нами.

— Ничего. Думаю, недолго ему осталось.

Глава 43

Доктор Ганнибал Лектер стоял у окошка администратора изысканного отеля «Маркус» в Сент-Луисе. На нём была коричневая шляпа и застёгнутый на все пуговицы плащ. Аккуратно наложенные бинты скрывали нос и щёки.

Он записался в отель под именем Ллойда Уаймана, успев натренироваться делать подпись в машине самого Уаймана.

— Как будете платить, мистер Уайман? — любезно поинтересовался администратор.

— «Американ Экспресс», — ответил доктор Лектер, вручая ей кредитную карточку Уаймана.

Из бара доносились мягкие звуки фортепиано. За стойкой Лектер увидел ещё двух человек с повязками на лице. Через зал прошла супружеская пара средних лет. Левый глаз женщины был закрыт кусочком бинта.

Администратор закончила дела с кредитной карточкой.

— Вы должны знать, мистер Уайман, что все, кто проживает в нашем отеле, имеют право пользоваться гаражом больницы.

— Да, спасибо, — кивнул доктор Лектер. Он уже припарковал там машину мистера Уаймана с самим Уайманом в багажнике.

Коридорный отнёс чемоданы Уаймана в номер и остался очень доволен, получив от Лектера пятидолларовую бумажку из бумажника Уаймана.

Доктор Лектер заказал вино и бутерброды и позволил себе хорошенько расслабиться под горячим душем.

После долгого заключения номер отеля показался Лектеру невероятно огромным. Некоторое время он с неописуемым удовольствием разгуливал по комнатам.

Из его окон был хорошо виден возвышающийся на другой стороне улицы корпус городской больницы «Майрон и Сэди Фляйшер» — один из известнейших в мире центров косметической хирургии лица.

О том, чтобы делать здесь пластическую операцию, не могло быть и речи. Многие в этой клинике прекрасно помнили внешность Лектера. Зато это было одно из немногих мест, где он мог спокойно разгуливать с повязкой на лице, не привлекая внимания.

Когда-то, много лет назад, он останавливался в этом отеле, когда занимался специальными

исследованиями по психиатрии.

Как приятно иметь окно, даже несколько окон. Он стоял в темноте, с наслаждением потягивая вино и любуясь мчащимися через мост Мак-Артур огнями автомобилей. После пятичасовой езды из Мемфиса по телу медленно растекалась приятная усталость.

Единственной мелочью, которая слегка подпортила этот прекрасный день, было приведение себя в порядок в подземном гараже международного аэропорта Мемфиса. Отмываться только с помощью тампонов, спирта и небольшого количества дистиллированной воды внутри стоящего автомобиля «скорой помощи», оказалось не особенно приятно. Но уже через полчаса он облачился в белый халат врача и, выглянув в окно, начал высматривать в огромном полупустом гараже какого-нибудь одинокого путешественника. Очень скоро такой человек с готовностью склонился над багажником своей машины. Разумеется, он не мог видеть, как сзади к нему неслышно подкрался некто в белом…

Интересно, неужели полиция посчитает его глупцом, который будет пытаться улететь из этого аэропорта?

Единственной проблемой по пути в Сент-Луис

был поиск кнопок включения фар и «дворников» в незнакомом иностранном автомобиле. Непросто прямо на ходу разобраться, что находится на панели управления.

Завтра он купит всё необходимое, краситель для волос, парикмахерские принадлежности, ультрафиолетовую лампу и что-нибудь ещё для быстрого изменения внешности. А потом, когда придёт время, можно будет и уехать.

Не стоит торопиться. Теперь спешить некуда.

Глава 44

Арделия Мапп лежала в кровати, и, отложив книгу, слушала выпуск новостей. Дверь открылась и в комнату тяжело ввалилась Кларис. Арделия взглянула на её усталое лицо, выключила радио и, оставив все вопросы на потом, тихо предложила:

— Давай, я сделаю чайку.

Обычно, во время учёбы Мапп заваривала себе напиток из листьев, которые ей регулярно присылала бабушка, и называла его не иначе как «чудесный народный чаёк».

Из двух лучших людей, которых знала Кларис, один был чересчур уравновешенным и спокойным, а другая — слишком пуглива. Кларис надеялась, что такая полярность в характерах друзей придаёт ей самой некоторый баланс и стабильность.

— Хорошо, что пропустила сегодня занятия, — попыталась развлечь подругу Арделия. — Этот чёртов Ким Вон чуть не загнал нас до смерти на беговой дорожке. Честное слово. А самому, главное, хоть бы хны. По-моему, у них там в Корее

гравитация сильнее. А потом они приезжают сюда, и, конечно, им здесь так легко, что можно уже становиться тренером по лёгкой атлетике… Да, видела сегодня Джона Брайэма.

— Когда?

— Вечером, недавно. Спрашивал, вернулась ты или нет. Знаешь, он подстригся, теперь волосы так гладко зачёсаны, просто красавчик. Рассекал по вестибюлю, ну прямо первокурсник. Мы с ним немного поболтали. Он сказал, если ты чувствуешь, что отстала, а на следующей неделе вместо занятий в тире у нас будут лекции, он может открыть для нас тир на выходные и дать пострелять. Я сказала, что передам, если что. Хороший он мужик, этот Брайэм.

— Да, нормальный.

— Ты ещё, наверное, не знаешь, скоро у нас будут соревнования между разными службами, так он хочет, чтобы ты выступала по стрельбе против таможни и ещё кого-то там.

— Да ну, ты что.

— Нет, не среди женщин. Соревнования открытые. Ладно, другой вопрос: в пятницу зачёт по четвёртой поправке, ты подготовилась?

— Да я, вроде, и так знаю.

— Ну, хорошо, что за дело «Чаймел против Ка-

лифорнии»?

— Это что-то насчёт права на обыск в средних школах?

— Что значит «что-то насчёт»?

— Не знаю.

— Ну хорошо, а кто такой Шнеклоф?

— Чёрт, не знаю.

— «Шнеклоф против Бастамонта».

— Это что-то по свободе личности?

— Позорище. Свобода личности — это в принципах Каца. А Шнеклоф — это право на обыск. Да-а, вижу, придётся нам с тобой посидеть над книжками, дорогуша. Хорошо, что у меня есть все конспекты.

— Только не сегодня, ради Бога.

— Ладно. Но завтра нужно проснуться со свежей головой и начать готовиться к пятнице. Слушай, Старлинг, Брайэм просил никому не говорить, так что смотри — ну, в общем, он сказал, что у тебя будет всё нормально, этот козёл Крендлер такой тип, что через пару дней уже забудет про тебя. Оценки у тебя хорошие, так что не волнуйся, прорвёмся. — Арделия внимательно посмотрела во ввалившиеся глаза Кларис. — Ты сделала всё, что могла, чтобы как-то спасти эту бедную Кэтрин. Всё, что вообще можно, и даже больше.

Тебе не в чем себя упрекнуть. Пусть говорят, что хотят. Чёрт, да я сама им всем глотки позатыкаю.

— Спасибо, Арделия.

Через несколько минут они уже выключили свет и легли по кроватям.

— Старлинг.

— Да?

— Как на твой взгляд, кто симпатичнее, Брайэм или Бобби Лоурэнс?

— Трудно сказать.

— У Брайэма на плече какая-то татуировка, просвечивается, когда он в белой майке. Что там на ней написано?

— Без понятия.

— Скажешь мне, когда узнаешь?

— Наверное нет.

— Эх, ты, я так тебе тогда рассказала, какие у Бобби трусы.

— Да ты их в окно видела, когда он занимался в спортзале.

— Это что, тебе Грэйси сказала? Ну, язык у этой Грэйси, я его ей когда-нибудь точно… Старлинг!

Кларис спала.

Глава 45

Около трёх часов ночи Кроуфорд, дремлющий у кровати жены, вдруг проснулся. Дыхание Беллы приостановилось, она вытянулась на постели. Кроуфорд сел и взял её за руку.

— Белла.

Она ещё раз глубоко вздохнула и впервые за многие дни открыла глаза. Кроуфорд наклонился к ней поближе, хотя и понимал, что она не видит его.

— Белла, я люблю тебя, моя маленькая, — проговорил он в надежде, что она услышит.

Грудь вдруг сковал предательский холодок страха, но Кроуфорд быстро взял себя в руки.

Ему хотелось дать ей какое-нибудь лекарство, всё равно что, но он чувствовал, что просто не может выпустить её ладонь.

Он приложил ухо к её груди, услышал, как сердце несколько раз глухо стукнуло и остановилось. Дыхание замерло. На комнату опустилась поистине мёртвая тишина.

— Упокой, Господи, её душу и возьми её к себе, — прошептал Кроуфорд, искренне желая,

чтобы это было правдой.

Он осторожно посадил её на кровати и прижал к груди. Шёлковый шарф сполз на плечи, открыв остатки волос. Он не плакал. Для слёз просто не хватало сил.

Кроуфорд переодел жену в её любимую, её самую лучшую ночную рубашку и некоторое время сидел на кровати, прижимая к щеке её руку. Нежная, белая рука с мелкими царапинками от ежедневной работы в саду и крошечными точечками от внутривенных уколов.

Когда она приходила из сада, её руки часто пахли чабрецом.

(«Думай, что это всего лишь яичный белок у тебя на пальцах», — разъяснили ей премудрости секса школьные подруги. Потом они с Кроуфордом часто шутили насчёт этого в постели. И много лет назад, и много лет спустя, и ещё в прошлом году. Не думай об этом, думай о хорошем, думай о приятном. Но это и было и хорошее, и приятное. Они вместе поднимались на лифте, на ней была круглая шляпка и белые перчатки. Он громко и с чувством насвистывал какую-то глупую мелодию. В комнате она подсмеивалась над его оттопыренными, как у школьника карманами.)

Кроуфорд попытался выйти в другую комнату

— он в любую секунду мог обернуться и сквозь открытую дверь увидеть её на кровати, освещённую мягким светом настольной лампы. Он ждал, когда её тело станет всего лишь предметом похорон, чем-то самостоятельным и отдельным от него. Отдельным от той женщины, которая лежала сейчас на кровати, отдельным от друга всей его жизни, который всё ещё жил у него в душе. Тогда он сможет позвонить, чтобы за ней приходили.

Опустив руки, он стоял у окна и смотрел на восток. Он не ждал рассвета. Просто на восток выходило окно комнаты.

Глава 46

— Готова, Красотка?

Джейм Гамб удобно полусидел в кровати, маленький пудель тёплым кольцом свернулся у него на животе.

Мистер Гамб только что вымыл волосы, и голова была всё ещё обмотана полотенцем. Он похлопал рукой по простыням, нашёл пульт дистанционного управления видеомагнитофона и нажал кнопку «пуск».

На одной кассете он записал самые интересные места из двух фильмов и по многу раз просматривал её во время подготовки к очередному похищению или перед расправой над жертвой.

Первой шла чёрно-белая запись четвертьфинала конкурса «Мисс Сакраменто — 1948» — предварительный отбор на длинном пути к сражению за звание «Мисс Америка» в Атлантик-Сити.

Девушки в купальниках поднимались на сцену, держа в руках цветы.

Пудель мистера Гамба уже бессчётное количество раз видел эту плёнку, поэтому, едва услышав

музыку, тут же сжался в комок, прекрасно зная, что хозяин сейчас начнёт тискать его от восторга.

Несмотря на стиль сороковых годов, лица некоторых девушек были довольно привлекательны. Ноги некоторых конкурсанток тоже были неплохой формы, хотя из-за отсутствия тонального крема казались немного полноватыми.

Гамб крепко прижал к себе пуделя.

— Смотри, Красотка, вот она идёт, вот она идёт, вот она!

Девушка в белом купальнике подошла к ступенькам, ведущим на сцену, озарила улыбкой молодого человека, подавшего ей руку, и, развернувшись на высоких каблуках, ушла в сторону. Камера скользнула по её бёдрам. Мама. Это была его мама.

Мистеру Гамбу не было нужды трогать кнопки перемотки — он сделал повторы, ещё когда записывал фильм. Девушка двинулась обратно, спиной к лестнице, исчезла с лица улыбка, всё так же спиной она попятилась к проходу. Потом снова вперёд, вперёд-назад, вперёд-назад.

Когда она в очередной раз улыбнулась молодому человеку, Гамб тоже улыбнулся.

Ещё один кадр запечатлел маму в группе дру-

гих девушек, поздравляющих победительниц.

Следующую запись он сделал с программы кабельного телевидения в чикагском мотеле — тогда ему пришлось быстро рвануть в город, купить видео и остаться ещё на одну ночь, чтобы записать фильм. Это был дешёвенький рекламный ролик, который крутили поздно ночью, как фон к секс-рекламе. Безобидный, немного капризный фильм сороковых-пятидесятых годов, показывающий волейбольный матч в лагере нудистов. Кадры из секс-фильмов тридцатых: обнажённые актёры в носках и с искусственными носами. В зависимости от рекламы, фильм сопровождала самая разная музыка. Сейчас это был ностальгический «Взгляд любви», совершенно не соответствующий весёлому и оживлённому действию.

Ползущий по экрану текст рекламы выводил из себя, но, к сожалению, с ним ничего нельзя было поделать.

И, наконец, вот он — открытый бассейн. Судя по пышной зелени, где-то в Калифорнии. Всё в духе пятидесятых. Обнажённые грациозные девушки. Некоторых он даже помнил по эпизодам в эротических кинолентах тех лет. С весёлыми криками и смехом девушки выскакивают из

воды и, обгоняя музыку, бегут к лестнице водного трамплина. Поднимаются наверх — и съезжают вниз. У-у-ух! Груди вздымаются, хохот, ноги в стороны — и всплеск!

Опять мама. Выходит из воды, следом за девушкой с кудрявыми волосами. Часть лица скрывает текст выползшей на экран рекламы секс-шопа «Золушка». Вот она поворачивается спиной, бежит к водному трамплину и поднимается по лестнице, вся мокрая и сверкающая, полногрудая и гибкая, с едва заметным шрамом от кесарева сечения. Прыжок — всплеск! Как она прекрасна! Даже не видя её лица, мистер Гамб наверняка знал, что это мама, снятая после того, как он видел её в последний раз. Кроме, конечно, снов и собственного воображения.

По экрану пробегает реклама пособия для молодых супругов, и фильм обрывается.

Пудель прищурился, в страхе ожидая очередной вспышки хозяйской любви.

— О, Красотка! Иди к мамочке. Мамочка скоро будет такой красивой!

Сколько, сколько ещё нужно сделать, чтобы подготовиться к завтрашнему дню.

Слава Богу, из кухни не слышно её криков, как бы она не надрывалась. Но когда он начал

спускаться по лестнице в подвал… О, Господи, он так надеялся, что она будет спать. Сидящий у него на руках пудель повернул голову на звук и тихо зарычал.

— Моя крошка, ты у меня воспитана лучше, чем она, — прошептал мистер Гамб, уткнувшись лицом в шёрстку собаки.

Комната с колодцем была слева от лестницы. Он даже не взглянул в её сторону, не обращая внимания на отчаянные крики из подземной темницы — насколько он мог слышать, они даже отдалённо не напоминали нормальный английский язык.

Мистер Гамб свернул направо, вошёл в мастерскую и, спустив пуделя на пол, включил свет. Несколько бабочек вспорхнули вверх и беззаботно уселись на электропроводку.

К работе он всегда относился очень тщательно, готовя свежие растворы только в сосудах из нержавеющей стали и никогда из алюминия.

За многие годы он научился делать всё точно и правильно. Работая, он постоянно твердил себе: «Ты должен выполнять всё методично и аккуратно, без всяких отклонений, потому что дело твоё очень и очень тонкое».

Человеческая кожа довольно тяжела — шестна-

дцать-восемнадцать процентов от веса всего тела — и очень скользкая. С целым куском обращаться невероятно трудно: можно запросто уронить, пока она ещё мокрая. Время тоже имеет огромное значение. Едва отделённая от мяса, кожа тут же начинает морщиться. Особенно кожа молодых девушек, работать с которой труднее всего.

Добавьте к этому ещё и то, что даже у молодых девушек кожа не очень эластична. Стоит только чуть-чуть потянуть — и она уже никогда не примет первоначальные пропорции. Ты делаешь точную выкройку, а потом только чуть-чуть натягиваешь — и она тут же начинает морщиться и идти складками. Только на секунду ослабишь внимание за машинкой — и тоже не избежишь морщин. Есть места, где кожа расслаивается, и нужно хорошо знать их. В разных направлениях кожа тянется совершенно по-разному, потянешь не туда — и опять получишь складку.

А с сырым материалом вообще невозможно работать. Мистер Гамб хорошо знает это, прейдя к своему мастерству через многие эксперименты и долгие ночи волнений и переживаний.

В конце концов он пришёл к выводу, что самым надёжным является старый, проверенный способ. Весь процесс обработки должен проходить

следующим образом: вначале кожа замачивается в специальных аквариумах, наполненных растительным экстрактом, разработанным ещё коренными жителями Америки — только натуральные компоненты и никаких минеральных солей. Потом применяется метод, которым пользовались жители Нового Света, изготавливая себе великолепные кожаные ковбойские штаны — классический способ дубления кожи с помощью мозгов. Индейцы свято верили в то, что у каждого животного достаточно мозгов, чтобы продубить собственную кожу. Мистер Гамб на собственном опыте убедился в ложности такого заключения и сейчас всегда держал в холодильнике большой запас говяжьих мозгов, чтобы в случае необходимости не попасть впросак.

Он великолепно постиг весь процесс обработки. Практика довела его мастерство почти до совершенства.

Возникали, правда, кое-какие чисто структурные проблемы, но он был достаточно опытен, чтобы справляться с ними.

Мастерская выходила в коридор, ведущий в старую ванную, где мистер Гамб хранил своё оборудование для обработки кожи и хронометр, и дальше, в студию, за которой начинался тёмный

лабиринт переходов и комнат.

Он открыл дверь в студию и включил свет. Ярко вспыхнули прикреплённые к потолку лампы. На дубовом полу застыли манекены, одетые в кожу или муслиновые платья с кожаными украшениями, все с накладными плечами и искусственным бюстом. Восемь манекенов удваивались в двух зеркальных стенах. На туалетном столике — множество косметики, несколько форм для париков и сами парики. Прекраснейшая студия, сверкающая светлым дубом.

Около третьей стены расположился большой рабочий стол, две промышленные швейные машины и бюст для примерки одежды — точная копия торса самого Джейма Гамба.

У четвёртой стены, доминируя над всей этой светлой комнатой, стоял огромный чёрный шкаф с рисунками по лаку в китайском стиле, возвышающийся почти до самого потолка. От времени рисунки почти стёрлись. Там, где когда-то летел по небу огромный дракон, осталось лишь несколько чешуек краски да чудом сохранившийся огромный белый глаз. От другого дракона уцелел только ярко-красный язык. Но растрескавшийся лак под остатками рисунков до сих пор не обсыпался.

Огромный шкаф не имел ничего общего с теми вещами, которые красовались на манекенах. На специальных вешалках и формах в нём висели так называемые «особые вещи», и поэтому дверцы его всегда были плотно закрыты.

Пудель попил из стоящей в углу миски и улёгся между ног одного из манекенов, не спуская глаз с мистера Гамба.

Хозяин уже несколько дней работал над кожаной курткой. Нужно было бы закончить её — но сегодня он намеревался выбросить из головы все посторонние мысли и думать о самом важном.

Много лет назад, когда он был ещё мальчишкой, Управление исправительных учреждений Калифорнии научило его азам швейного дела. Сейчас он поднялся в своём мастерстве неизмеримо выше того детского уровня, но эта работа требовала поистине дьявольского умения. Даже привычка обращаться с тонкой перчаточной кожей не может подготовить тебя к настоящему делу.

У него уже было два муслиновых одеяния для примерки, напоминающих белые жилеты. Один он сшил по своим собственным меркам, другой — по меркам Кэтрин Бейкер Мартин, снятым ещё тогда, когда она была без сознания. Надев

маленький жилет Кэтрин на свой бюст, Гамб ещё раз убедился в нечеловеческой сложности своей завтрашней задачи. Конечно, у девушки пышные формы и отличные пропорции, но всё же она оказалась намного мельче мистера Гамба, особенно уступая ему в ширине спины.

Несомненно, самым идеальным вариантом было бы платье без шва, сделанное из цельного куска. Но с кожей Кэтрин это наверняка не представится возможным. Тем не менее, он надеялся, что лиф будет цельным, хотя бы спереди. А это означало, что все швы и вытачки придётся делать только на спине. Невероятно сложно. Но он уже продумал весь фасон. Умело натянув кожу, можно будет сделать две вертикальные вытачки под мышками. Ещё две — на спине, чуть выше талии. Он уже привык работать с очень узкими припусками на швы.

Но ведь нужно ещё сделать всё так, чтобы платье не только хорошо смотрелось. Вполне вероятно, что привлекательного, вернее привлекательную обладательницу этого наряда захотят и обнять.

Мистер Гамб посыпал ладони тальком и нежно обнял свой бюст.

— Ну поцелуй же меня, — шепнул он, игриво

глядя на то место, где должна быть голова. — Да не ты, глупышка, — улыбнулся он навострившему уши пуделю.

Хорошенько обняв бюст, он развернул его спиной, чтобы рассмотреть, в каких местах остались следы талька. Никому не понравится обнять красавицу и нащупать швы. Но после его объятий следы талька остались только ближе к середине спины. Всё правильно, обычно никто и не обнимает за бока. Плечи тоже выпадают. Вот и ответ: плечевая вытачка чуть выше линии плеча. Этим же швом можно подшить и кокетку. По бокам — вставки из другого материала, а под ними — застёжка.

Вытачка на спине будет скрыта волосами — его собственными, или теми, которые у него скоро будут.

Мистер Гамб стащил с бюста жилет и приступил к работе.

Швейная машинка была старой и надёжной, с педальным приводом, лет сорок назад подключённым к электромотору. На ручке выгравирована золотая витиеватая надпись: «Я никогда не устаю, я рождена, чтобы служить». Ножная педаль тоже работала, и, начиная строчить очередной шов, мистер Гамб всегда вначале

нажимал на неё. Для того, чтобы лучше чувствовать машинку, он работал босиком, плавно давя на педаль голой ступнёй с покрытыми лаком ногтями. Некоторое время в подвале было слышно лишь стрекотание машинки да тихий храп пуделя.

Наконец, настрочив на примерочном жилете все необходимые вытачки, Гамб встал перед зеркалом и надел его. Пудель поднял голову, словно оценивая его творение.

Нужно слегка опустить пройму. А всё остальное в самый раз. Удобный, мягкий, эластичный наряд.

Для большего эффекта мистер Гамб примерил несколько париков, попробовал различное освещение и надел на шею ожерелье. Великолепно. Просто потрясающе.

Ему хотелось продолжить работу, заняться настоящим делом, но глаза сильно устали. Нужно, чтобы и руки остались ловкими и быстрыми. К тому же, он очень разнервничался от криков.

— Завтра, Красотка, — улыбнулся он собаке, вынув размораживаться говяжьи мозги. — Завтра мы займёмся этим в пе-е-ервую очередь. Твоя мамочка станет настоящей красавицей!

Глава 47

Кларис крепко проспала пять часов, но на исходе ночи пробудилась от ужасного кошмара. Она сжала зубами угол простыни и закрыла ладонями уши, стараясь понять, проснулась ли на самом деле. Жуткое видение исчезло. Тишина — и никаких криков ягнят. Когда сон окончательно прошёл, сердце немного успокоилось, но ноги под одеялом всё ещё продолжали дрожать. Казалось, ещё одно мгновенье — и она сойдёт с ума от этого невыносимого страха.

Когда страх вдруг сменился горячей волной злости, Кларис почувствовала облегчение.

— Сволочи, — прошептала она и вытащила ногу из-под одеяла.

В течение всего этого бесконечного дня, за время которого ей нагрубил Чилтон, оскорбила сенатор Мартин, наговорил упрёков Крендлер, посмеялся и довёл до исступления своим кровавым побегом доктор Лектер, и наконец, отстранил от работы Джек Кроуфорд, был один момент, который оказался самым страшным: её обозвали воровкой.

Конечно, сенатор Мартин — прежде всего просто доведённая до отчаяния мать, которая не в состоянии смотреть, как полицейские копаются в вещах её дочери. Без сомнения, она не хотела обидеть Кларис.

И тем не менее, обвинение пронзило девушку, подобно острой игле.

Ещё в детстве отец учил Кларис, что воровство — это одно из самых грязных, самых мерзких преступлений, стоящее в одном ряду с изнасилованием и убийством ради денег. Даже некоторые непреднамеренные убийства можно поставить выше воровства.

Живя в бедности, она научилась ненавидеть воров и воровство.

Но сейчас, лёжа в темноте, она увидела и другую причину того, почему слова сенатора Мартин так оскорбили её.

Кларис хорошо помнила, что сказал о ней злобствующий доктор Лектер и боялась, что и сенатор Мартин тоже могла увидеть в ней дешёвую, нечистоплотную деревенщину, всеми силами пытающуюся вскарабкаться наверх.

Доктор Лектер получал неописуемое удовольствие, отмечая её классовое сходство с матерью, дремлющую злобу на всех и вся, впитанную вме-

сте с материнским молоком. Ни образованием, ни интеллигентностью, ни напористостью, и уж тем более ни внешностью Кларис не уступала никому из Мартинов, но всё же в словах Лектера была какая-то доля истины, и в душе она знала это.

Старлинг принадлежала к тому неистовому племени, члены которого не могут похвастаться богатым генеалогическим древом, а вместо него накапливают за свою богатую событиями жизнь список благодарностей и взысканий. Выходцы из Шотландии и Ирландии, заброшенные нуждой на другую сторону океана, её предки часто пускались в опасные и рискованные предприятия. Многие из рода Старлингов отличались неуёмным авантюризмом, могли по многу раз падать на самое дно, не сумев вовремя сдержать буйный характер, и возноситься до небес, проявляя отвагу и мужество в боях и стойкость, и выносливость во время суровых жизненных испытаний.

Насколько знала Кларис, ни один из Старлингов никогда не отличался особой гениальностью, за исключением, пожалуй, одной из бабушек, которая вела замечательный, высокохудожественный дневник, пока у неё не «помутилось в голове».

Но никто из её родни никогда не был замешан

в воровстве.

Образование играет огромную роль в жизни каждого американца, и все Старлинги всегда прекрасно понимали это. Один из родственников Кларис, окончив в своё время колледж, даже попросил выгравировать это на своей надгробной плите.

Сама Кларис почти всю свою сознательную жизнь жила за счёт учебных заведений, хорошо осознавая, что поскольку ей некуда больше идти, единственным оружием для неё является проявление незаурядных способностей на всех конкурсных экзаменах.

Она знала, что обязательно выкарабкается. Выкарабкается и останется, как всегда, одной из первых в группе, включённой во все поощрительные списки и уж наверняка не вышвырнутой на улицу.

Нужно только учиться, держать себя в руках и быть внимательной. Оценки будут, что надо. Чёрта с два этот проклятый кореец сможет загнать её на беговой дорожке. Ничего, её фамилию ещё выгравируют золотыми буквами на Доске почёта в вестибюле.

Через четыре недели она станет следователем Федерального Бюро Расследований.

Что ж ей теперь, всю жизнь бояться этого идиота Крендлера?

В присутствии сенатора он хотел показать, что намерен избавиться от неё. Всякий раз, когда Кларис вспоминала об этом, щёки вспыхивали от обиды. Он даже не подумал, что в конверте может действительно быть какая-нибудь важная улика. Ну и тип. Думая о Крендлере, она почему-то видела его обутым в военные ботинки. Как тот мэр, пришедший в больницу к отцу, чтобы забрать часы-табель.

Намного хуже, что в её глазах очень сильно уронил себя Джек Кроуфорд. Ладно, пусть он послал её одну, без всяких полномочий проверить машину Распейла. Она сама просила его об этом, стычка с репортёрами произошла чисто случайно. Но ведь Кроуфорд наверняка предвидел все неприятности, которые могут возникнуть, когда сенатор Мартин увидит её в Мемфисе. Даже если бы она и не нашла этих дурацких снимков, всё равно беды было не избежать.

А Кэтрин Бейкер Мартин в такой же темноте дожидается сейчас своего смертного часа. Кларис на мгновенье забыла об этом, предавшись мыслям о своих ничтожных личных заботах.

Картины нескольких последних дней мгно-

венно заставили Кларис переключиться на свои собственные ошибки и просчёты. Яркие образы ворвались в мозг, поражая совершенно неожиданным светом, ослепительным и устрашающим, подобным вспышке молнии, рассекающей чёрное ночное небо.

В памяти всплыла Кимберли. Распухшая, мёртвая Кимберли, которая прокалывала уши, чтобы выглядеть попривлекательней, и натирала специальной мазью ноги, уничтожая волосы. Кимберли с содранным скальпом. Сестрёнка Кимберли. Кимберли, лежащая в похоронном бюро под взглядами полицейских.

Нет, больше невозможно представлять себе всё это. Кларис отвернулась, как пловец, поворачивающий лицо в сторону, чтобы глотнуть воздуха.

Все жертвы Буйвола-Билла были женщины, он думал только о женщинах, жил для того, чтобы охотиться на женщин. И до сих пор ни одна женщина не охотилась на него самого. Ни одна женщина-следователь ещё не заглядывала в ужасный список его преступлений.

Интересно, хватит ли у Кроуфорда нервов взять её с собой в качестве помощника, когда он поедет осматривать выловленный из воды труп Кэтрин Мартин? Кроуфорд подсчитал, что если всё пой-

дёт как обычно, Билл «будет обрабатывать её завтра». *Обрабатывать её. Обрабатывать её. Обрабатывать.*

— К чёрту! — громко выругалась Кларис и опустила ноги на пол.

— Чего это ты? — вскинулась сонная Арделия Мапп.

— Извини, Арделия, я хотела спросить, у тебя есть грязные вещи?

— У тебя что, не все дома?

— Да нет, просто не спится. Хочу пойти постирать. Так что у тебя грязное?

— Только пара свитеров, вон там на стуле валяются.

— Хорошо. Закрой глаза, я на секунду включу свет.

Кларис собрала в корзину грязное бельё и положила сверху пухлое дело Буйвола-Билла — толстую папку, полную людской крови и нечеловеческой боли. Сверху лежал её отчёт о ночной бабочке «Мёртвая голова».

Завтра нужно сдать все эти документы, чтобы рано или поздно добавить к делу ещё один жуткий лист.

В тёплой прачечной под мерный гул стиральной машины, она развязала тесёмки и, разложив

дело на полке для чистого белья, попыталась подшить свой последний отчёт, стараясь не смотреть на фотографии и не думать, какие ещё снимки и документы могут прибавиться здесь в ближайшем будущем. Сверху оказалась карта. Слава Богу. Но присмотревшись, Кларис увидела, что на ней что-то написано. Изящные буквы доктора Лектера легли поверх Великих Озёр:

> Кларис, не кажется ли вам этот *беспорядочный* разброс точек слишком неестественным? Не кажется ли он вам *нарочито* беспорядочным? Беспорядочным, несмотря на все имеющиеся возможности? Не напоминает ли он вам хитроумные проделки лжеца?
>
> Ганнибал Лектер
>
> P. S. Можете не тормошить дело, там больше ничего нет.

Ей потребовалось двадцать минут, чтобы внимательно перелистать страницы и убедиться, что там действительно больше ничего нет.

Кларис вышла в холл, по прямому телефону позвонила Барроузу и прочла записку. Интересно, спал ли когда-нибудь этот человек?

— Должен сказать вам, Старлинг, что спрос на

информацию Лектера весьма снизился, — проговорил Барроуз. — Джек сообщил вам насчёт Билли Рубина?

— Нет.

Закрыв глаза и прислонившись спиной к стене, Кларис молча выслушала рассказ о ещё одной шутке доктора Лектера.

— Не знаю, не знаю, — вздохнул он, наконец, — Джек говорит, что нужно продолжать разрабатывать линию со всеми этими клиниками по изменению пола. Но насколько всё это серьёзно? Если посмотреть на всю информацию, заложенную в компьютер, видно, что сведения Лектера — и те, которые он сообщил вам, и те, что выбила из него в Мемфисе сенатор Мартин — имеют определённую подоплёку. Отменить рассмотрение всей его информации можно простым нажатием кнопки. И мне кажется, что министерство юстиции как раз и хочет сейчас нажать на эту кнопку. У меня даже есть заключение, что куколка в горле у Клауса не что иное, как… где это, ага, вот… как «случайно попавший мусор».

— Но вы же всё равно сообщите об этом Кроуфорду?

— Конечно. Я переправлю всё ему на компью-

тер, но сейчас беспокоить Джека не стоит. Только что скончалась его жена Белла.

— О, Боже, — выдохнула Кларис.

— Кстати, У меня для вас есть и кое-что приятное. Наши люди в Балтиморе осмотрели камеру доктора Лектера. Помог этот санитар, Барни. На шляпке одного из болтов, которыми крепилась к стене койка, обнаружены следы тренья. Выяснили, что он перетирал о неё металлический стержень. Теперь ясно, каким образом ему удалось сделать ключ от наручников. Так что вам повезло. Можете спать спокойно.

— Спасибо, мистер Барроуз. Спокойной ночи.

Спать спокойно. Можете спать спокойно.

Начинался новый день, последний день жизни Кэтрин Мартин.

Что же имел в виду доктор Лектер? Никогда невозможно понять, что у него на уме. Когда она отдавала ему дело, то ожидала, что он просто с удовольствием просмотрит фотографии и потом, якобы опираясь на документы, расскажет ей то, что ему известно о Буйволе-Билле.

А может, всё это время он всего лишь потешался над ней и врал, как врал сенатору Мартин? Может, он вообще ничего не знает о Буйволе-Билле?

Он очень проницателен — наверняка видит меня насквозь. Трудно представить, что кто-то может понять тебя, не желая тебе добра. В жизни Кларис подобного ещё не встречалось.

«Нарочито беспорядочный.» — написал доктор Лектер.

И Кларис, и Кроуфорд, и многие другие уже десятки раз изучали эту карту с отмеченными листами похищений и затоплений. Она напоминала Кларис карту звёздного неба с информационными данными около каждой звезды. Отдел Кроуфорда даже однажды пытался связать их со знаками зодиака. Конечно, безрезультатно.

Если доктор Лектер листал дело просто для развлечения, зачем бы ему понадобилось писать на карте эту записку?

Не было совершенно никакой связи между местами похищения и затопления, ничто не указывало на особую выгоду именно этих мест, время никак не совпадало ни с датами каких-то деловых собраний или совещаний, ни с датами грабежей, краж или других преступлений.

Кларис принялась механически водить пальцем по карте. Первое похищение, первое затопление… А вот второе похищение и второе затопление. Третье похищение и третье… Хотя…

нет, в таком порядке жертвы обнаруживала полиция. А на самом деле первая жертва была обнаружена совсем не первой.

Этот факт был отражён аккуратной, но ничем не выделяющейся записью на карте. Первой было обнаружено тело второй девушки. Вот, река Уабаш, штат Индиана, чуть ниже по течению от трассы 65.

А первая пропавшая без вести была похищена в Белведере, штат Огайо, недалеко от Колумбуса, и найдена намного позже в реке Блэкуотер, штат Миссури. К ногам был привязан груз. Ни к какой из всех остальных жертв груз не привязывался.

Тело первой жертвы он затопил в довольно безлюдном месте. Второе — недалеко от большого города, где его наверняка могли обнаружить очень быстро.

Почему?

Значит, первую жертву он хотел спрятать понадёжнее, а вторую — нет.

Почему?

И что значит это «нарочито беспорядочный»?

Первая жертва. Первая. Первая. Что говорил доктор Лектер по этому поводу? И что вообще, чёрт возьми, значили всего его слова?

Кларис заглянула в записи, которые сделала в

самолёте по пути из Мемфиса.

Доктор Лектер сказал, что все необходимые сведения, чтобы поймать убийцу, находятся в деле… Посоветовал подходить ко всему проще. Где же он говорил про что-то первое?.. Ага, вот. Первый принцип. Значит, это важно. А в разговоре прозвучало, как полный бред.

Что он делает, Кларис? Что он делает изначально, к какой цели идёт через убийства? Он жаждет недоступного. А как мы начинаем желать недоступного? Мы начинаем желать то, что видим каждый день.

Размышлять о высказываниях доктора Лектера намного легче, когда не чувствуешь на себе его пронзительный взгляд. А тем более здесь, в самом центре Куонтико.

Если мы начинаем желать недоступного с того, что видим каждый день, значит, страсть Буйвола-Билла началась именно с первой жертвы. Значит, он убил кого-то, кого хорошо знал. Может, именно поэтому он так тщательно упрятал первый труп, а второй выставил чуть ли не напоказ? Похитил подальше от дома, а утопил там, где тело будет наверняка найдено быстро, чтобы все уверились в случайности и *беспорядочности* выбора мест похищения и затопления?

Думая о жертвах, сама Кларис всегда сразу же вспоминала Кимберли Эмберг. Скорее всего потому, что этот труп она видела своими глазами.

А вот та, которая действительно была первой. Фредерика Биммел, двадцать два года, Белведер, штат Огайо. Две фотографии. На первой, в своём ежегоднике, девушка выглядит крупной, с приятным, немного простоватым лицом и густыми волосами. На второй, снятой в морге Канзас-Сити, она уже не имеет человеческого облика.

Кларис снова набрала номер Барроуза. На этот раз он ответил немного сухо, но согласился выслушать.

— Что вы хотите этим сказать, Старлинг?

— Скорее всего, он обитает в Белведере, штат Огайо, где жила его первая жертва. Возможно, он встречался с ней каждый день и убил чисто спонтанно. Может, поэтому он и упрятал её тело так тщательно, а потом похитил ещё одну, на этот раз подальше от дома. Особенно прятать её не стал, чтобы её быстро обнаружили и таким образом наше внимание было отвлечено от места его настоящего обитания. Вы же сами знаете, какое внимание уделяется пропавшим без вести — на него просто машут рукой, пока не находится тело.

— Но Старлинг, результаты всегда лучше там, где свежие следы, люди лучше помнят события, есть свидетели…

— Вот именно. И он прекрасно понимает это. Вы сообщите мистеру Кроуфорду?

— Конечно… Чёрт, да я сейчас дам срочную информацию во все районы. А вы неплохо мыслите, Старлинг. Но там хорошо поработали эксперты. Сразу же, как только тело этой — как же её звали? Биммел? Да, Биммел — как только тело этой Биммел было обнаружено. И местная полиция, и отделение Колумбуса. Все заключения есть в деле. А после вчерашнего побега Лектера я вообще сомневаюсь, что какие-то идеи доктора Лектера вызовут интерес у властей.

— Но ведь всё, что он…

— Да, Старлинг, мы подготовили некролог Бёлле. Если хотите, я впишу и ваше имя.

— Конечно… Конечно, спасибо, мистер Барроуз.

Кларис вернулась в прачечную и вынула из сушилки чистое бельё. Ещё тёплая ткань приятно согревала руки. Она прижала бельё к груди.

Мама со стопкой чистых простынёй в руках.

Сегодня последний день жизни Кэтрин.

Перепачканное известью чёрно-белое оперение

вороны.

Сегодня последний день жизни Кэтрин.

Отец, машущий на поворотах рукой вместо того, чтобы включить сигнал. Играя во дворе, она всегда думала, что он просто показывает своему «пикапу», куда нужно ехать.

Когда Кларис, наконец, решила, что будет делать дальше, на глазах появились слёзы. Она зарылась лицом в тёплое бельё.

Глава 48

Джек Кроуфорд вышел из похоронного бюро и огляделся, ища глазами Джеффа и машину, но вместо этого наткнулся взглядом на Кларис Старлинг, ожидающую под навесом.

— Пошлите меня, — выпалила она без предисловий.

Кроуфорд только что выбрал для Беллы гроб и сейчас держал в руке бумажный пакет с её туфлями, которые по горестной рассеянности принёс с собой. Он взял себя в руки.

— Простите, — проговорила Кларис. — Я бы не пришла сейчас, будь у нас другое время. Пошлите меня.

Кроуфорд сжал в карманах кулаки и резко повернул голову. Глаза блеснули каким-то нездоровым, опасным блеском.

— Послать вас? Куда?

— Вы посылали меня в Мемфис, чтобы я прониклась сочувствием к Кэтрин Мартин. Позвольте мне поехать и к другим. Всё, что нам осталось узнать, это как он устраивает свою охоту. Как он находит свои будущие жертвы, как выбирает.

Я ничуть не хуже всех ваших сыщиков, а кое в чём, может быть даже и лучше. Все его жертвы — женщины, но ни одна женщина не участвует в расследовании. Оказавшись в комнате девушки, я смогу узнать о ней в три раза больше, чем любой мужчина, и вы сами прекрасно это знаете. Пошлите меня.

— И вы готовы даже к тому, что вас, быть может, отчислят из Академии?

— Да.

— Это целых полгода вашей жизни, если не больше.

Кларис промолчала.

Кроуфорд ткнул в землю носком ботинка и оглядел её отсутствующим взглядом. Ну и характер. Такой же, как и у его Беллы.

— С кого хотите начать?

— С самой первой. Фредерики Биммел. Из Бельведера, штат Огайо.

— А почему не с Кимберли Эмберг, которую вы видели?

— Но он ведь тоже начал не с неё.

Упомянуть о записке Лектера? Нет, сам увидит на компьютере.

— Начать с Эмберг было бы поддаться эмоциям, так, Старлинг? Хорошо, поезжайте. Но расходы

смогу возместить только по возвращении. Банки откроются не раньше, чем через час. Деньги есть?

— Есть. Немного.

Кроуфорд порылся в карманах и протянул ей триста долларов наличными и свой личный чек.

— Езжайте, Старлинг. Езжайте, пока только к первой. Не забывайте звонить.

Кларис протянула было руку, но так и не коснулась ни его ладони, ни лица. Сейчас у этого человека, казалось, не было ни одного места, которое можно было бы тронуть. Она быстро повернулась и побежала к своему «Пинто».

Когда она уехала, Кроуфорд машинально похлопал себя по карманам. Оказалось, он отдал ей все деньги до последнего цента.

— Девочке нужны новые туфли, — пробормотал он. — А моей девочке обувь уже не понадобится.

Он стоял посередине тротуара и плакал. Слёзы текли по щекам, щекам начальника крупного отдела ФБР, ставшего вдруг слабым и беспомощным.

Джефф выглянул из окна автомобиля и, увидев плачущего Кроуфорда, задним ходом отъехал в какой-то переулок. Вышел на тротуар, прикурил и нервно затянулся сигаретой. Не стоит показы-

ваться на глаза шефу, пока тот не успокоится и не вытрет слёзы.

Глава 49

Утром четвёртого дня мистер Гамб был готов приступить к работе.

Вернувшись из магазина со всеми необходимыми покупками, он едва сдержался, чтобы тут же не броситься по ступенькам в подвал. Но нет, нужно держать себя в руках. Он спустился в студию и распаковал сумки. Набор новых игл, несколько полосок тонкой эластичной кожи для подкладки под планку, пачка крупной соли. Он не забыл ничего.

В мастерской, на чистом полотенце, рядом с продолговатыми аквариумами, мистер Гамб разложил четыре ножа: изогнутый для прямых надрезов, маленький с острым концом, позволяющий аккуратно резать кожу на изгибах, скальпель для самой тонкой работы и штык времён Первой Мировой войны. Закруглённый конец штыка прекрасно отделял кожу от тела без риска порвать её.

На всякий случай рядом с ножами мистер Гамб положил и пилу для вскрытия, которой почти никогда не пользовался и жалел, что в своё время

потратил на неё деньги.

Он смазал форму для париков, посыпал сверху грубой солью и поставил её в неглубокий тазик. Между делом игриво щёлкнул искусственную голову по носу и послал ей воздушный поцелуй.

Действовать не спеша и размеренно было очень трудно — ему хотелось летать по комнате, подобно балерине. Мистер Гамб весело смеялся и нежно сдувал садящихся на лицо бабочек.

Наконец, пришло время включать насосы для циркуляции в аквариумах со свежим раствором. Боже, что за красавец-кокон выглядывает из под слоя чернозёма на дне клетки? Гамб потрогал его пальцем. И в самом деле, просто изумителен.

Так, теперь пистолет.

Вопрос о том, каким способом убить эту последнюю жертву, мучил Гамба вот уже несколько дней. Повешение отпадало: на груди и спине могла запросто появиться сыпь. К тому же он боялся, что на голове за ушами произойдут разрывы ткани.

С каждой новой жертвой мистер Гамб набирался всё больше опыта, хотя очень часто новые познания были связаны с ошибками и огорчениями. Нужно было действовать так, чтобы избежать ночных кошмаров, которые преследовали его

раньше. Тут есть одно главное правило: насколько бы ни была его жертва ослаблена голодом или страхом, едва завидев все его инструменты и приспособления, она всегда отчаянно сражается за свою жизнь.

Раньше, перед убийством он любил надеть инфракрасные очки и поохотиться за девушкой по абсолютно тёмному подвалу, с улыбкой наблюдая, как она наощупь ходит по комнатам, пытаясь спрятаться в дальних углах. Приятно было поохотиться за ними с пистолетом. Ему нравилось пользоваться пистолетом. Жертвы всегда очень быстро теряли ориентацию и равновесие, натыкались на мебель и стены. Он просто стоял и ждал, когда они в конце концов уберут руки от лица, и тут же стрелял прямо в голову. Или сначала в ногу пониже колена, чтобы они ещё немного поползали.

Но во всей этой игре было много детского. Терялась уйма времени. К тому же после таких забав тела становились абсолютно непригодными для работы. Так что, пресытившись, он окончательно оставил эти игры.

Трём своим жертвам он предлагал подняться наверх и принять душ, а потом сталкивал с лестницы с петлёй на шее. Просто и никаких проблем.

Но с четвёртой случилось непредвиденное, и ему пришлось стрелять в ванной, а потом целый час отмывать пол и стены. Он хорошо запомнил эту девушку, мокрую, с покрытым гусиной кожей телом. Как она задрожала, едва он направил на неё пистолет и взвёл курок! Ему нравилось стрелять из пистолета. Лёгкий щелчок, короткое хи-хи, громкий хлопок — и дело в шляпе.

Мистер Гамб очень любил свой пистолет и знал, за что. Это была великолепная игрушка — «Кольт-Питон» из нержавеющей стали двадцать второго калибра.

Любовно зарядив пистолет, он положил его на стол в мастерской.

Мистеру Гамбу очень хотелось предложить девушке шампунь и приказать вымыть голову, чтобы увидеть, как выглядят её волосы чистыми. Можно было бы посмотреть и поучиться, как женщины ухаживают за своей причёской. Но этот объект был слишком высок и, по всей вероятности, обладал приличной силой. Не стоит рисковать, чтобы потом из-за множества пулевых ранений потерять такой редкий экземпляр.

Нет, лучше принести из ванной лебёдку и предложить ей принять ванну, а когда она обмотается верёвкой, поднять до середины колодца

и несколько раз выстрелить в самый низ позвоночника. Жертва потеряет сознание, а остальное довершит хлороформ.

Правильно, именно так. А сейчас нужно подняться в спальню и раздеться. А потом разбудить Красотку, вместе с ней просмотреть фильм — и приступать к работе. В тёплом подвале он обязательно должен быть голым, голым и покрытым кровью, как в самый первый миг своего рождения.

Поднимаясь по лестнице, он испытывал приятное головокружение. Быстро сбросить одежду и облачиться в халат. Так, теперь кассета.

— Красотка! Кто мне, Красотка! У нас сегодня трудный день. Иди ко мне, крошка.

Нужно запереть её наверху в спальне, пока в подвале не умолкнут крики. Она очень не любит шума и криков и всегда сильно расстраивается. Чтобы она не скучала, Гамб принёс ей из магазина баночку вкусных консервов.

— Красотка!

Пудель не появлялся. Мистер Гамб вышел в холл.

— Красотка!

Заглянул на кухню и спустился в подвал.

— Красотка!

— Она здесь, у меня, сукин ты сын! — вдруг донёсся из колодца голос Кэтрин Мартин.

От страха за Красотку Гамб оцепенел и, сжав кулаками виски, упёрся лбом в дверной косяк, стараясь взять себя в руки. К горлу подступил тошнотворный комок, и из самой глубины души вырвался дикий стон. В ответ, словно из под земли, раздался тихий лай пуделя.

Мистер Гамб кинулся в мастерскую и, схватив пистолет, подбежал к колодцу.

Шпагат, на котором висело ведро, был оборван. Он никак не мог понять, как она умудрилась это сделать. В прошлый раз он решил, что она оборвала шпагат в безумной попытке выбраться наверх. Они все делали такие попытки, они все делали самые невероятные, глупейшие вещи.

Он склонился над открытым люком и, пытаясь говорить спокойно, крикнул:

— Красотка! С тобой всё в порядке? Ответь мне.

Кэтрин незаметно ущипнула пуделя за бок. Собачонка взвизгнула.

— Ну, как тебе это нравится? — крикнула Кэтрин.

Говорить с жертвой в таком духе казалось Гамбу совершенно противоестественным, но он преодолел отвращение.

— Я сейчас спущу ведро и ты посадишь в него пуделя.

— Ты сейчас спустишь мне сюда телефон, или я сверну твоему пуделю шею. Я не желаю ничего плохого ни тебе, ни этому созданию, но мне очень нужен телефон.

Мистер Гамб поднял пистолет. В тусклом свете лампочки Кэтрин увидела направленный на неё ствол. Она сжалась в комок, выставив собаку перед собой, словно пытаясь защититься ею от пули. Гамб взвёл курок.

— Ну, стреляй, сволочь, убей меня быстрее, а то, клянусь Богом, я сверну башку твоему поганому псу.

Кэтрин зажала пуделя под мышкой, а другой рукой схватила его за мордочку.

— А ну-ка быстро отойди, сукин сын!

Красотка заскулила. Пистолет исчез.

Кэтрин смахнула с вспотевшего лба мокрые волосы.

— Я не хотела оскорбить вас, — крикнула она более спокойно. — Просто я хочу, чтобы вы опустили сюда телефон. Мне нужен телефон. Вы можете идти на все четыре стороны, вы мне не нужны, я вас никогда не видела. Не беспокойтесь, я позабочусь о Красотке.

— Нет.

— Я позабочусь, чтобы она ни в чём не нуждалась. Подумайте о её судьбе, а не только о себе. Если вы выстрелите, она в любом случае оглохнет. Всё, что мне нужно, — это всего лишь телефон. Найдите длинный провод, соедините несколько кусков и опустите мне аппарат. Хотите, я отправлю вам вашу собачку самолётом, куда скажете. У нас дома есть собака. Моя мама любит животных. А вы можете убегать, куда хотите, мне нет до вас никакого дела.

— Ты больше не получишь воды, ни капли.

— Значит, она тоже не получит. А из своей бутылки я не дам ей ни глотка. Мне очень жаль, но, по-моему, она сломала лапку. — Это было неправда. Упав на Кэтрин, вместе с ведром, пудель сам расцарапал ей когтями щёку. Поэтому она и не хотела выпускать собаку из рук. Гамб мог сразу заметить, что она не хромает. — Ей очень больно. Лапка вывернулась, и она всё время лижет её. Даже мне больно смотреть, как она мучается. Её надо срочно показать ветеринару.

Яростный, полный отчаяния вопль Гамба заставил собаку снова подать голос.

— Ты думаешь, что больно ей? — крикнул он. — Ты ещё не знаешь, что такое настоящая боль.

Если с ней хоть что-то случится, я оболью тебя кипятком.

Услышав, что он поднимается наверх по лестнице, Кэтрин Мартин тяжело опустилась на пол. Всё тело дрожало мелкой дрожью. Руки тряслись. Она больше не могла держать ни собаку, ни бутылку с водой.

Когда маленький пудель сам забрался к ней на колени, она крепко обняла его, мысленно поблагодарив за тепло.

Глава 50

По коричневой глади воды плыли перья. Мягкие перья, вылетевшие из курятников, унесённые свежим ветром к реке и теперь подрагивающие на лёгких волнах.

Дома на Фелл-стрит, улице, на которой жила когда-то Фредерика Биммел, стояли на самом берегу тихой заводи, образованной рекой Ликинг на окраине Белведера, городка к востоку от Колумбуса, штат Огайо.

Захудалый район, застроенный старыми, большими домами. Некоторые из домов покупали молодые супружеские пары среднего достатка и, наняв строителей, обновляли их, из-за чего все остальные коттеджи казались ещё более старыми. Дом Биммелей никто никогда не обновлял.

Глубоко засунув руки в карманы куртки, Кларис Старлинг стояла на заднем дворе, молча глядя на плывущие по воде перья. В камышах поблёскивали на солнце остатки давно выпавшего снега.

Позади неё отец Фредерики стучал молотком за одним из многочисленных курятников целого птичьего городка, протянувшегося от кромки

воды до самого дома. Кларис ещё не видела мистера Биммеля. Соседи сказали, что он дома. Она заметила, что люди в этих местах не особенно жалуют посторонних.

С ней что-то происходило. Ночью, в тот самый момент, когда она поняла, что должна оставить Академию и отправиться на поиски Буйвола-Билла, из её головы внезапно исчезли все посторонние шумы. Мозг заполнила какая-то странная тишина и спокойствие, хотя где-то в глубине души она чувствовала себя глупой и никчёмной школьницей.

Её уже не трогали никакие мелочи — ни вонь из туалета в самолёте до Колумбуса, ни глупость служащего, выдававшего напрокат автомобили. Она покричала на служащего, чтобы тот пошевелился, но не почувствовала при этом ни привычного раздражения, ни каких-либо других чувств.

Кларис дорого заплатила за сегодняшний день, и хотела использовать его с наибольшей пользой и отдачей. К тому же, все её поиски могли закончиться в любой момент, стоило только кому-то из начальства надавить на Кроуфорда и отобрать у неё временное удостоверение.

Нужно торопиться, но задумываться о том, почему всё произошло именно так, или переживать

за Кэтрин Мартин, значило бы зря потратить этот последний день и просто-напросто загубить время. Стоит только подумать о ней или представить себя на месте Кимберли Эмберг или Фредерики Биммел — и эти переживания тут же вытеснят из головы все остальные мысли.

Ветер утих, поверхность воды тут же сделалась гладкой и мёртвой. У её ног к берегу прибило лёгкое пёрышко. *Держись, Кэтрин.*

Кларис прикусила губу. Если он всё же убьёт её, то пусть хотя бы сделает это профессионально.

Господи, научи нас любить и тревожиться.

И научи нас спокойствию.

Кларис повернулась и направилась к курятнику, из-за которого доносился стук молотка. При её приближении сотни кур всех цветов и размеров вскакивали с земли и торопливо разбегались в разные стороны.

Густав Биммел, отец Фредерики, оказался высоким плотным мужчиной с простоватым лицом и покрасневшими глазами небесно-голубого цвета. Голову украшала натянутая до самых бровей вязаная шапочка. Стоя под навесом, он пилил на козлах какую-то доску.

Когда он попросил Кларис предъявить удостоверение, она уловила исходящий от него запах

водки.

— Не могу сказать вам ничего нового, — проворчал он. — Позавчера вечером ко мне опять приходили из полиции. Хотели сверить все мои показания. Прямо читали мне их и всё допытывались: «Правильно? Правильно?» «Да правильно, — говорю, — чёрт бы вас подрал. Если бы было неправильно, зачем бы мне было всё это говорить ещё в первый раз?»

— Я пытаюсь вычислить, где… вычислить, где похититель мог видеть Фредерику, мистер Биммел. Где он мог приметить её и решить украсть.

— Она поехала на автобусе в Колумбус устраиваться на работу. В магазин. Полиция сказала, что она прошла собеседование. Но домой уже так и не вернулась. Куда она ещё ходила в тот день, Бог его знает. У ФБР есть её кредитка, но в тот день она ничего не покупала. Да вы, наверное, и так всё это знаете.

— Насчёт кредитной карточки — да. Мистер Биммел, скажите, а где все вещи Фредерики, они ещё у вас?

— Её комната наверху.

— Вы позволите мне взглянуть?

Он на минуту замолчал, потом положил молоток на полку и вздохнул:

— Ладно. Пойдёмте со мной.

Глава 51

Кабинет Кроуфорда в вашингтонском управлении ФБР был выкрашен в гнетущий серый цвет, но зато имел большие окна.

Стоя у одного из этих окон и поднеся к свету листок, Кроуфорд пытался прочитать текст, отпечатанный точечным принтером, от которого давным-давно приказал избавиться.

Он приехал сюда прямо из похоронного бюро и был занят всё утро — торопил норвежцев, чтобы те побыстрее разбирались с дентальными отпечатками пропавшего моряка по имени Клаус, звонил в Сан-Диего, прося ускорить проверку знакомых Распейла по консерватории, где тот преподавал, говорил с таможенниками, которые фиксируют нарушения, связанные с перевозкой живых насекомых.

Через пять минут после прихода Кроуфорда на работу, в дверь его кабинета заглянул заместитель директора ФБР Джон Голби:

— Джек, мы все переживаем и сочувствуем тебе. Спасибо, что пришёл на работу. Когда похороны?

— Поминки завтра вечером. А хоронят в суббо-

ту в одиннадцать утра.

Голби понимающе кивнул.

— Джек, мы тут составили некролог. Как лучше написать: Белла или Филлис? Как бы ты хотел?

— Белла, Джон. Пусть будет Белла.

— Могу я чем-то помочь, Джек?

— Нет, Джон, — покачал головой Кроуфорд. — Теперь я намерен только работать.

— Понятно. — Голби выдержал паузу приличия. — Кстати, Фредерик Чилтон попросил Бюро выделить ему личную охрану.

— Превосходно. Слушай, Джон, кто-нибудь из Балтимора беседовал с Эвереттом Йоу, адвокатом Распейла? Я тебе о нём говорил. Очень может быть, что он знает что-нибудь о друзьях Распейла.

— Да, как раз сегодня утром им начали заниматься. Я послал Барроуза проконтролировать. Директор объявил Лектера в самый экстренный розыск, как особо опасного… Джек, если тебе понадобится какая-то помощь… — Голби вскинул брови и исчез за дверью.

Если тебе понадобится какая-то помощь.

Кроуфорд повернулся к окну. Из его кабинета открывался великолепный вид. Прямо напротив возвышалось красивое старинное здание почтам-

та. Слева виднелась крыша старого управления ФБР. По окончании Академии он вместе с остальными выпускниками побывал в кабинете самого Дж. Эдгара Гувера. Старик стоял на небольшом возвышении и по очереди пожимал всем руки. Это был единственный раз, когда Кроуфорд своими глазами увидел этого великого человека. А на следующий день он женился на Бёлле.

Они познакомились в Италии, в Ливорно. Он служил в армии, а она работала машинисткой в штабе НАТО и ещё носила имя Филлис. Как-то они гуляли по набережной, и кто-то из плывущей по сверкающей глади воды лодки по ошибке крикнул ей «Белла». С тех пор она навсегда осталась для него Беллой, становясь Филлис лишь в короткие минуты ссор.

И вот теперь Беллы нет, но её смерть не изменила вид из этих окон. Разве справедливо, что этот вид так и остался прежним? *Умерла. Господи, маленькая моя девочка. Я же знал, что это должно произойти, но никогда не думал, что будет так тяжело.*

Что они там говорят об обязательной отставке в пятьдесят пять лет? Ты начинаешь всей душой любить Бюро, но оно никогда не полюбит тебя. Он уже убедился в этом.

Слава Богу, с Беллой всё было по-другому. Он искренне надеялся, что сейчас она наконец-то обрела мир и покой. Надеялся, что она видит сейчас всю боль, которой переполнена его душа.

На столе зазвонил телефон.

— Мистер Кроуфорд, — раздался в трубке голос секретарши. — С вами хочет поговорить доктор Дэниелсон из…

— Хорошо, соедините. — Короткий щелчок. — Джек Кроуфорд у телефона, доктор Дэниелсон. Слушаю вас.

— Мистер Кроуфорд, это линия не прослушивается?

— Нет, доктор. По крайней мере на этом конце.

— Магнитофон вы не включили?

— Нет. Говорите, что у вас, доктор Дэниелсон.

— Я хотел бы сразу подчеркнуть, что этот человек не имеет никакого отношения к пациентам клиники Джонса Хопкинса.

— Понятно.

— Если из этого что-то получится, вы должны объявить прессе, что он никогда не был транссексуалом и не имел никакой связи с нашим центром.

— Хорошо. Обещаю.

Ну, давай же, говори, не тяни кота за хвост,

старый козёл.

— Он так орал на нашего доктора Пурваса.

— Кто «он», доктор Дэниелсон?

— Три года назад он обращался в клинику под именем Джона Гранта из Харрисберга, штат Пенсильвания.

— Опишите его.

— Белый мужчина, тогда ему был тридцать один год. Рост сто восемьдесят три сантиметра, вес восемьдесят пять килограммов. Он начал проходить тестирование, успешно справился с программой Вехслера, но психологический анализ и собеседование дали совершенно противоположные результаты. В общем, результаты теста «Дом-дерево-человек» в точности совпадают с теми признаками, что вы мне дали. Тогда вы ещё сказали, что это теория доктора Алана Блума, но на самом деле эти признаки вам дал Ганнибал Лектер, не так ли?

— Давайте дальше о Гранте, доктор.

— В общем, комиссия в любом случае отказала бы ему в операции. Но к тому моменту, когда мы должны были обсуждать его кандидатуру, вопрос отпал сам собой из-за его прошлого.

— То есть?

— Мы всегда связываемся с полицией того горо-

да, откуда родом наш пациент. Так вот оказалось, что в Хоррисберге его уже давно разыскивают за два нападения на гомосексуалистов. Последний просто чудом остался в живых. Он дал нам адрес, оказавшийся меблированными комнатами, в которых он время от времени останавливался. Полиция сняла там его отпечатки и нашла кредитку на бензин с номером водительских прав. И выяснилось, что его зовут вовсе не Джон Грант, он просто обманул нас. А через неделю он подловил у входа в клинику бедного доктора Пурвиса и чуть не разорвал его от злости.

— Так как его настоящее имя, доктор Дэниелсон?

— Я лучше продиктую по буквам, записывайте:

Д-Ж-Е-Й-М Г-А-М-Б.

Глава 52

Мрачный трёхэтажный дом Фредерики Биммел был покрыт рубероидом. Давным-давно забившиеся жестяные желоба и водосточные трубы проржавели. В одном из желобов проросли занесённые ветром семена дикого клёна. Окна с северной стороны были заколочены листами пластика.

В небольшой прихожей, очень тёплой от включённого обогревателя, прямо на ковре сидела женщина средних лет, вяло играя с крошечным малышом.

— Моя жена, — бросил мистер Биммел, проходя мимо. — Мы поженились на Рождество.

— Здравствуйте, — кивнула Кларис.

Женщина посмотрела в её сторону и растерянно улыбнулась.

В большом холле и других комнатах оказалось довольно холодно. Повсюду стояли упакованные коробки с одеждой, постельным бельём и посудой, валялись связки старых журналов, теннисные ракетки, мишени для игры в дротики, корзины с пластмассовыми тарелками и стакана-

ми, сложенные и перевязанные верёвкой чехлы для автомобиля — всё насквозь провонявшее плесенью и мышами.

— Мы скоро переезжаем, — пояснил мистер Биммел.

Те коробки, которые стояли у окна, успели уже выгореть на солнце и раздуться от сырости и старости. В местах, где между стопками ящиков и коробок оставался проход, ковры облысели и протёрлись до дыр. Вечный переезд.

Следуя за отцом Фредерики, Кларис поднялась по лестнице. На перилах играли солнечные блики. В помещении одежда мистера Биммела пахла гнилью. Кларис подняла голову и увидела, что солнечные блики падают сквозь дырявую крышу над лестничной площадкой. Маленькая комната Фредерики находилась на третьем этаже, под самой крышей.

— Я вам ещё нужен?

— Позже я бы хотела немного побеседовать с вами, мистер Биммел. Скажите, а что случилось с матерью Фредерики?

В деле стояло только одно короткое слово «скончалась», но не было написано, когда.

— Что значит «что случилось»? Она умерла, когда Фредерике было двенадцать лет.

— Понятно.

— А вы подумали, что её мать — это та, что там, внизу? Я же сказал вам, мы поженились только на это Рождество. Она никогда даже не видела Фредерику.

— Мистер Биммел, в комнате вашей дочери всё осталось, как прежде?

— Да. Мы не заходим туда с того самого дня. Все вещи на месте, да и не многим они подойдут. Если хотите, можете включить обогреватель. Только не забудьте выключить, когда будете уходить.

Очевидно, он и сейчас не собирался заходить в комнату дочери, потому что тут же развернулся и пошёл вниз.

Несколько секунд Кларис стояла у двери, держась рукой за холодную фарфоровую ручку. Прежде чем проникнуть во внутренний мир Фредерики, нужно было немного настроиться.

Итак, Буйвол Билл разделался с ней первой, а потом привязал к телу груз и утопил в реке подальше от дома. Он упрятал её намного лучше всех остальных — к ней единственной был привязан груз — потому, что хотел, чтобы тех, остальных, обнаружили раньше. Хотел, чтобы ещё до того, как отыщется труп Фредерики, полиция уверилась в беспорядочности выбора

жертв на территории всей страны. Ему было очень важно отвлечь внимание от Белведера. Почему? Потому что именно здесь или где-то поблизости он и живёт.

Он начал с Фредерики, потому что ему не давала покоя её кожа. Наши желания и мечты никогда не начинаются с чего-то абстрактного и воображаемого. Страсть есть самый конкретный человеческий грех — мы всегда начинаем желать чего-то реального, чего-то, что видим каждый день. Он тоже видел Фредерику постоянно. Он видел её постоянно.

Каким же образом он мог видеть её постоянно? Ладно, посмотрим…

Кларис открыла дверь. Вот она, эта тихая комната, холодная и слегка пахнущая плесенью. Прошлогодний календарь на стене показывает вечный апрель. Фредерика мертва уже десять месяцев.

В миске в углу комнаты — чёрствая, потемневшая от времени еда для кошки.

Кларис остановилась в центре комнаты и огляделась. Учитывая достаточно ограниченный выбор возможностей, Фредерика создала себе довольно милое и уютное жилище. Окна украшают шторы из цветастого ситца. Судя по закруглён-

ным краям, она сшила их из старых кроватных накидок.

На стене — приколотая булавкой лента с золотистой надписью «БХС-бэнд». Рядом — плакаты Мадонны и «Блонди». На полке над письменным столом Кларис заметила рулон ярких самоклеющихся обоев, которыми Фредерика оклеила стены. Не очень-то сложная работа, но выполнена аккуратно, намного аккуратнее, чем получилось у самой Кларис, когда ей впервые в жизни пришлось оклеивать комнату.

По сравнению со всем остальным домом, комната девушки выглядела довольно мило, хотя и немного кричаще. На фоне мрачного уныния нижних этажей Кларис уловила в ней едва заметное эхо отчаяния.

Фотографий самой Фредерики видно не было.

Старлинг нашла один снимок в лежащем на полке ежегоднике. Хор, клуб «Домашний экономист», курсы шитья, оркестр — обычные школьные кружки.

Под некоторыми фотографиями одноклассников — подписи. «Лучшей подружке», «Классной девчонке», «Моему помощнику по химии», и, наконец, «Помнишь, как вместе торговали булочками?!»

Могла ли Фредерика приводить сюда друзей? Был ли у неё какой-нибудь близкий человек, которого она осмеливалась водить по этой лестнице, под каплями дождя из дыр в прохудившейся крыше? Возле двери — зонтик.

Общая фотография оркестра «БХС-бэнд». Фредерика в переднем ряду. Крупная и полная, но форма ей идёт больше, чем многим другим. Крупная девушка с великолепной кожей. Взятые вместе её неправильные черты превращаются в приятное лицо, но с обычной точки зрения привлекательной её назвать нельзя.

Кимберли Эмберг тоже нельзя назвать красавицей, как, впрочем, и двух других девушек. Нет, мальчишки-одноклассники явно не находили их привлекательными.

Кэтрин Мартин же, наоборот, покажется красивой любому — эффектная молодая женщина, которой к тридцати годам наверняка придётся бороться с полнотой.

Всё так, но нельзя забывать, что он никогда не смотрел на женщин глазами мужчины. На общепринятую привлекательность ему наплевать. Ему важно только, чтобы они были крупными и имели гладкую кожу.

Кларис ясно представила себе руки Фредери-

ки, листающие ежегодник, представила всё её крупное тело, фигуру, лицо, большие круглые груди, толстый живот, мясистые ноги. Что же в её внешности могло привлекать убийцу?

Кларис оглядела себя в большое зеркало на стене. Хорошо, что она выглядит совсем не так, как Фредерика. Хотя, с другой стороны, именно из-за этой разницы она и не может до конца поставить себя на её место. Что же ещё можно понять об этой девушке?

Как хотела выглядеть Фредерика? К чему стремилась, как этого добивалась? Что пыталась делать со своей внешностью?

Вот несколько рецептов и графиков различных диет: фруктовая, рисовая и ещё одна, совершенно идиотская, где нельзя пить во время и сразу после еды.

Группы диетического питания для желающих похудеть — может, Буйвол-Билл искал своих жертв в этих группах? Трудно проверить. Судя по делу, только две девушки состояли в списках членов таких групп. Агент из отделения ФБР в Канзас-Сити, в шутку называемого «Бюро толстяков», и несколько полных полицейских уже ходили по различным клубам, группам и центрам похудения тех городов и посёлков, где жили

жертвы Буйвола-Билла. Состояла ли членом одной из таких групп Кэтрин Мартин? Это пока неизвестно. Что же касается Фредерики, то для неё такое членство наверняка было невозможно из-за чисто финансовых проблем.

На столе девушки лежало несколько номеров журнала «Пышная красавица» — специального издания для крупных женщин.

«Приезжайте в Нью-Йорк, — приглашали объявления. — Только здесь вы можете встретить гостей из тех стран, где ваши размеры считаются гордостью каждой женщины». Неплохо. А вот и совершенно противоположное: «Покупайте туры в Италию и Германию, где ваши формы сразу же привлекут внимание мужчин. Вам не придётся скучать в одиночестве». Смотри ты! Вот, оказывается, что надо делать, когда ноги не влазят ни в одни туфли. Ох ты, Господи. Значит, всё, что было нужно Фредерике — это повстречать Буйвола-Билла, который по достоинству оценит её пышные формы.

Как же Фредерика пыталась привлечь внимание такого мужчины-ценителя? На полках не очень много косметики, зато большое количество кремов и лосьонов для ухода за кожей. Молодец, используй свой козырь. Кларис замети-

ла, что начала мысленно одобрять или осуждать Фредерику, как будто сейчас это имело какое-то значение.

В коробке из-под сигар — старые, потёртые украшения. Золотая булавка, скорее всего принадлежащая ещё матери. Подражая Мадонне, она пыталась отрезать пальцы у старых перчаток, но они всё равно оказались малы для неё.

В углу стоит старый монофонический проигрыватель выпуска пятидесятых годов. Несколько пластинок с лёгкой музыкой.

Включив свет и открыв шкаф, Кларис была поражена гардеробом Фредерики. Великолепные платья, не очень много, но вполне достаточно для учёбы, работы и прогулки. Кларис окинула беглым взглядом швы и сразу всё поняла. Фредерика шила их сама, причём шила очень аккуратно, тщательно обрабатывая каждый шов, внимательно относясь к малейшей детали. На верхней полке свёрнуто множество разных выкроек. Некоторые довольно просты, но есть и сложные, по моделям из журнала «Вог».

Скорее всего, в Колумбус она отправилась в своём самом лучшем наряде. Что же на ней было? Кларис быстро пролистала дело. Ага, вот: «последний раз её видели в зелёной одежде». Молодцы

ребята, это ж надо было додуматься так написать: «в зелёной одежде». Что же это за одежда такая?

У Фредерики наверняка были проблемы с обувью. Трудно подобрать что-нибудь подходящее при такой комплекции, да ещё если вечно не хватает денег. Все лежащие в шкафу туфли — со стоптанными каблуками. Естественно, нелегко удержать такой вес. Сандалии с вырванной с корнем застёжкой. Кроссовки с растянутыми дырочками для шнурков.

Может, Фредерика немного тренировалась? В шкафу лежит несколько тренировочных костюмов.

Произведены фирмой «Джуно».

У Кэтрин Мартин тоже были костюмы фирмы «Джуно».

Кларис села на край кровати, положила руки на камин и ещё раз задумчиво посмотрела в открытый шкаф.

«Джуно» — известная фирма, её изделия продаются во многих магазинах по всей стране. Но она натолкнула Кларис на несколько другую мысль. В каждом большом и маленьком городе имеется хотя бы один магазин для крупных и полных людей.

Может, Буйвол-Билл следил за этими ма-

газинами, выбирал там себе жертву и потом преследовал её?

Ходил ли он в эти магазины, переодевшись женщиной или голубым? В любом городе подобные магазины всегда обслуживают и трансвеститов, и гомосексуалистов.

Версия о том, что Буйвол-Билл может иметь желание изменить свой пол, начала разрабатываться совсем недавно, только после того, как доктор Лектер поделился с Кларис своей теорией. Что же можно сказать по поводу его одежды?

Все жертвы наверняка одевались в магазинах для полных. Кэтрин Мартин ещё могла покупать вещи в обычных магазинах, но все остальные — нет. Но и Кэтрин должна была идти в магазин для полных, чтобы купить свободный тренировочный костюм.

Кэтрин — самая маленькая из жертв. Фредерика, первая — самая крупная. Почему же Буйвол-Билл так «уменьшил» размер своих избранниц, что докатился до такой маленькой, как Кэтрин? У неё большие пышные груди, но тело совсем не крупное. Может, он начал худеть сам? Тоже подался в группу диетчиков? Кимберли Эмберг по размерам стоит где-то в середине. Тоже крупная, но с хорошо выраженной талией…

Кларис специально избегала думать о Кимберли Эмберг, но воспоминания вдруг нахлынули сами по себе. Она снова ясно увидела труп, лежащий на столе в Поттере. Буйволу-Биллу было наплевать на её очищенные от волос ноги, он обратил внимание только на её плоскую грудь, которая показалась ему настолько некрасивой, что он взял пистолет и добавил ей ещё одно украшение — рваную дыру в виде звезды.

Дверь в комнату неожиданно приоткрылась, и прежде, чем Кларис успела оглянуться, сердце подпрыгнуло и забилось частыми, глухими ударами. В комнату вошёл кот, огромный кот черепахового окраса с разноцветными глазами: золотисто-жёлтым и голубым. Он запрыгнул на кровать и потёрся о ногу Кларис. Кот искал Фредерику.

Одиночество. Крупные одинокие девушки пытались быть кому-то нужными.

Полиция ещё на первых стадиях расследования исключила линию клубов для одиноких сердец. Был ли у Буйвола-Билла какой-нибудь другой способ отвлечься от одиночества? Ничто не делает нас такими ранимыми и уязвимыми, как одиночество. Ничто, кроме, пожалуй, жадности.

Одиночество могло позволить Буйволу-Биллу

познакомиться с Фредерикой, но не с Кэтрин. Кэтрин была отнюдь не одинокой.

Бедняжка Кимберли тоже была одинокой. *Не заводись.* Сестрёнка Кимберли, податливая и безвольная, перевёрнутая на столе, чтобы с неё было удобнее снимать отпечатки. *Перестань. Не могу перестать.* Одинокая Кимберли. Переворачивалась ли она когда-нибудь так же податливо, чтобы ощутить спиной биение чьего-то сердца? Интересно, чувствовала ли она хоть раз жёсткие мужские усы, покалывающие кожу между лопаток?..

Кларис вскочила с кровати и метнулась к шкафу. Точно такие же треугольники кожи, какие Буйвол-Билл вырезал на плечах Кимберли, были нарисованы толстым синим пунктиром на одной из выкроек. Мысль вылетела, покружилась и пришла снова, приблизившись настолько, что Кларис смогла вцепиться в неё мёртвой хваткой. Сердце взволнованно заколотилось.

ЭТО
ЖЕ ВСТАВКИ! ОН ВЫРЕЗАЛ ЭТИ ТРЕУГОЛЬНИКИ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ВСТАВКИ И РАСШИРИТЬ ТАЛИЮ! ЭТА СВОЛОЧЬ УМЕЕТ ШИТЬ! БУЙВОЛ-БИЛЛ — ХОРОШИЙ ПОРТНОЙ, А НЕ ПРОСТО ОХОТНИК ЗА ГОТОВЫМИ НАРЯДАМИ.

Что там говорил доктор Лектер? «Он шьёт себе женские наряды из самих женщин». А что он у меня спрашивал? «Вы умеете шить, Кларис?» Умею! Умею, чёрт бы тебя побрал!

Кларис запрокинула голову и закрыла глаза. Охота! Дикое, первобытное наслаждение, для которого рождены мы все.

На веранде она, кажется, видела телефон. Кларис побежала по ступенькам вниз, чтобы позвонить, но в ту же секунду снизу раздался тонкий голос миссис Биммел, зовущий её к телефону.

Глава 53

Миссис Биммел подала Кларис трубку и подхватила на руки хныкающего малыша. Но с веранды не ушла.

— Кларис Старлинг слушает.

— Это Джерри Барроуз. Старлинг…

— Хорошо, что позвонили, Джерри, слушайте, по всей вероятности Буйвол-Билл умеет шить. Он срезал треугольники… Одну минуту… Миссис Биммел, можно попросить вас взять ребёнка и выйти на кухню? Спасибо… Так вот, Джерри, он умеет шить. Он срезал…

— Старлинг…

— Он срезал треугольники кожи с плеч Кимберли Эмберг, чтобы сделать вставки, вставки на талию, понимаете, что я говорю? Он хороший портной, он в самом деле шьёт настоящую одежду, а не просто обматывается их кожей, как дикарь. Отдел идентификации должен поискать в своей картотеке портных, закройщиков, модельеров и всё в этом роде…

— Хорошо, хорошо, хорошо. Я уже отбиваю телекс отделу идентификации. А теперь послу-

шайте меня, только быстро, меня могут оттащить от телефона в любую минуту. Джек попросил меня вкратце ввести вас в курс дела. У нас есть подозреваемый. Имя и адрес. С базы Эндрюс уже вылетела спецгруппа по освобождению заложников. Джек как раз сейчас связался с самолётом и инструктирует их прямо по дороге.

— Куда вылетели?

— В Кальюмет-Сити, это пригород Чикаго. Его зовут Джейм, повторяю: Д-ж-е-й-м, фамилия Гамб, Г-а-м-б, часто называется именем Джона Гранта. Белый, тридцать четыре года, восемьдесят пять килограммов, сто восемьдесят три сантиметра, тёмные волосы, голубые глаза. Джеку позвонили из центра Джонса Хопкинса. Ваши признаки, по которым он отличается от настоящего транссексуала, вызвали в клинике всеобщий восторг. Профессионально сработано. Он действительно обращался туда насчёт операции. Три года назад. А когда ему отказали, чуть не растерзал врача. В клинике знали его вымышленное имя и адрес меблированных комнат в Харрисберге, штат Пенсильвания, где он иногда останавливался. Полиция нашла там талон на бензин с номером прав, с них и начали плясать. Оказалось, в двенадцать лет этот парень привлекался как ма-

лолетка — угрохал своих деда с бабкой. Шесть лет просидел в дурдоме, а когда выпустили, надолго исчез. А потом уделал двух голубых в Харрисберге и опять пропал.

— Вы сказали, в Чикаго. Откуда вы узнали?

— Таможня. У них сохранились кое-какие бумаги на Джона Гранта. Пару лет назад они задержали посылку из Суринама — посылку с живыми коконами, или куколками, как они там называются? Короче, внутри ночные бабочки. И адрес фирмы «Мистер Хайд» в Кальюмет-Сити. Эта фирма мистера Хайда выпускает изделия из кожи. Может, именно в этом плане он как-то связан с шитьём. Я ещё передам насчёт шитья в Чикаго и Кальюмет-Сити. Пока домашнего адреса Гранта или Гамба нет. Но мы уже у цели.

— Снимков нет?

— Только в двенадцатилетнем возрасте, когда он привлекался. Но толку от них мало, он там совсем ещё пацан. Похож на Гекльберри Финна.

— Можно мне приехать?

— Нет. Джек так и знал, что вы попроситесь. Они берут двух женщин-полицейских из Чикаго и ещё медсестру, чтобы позаботилась о Мартин, если она ещё… Вы всё равно не успеете долететь.

— А если он забаррикадируется и начнёт ста-

вить условия? Это займёт…

— Мы не собираемся с ним долго церемониться. Как только найдут — сразу атакуют. Кроуфорд распорядился взорвать входную дверь. С этим парнем нельзя вести переговоры, Старлинг. Дело в том, что он однажды уже побывал в такой ситуации. Когда отдел по борьбе с подростковой преступностью приехал брать его в Сакраменто, он забаррикадировался в доме и держал заложницей собственную бабку — деда уже успел прихлопнуть. Потом заявил, что нам просто повезло. Сказал, что он мог бы обставить всё дело по-другому и оставить нас с носом. Так что если сейчас он увидит, что мы приехали за ним, начнёт разделывать её прямо у нас на глазах. Ему нечего терять, правильно? Поэтому, как только они его найдут — бабах! — и дверей нету.

На веранде было ужасно жарко и пахло детской мочой.

Барроуз продолжал:

— Мы ищем оба имени в списках подписчиков на энтомологические журналы, среди мастеров по изготовлению ножей, уже известных преступников, портных — всех на ноги подняли. Вы сейчас прорабатываете линию знакомых Биммел, да?

— Да.

— Министерство юстиции заявляет, что будет плохо, если мы не поймаем его с уликами. Нужно найти у него Мартин или хоть что-то, что говорило бы о его преступлениях. Само собой, если он уже успел утопить Мартин, понадобятся свидетели его связи с жертвой до факта убийства. Так что можно будет использовать хотя бы тот материал, что вы соберёте по Биммел… Честное слово, Старлинг, я, наверное, больше, чем сама Мартин, хотел бы, чтобы всё это происходило вчера. В Куонтико уже послали телегу о вашем отчислении?

— Наверное. Мне сказали, что возьмут на моё место кого-нибудь другого, кто был отчислен раньше и ждал своей очереди.

— Если мы схватим его в Чикаго, в этом будет и ваша заслуга. Конечно, они там в Куонтико все крутые, как и положено, но им *придётся* это заметить. Подождите минуту.

Кларис услышала, как Барроуз обменялся с кем-то приглушёнными репликами и снова взял трубку:

— Ничего — они прибывают в Кальюмет-Сити через сорок-сорок пять минут. На всякий случай туда выехала ещё и группа захвата из Чикаго.

У нас уже есть четыре возможных адреса. Старлинг, постарайтесь найти хоть что-нибудь, чтобы сузить круг поисков. Как только найдёте что-то по Чикаго или Кальюмет-Сити, тут же звоните.

— Ясно.

— А теперь ещё одно — и я побежал. Если всё удастся, если мы возьмём его в Кальюмет-Сити, чистите пёрышки и восьмичасовым рейсом дуйте в Куонтико. Джек пойдёт с вами по начальству. Вместе с Брайэмом. Попытка не пытка.

— Слушайте, Джерри, у Фредерики Биммел есть несколько тренировочных костюмов фирмы «Джуно». У Кэтрин Мартин тоже. Он вполне может подбирать себе жертв в магазинах для полных. Можно запросить Мемфис, Акрон и всех остальных.

— Понял. Ну, всё, держите хвост пистолетом.

Кларис вышла во двор. Вот тебе и Белведер, штат Огайо. Оказалась в целых шестистах километрах от далёкого Чикаго, где сейчас начинается самое интересное.

Прохладный ветер приятно обдувал лицо. Она яростно рубанула ладонью воздух, словно желая помочь спецгруппе по освобождению заложников. Щека и челюсть чуть подрагивали. Это ещё что за новости? Так, ладно. Интересно, а что бы

она сделала, если бы сама нашла убийцу? Да что тут к чёрту думать! Позвонила бы оперативникам в Кливленд, вызвала группу захвата из Колумбуса, быстро связалась с местной полицией.

Не о том думаешь, крошка.

Спасение девушки, спасение дочери сенатора (глаза б мои её не видели!) Мартин и всех остальных, которые могут быть после — вот что главное. Если им удастся это, то всё в порядке. Если же они опоздают, если увидят там что-то ужасное, пусть они хотя бы возьмут Буйво… возьмут Джейма Гамба или мистера Хайда, или кто он там такой, этот проклятый маньяк.

И всё же, подойти так близко к разгадке, положить руку на горло убийцы и осознать, что никак не сможешь поучаствовать в его задержании, да к тому же ещё и вылететь из Академии — нет, всё это не особенно приятно.

Хотя, если они поймают его благодаря списку тех признаков, которые выдал ей доктор Лектер, это должно помочь ей разобраться с министерством юстиции. Об этом тоже нужно подумать. Сейчас все её надежды на карьеру дрожат, как никогда. Дрожат как осиновый лист. Как насмерть перепуганный ягнёнок.

Но что бы ни произошло, осознавать, что ты са-

ма додумалась до такой сложной мысли, как эти треугольники-вставки, уже само по себе приятно. И нужно не забывать об этом.

А сейчас её задача, её обязанность — думать о Фредерике и о том, как Гамб смог похитить её.

Нужно думать о Фредерике. В чём она могла искать выход из одиночества? Неужели её одиночество попало в резонанс с одиночеством Буйвола-Билла? Неужели это и сблизило их? Неужели он смог понять её переживания, зная их по собственному опыту? Понять, а потом взять и содрать с неё кожу?

Кларис остановилась у самой кромки воды. У каждого места есть такое время суток, когда благодаря углу и силе солнечного света оно выглядит особенно красиво. Если живёшь где-то постоянно, то очень скоро узнаешь это время и ждёшь его наступления. Река Ликинг, текущая за Фелл-стрит, очевидно, выглядела лучше всего именно в этот час. Наверное, это было время, когда Фредерика Биммел предавалась своим девичьим мечтам. Под бледным солнцем над рекой поднималось лёгкое марево. Прохладный северо-восточный ветерок гнал прямо на солнце белые облака.

От навеса за курятниками прямо к реке спускалась белая пластиковая труба. Внутри её что-то

зажурчало — и наружу, окрашивая слежавшийся снег, вырвался поток окровавленной воды. В лучах солнца из-за курятника появился мистер Биммел. Брюки были забрызганы кровью. В пластмассовом ведре он нёс какие-то розовые и серые комочки.

— Молоденькие цыплятки, — пояснил он, заметив вопросительный взгляд девушки. — Пробовали когда-нибудь?

— Нет, — покачала головой Кларис и отвернулась к воде. — Скажите, мистер Биммел, у Фредерики были знакомые из Кальюмет-Сити или других пригородов Чикаго?

Он пожал плечами и отрицательно покачал головой.

— А вы не в курсе, она когда-нибудь ездила в Чикаго?

— Что значит «вы не в курсе»? Хотите сказать, что моя дочь могла ездить в Чикаго, а я об этом не знал? Да она без моего ведома даже в Колумбус не выезжала.

— А у неё были знакомые портные, закройщики или что-нибудь в этом роде?

— Она сама всем наряды шила. Мастерица была, прямо как мать-покойница. Для магазинов шила. И для дамочек разных. А знакомые… Нет,

знакомых портных что-то не припомню.

— Кто была её лучшая подруга, мистер Биммел? С кем она проводила время, шлялась по городу?

Господи, откуда ты только слова такие берёшь? Шлялась. Хорошо, что он не обратил внимания. Сам, наверное, ещё похлеще выражается.

— Она никогда не шлялась просто так, без дела. Всегда какую-нибудь работу себе находила. Бог не дал ей красоты, зато наградил трудолюбием.

— Так кто, вы сказали, была её лучшая подруга?

— Стейси Хубка, как мне кажется. Они с самого детства дружили. Правда, мама Фредерики говорила, что Стейси таскает её за собой, как прислугу. Бог их разберёт, этих девчонок.

— А вы не знаете, где я могу её найти?

— Она в страховом агентстве работала. По-моему, и сейчас работает. Страховая контора Франклина.

Опустив голову и засунув руки в карманы, Кларис зашагала через двор к машине. Из окна на третьем этаже за ней внимательно следил кот.

Глава 54

Чем глубже на запад, тем больший эффект на окружающих производит слово «ФБР». Удостоверение Кларис, которое в Вашингтоне едва ли могло бы заставить кого-то даже устало приподнять бровь, вызвало у шефа Стейси Хубка в страховом агентстве Франклина моментальную реакцию. Он лично заменил девушку на её рабочем месте и предоставил для разговора свой кабинет.

У Стейси Хубка было круглое миленькое личико и длинные волосы, заколотые полукруглым гребнем «Шер Боне». Даже на каблуках она была не выше метра шестидесяти. Как только Кларис отворачивалась или опускала голову, она тут же принималась жадно разглядывать её с ног до головы.

— Стейси… Можно я буду называть вас Стейси?

— Конечно.

— Стейси, я бы хотела, чтобы вы рассказали мне, как, на ваш взгляд, всё это могло произойти с Фредерикой Биммел? Где этот человек мог её приметить?

— Боже, я чуть с ума тогда не сошла! Подумать только, содрать с неё кожу! Говорят, когда её нашли, она была…

— Стейси, она никогда не упоминала каких-либо знакомых из Чикаго или Кальюмет-Сити?

Кальюмет-Сити. Кларис беспокойно взглянула на висящие над головой Стейси часы. Если спецгруппа по освобождению заложников приземлится вовремя, то до посадки осталось всего десять минут. Нашли ли более-менее точный адрес? Занимайся своим делом.

— Из Чикаго? — вскинула брови Стейси. — Нет. Да мы и были-то там всего один раз. Маршировали с оркестром на параде в День Благодарения.

— Когда?

— В восьмом классе, когда это было?.. Да, девять лет назад. Но нас привезли туда, выпустили помаршировать, а потом тут же загнали в автобус.

— А что вам пришло в голову, когда прошлой весной вы узнали, что она сначала просто исчезла?

— Да я и не знала об этом.

— Помните, где вы были, когда услышали эту новость? Когда вы её услышали? И о чём сразу же подумали?

— В первый вечер после того, как она пропала,

мы со Скипом были на концерте, а потом зашли в бар к мистеру Тоду выпить по рюмочке, а Пам, этот, Пам Малавси, подошёл и сказал, что исчезла Фредерика. Скип ещё пошутил, что даже Гудини не сможет сделать так, чтобы Фредерика исчезла. А потом начал всем объяснять, кто такой Гудини, он вечно любит показывать, что много всего знает, ну, и в общем, мы отвлеклись, и всё это как-то вылетело из головы. Честно говоря, я подумала тогда, что она просто поругалась со своим папашей. Вы видели, какой у неё дом? Ну и дыра! Ей всегда было стыдно пригласить кого-нибудь в гости. Вы бы, наверное, тоже сбежали из такой халупы.

— А вы не подумали, что она могла сбежать с *кем-нибудь!* Никакой парень не пришёл вам на ум?

— Да, Скип тоже сказал, что, наверное, она нашла себе хахаля. Но я знаю, что у неё никогда не было парня. Был один приятель, но это уже давняя история. Он учился в десятом и тоже играл в оркестре. Я сказала «приятель», но это было так, они просто разговаривали, смеялись, хихикали, как две подружки, да делали вместе уроки. Он был изнеженным, маменькиным сынком, и кепочку такую носил, знаете, с помпончиком, как у

греческих моряков. Скип говорил, что он этот, ну в общем, голубой. Над ней ещё смеялись, что она ходит с голубым. Но потом он вместе с сестрой разбился на машине. С тех пор у неё никогда никого не было.

— А что вы подумали, когда она не вернулась?

— Пам сказал, что, может, какие-нибудь алкаши её украли, не знаю, я так сильно тогда перепугалась, на улицу без Скипа боялась выйти, особенно вечером. Я ещё сказала ему: «Запомни, парень, теперь когда садится солнце, по улице ходим только вместе».

— Вы никогда не слышали, чтобы она упоминала такие имена как Джейм Гамб или Джон Грант?

— Хм… Да нет. Вроде не припомню.

— А как вы думаете, мог у неё быть приятель, о котором вы не знали? Ведь бывали же какие-то промежутки времени, когда вы не встречались?

— Нет. Если бы у неё кто-то был, я бы первая узнала. У неё не было парня. Точно.

— Но если предположить, что она познакомилась с кем-нибудь и решила ничего не говорить, а сохранить дело в секрете?

— С какой бы стати ей это понадобилось?

— Ну, может, боялась, что над ней опять будут

смеяться?

— Кто, мы? Это вы вспомнили тот случай с голубым из школы? — Стейси покраснела. — Нет, мы никогда её не обижали. Просто это я так вспомнила, всё вместе. Она же… Нет, когда он погиб, все её потом очень жалели.

— Вы работали с Фредерикой, Стейси?

— Во время школьных каникул я, она, Пам Малавси и Джаронда Эскью обычно подрабатывали в разных ларьках Торгового Центра. А потом мы с Памом решили попробовать попроситься на работу в «Ричардс». Ну, и в общем, нас приняли, и Пам сказал Фредерике, что она тоже может прийти, им нужна ещё одна девушка — продавец. Фредерика, конечно, с радостью прибежала, но миссис Бердайн, ну, это директор магазина, говорит: «Знаешь, Фредерика, нам нужна девушка, на которую покупатели могут равняться, чтобы они приходили в магазин и говорили: я хочу быть похожей на неё, а ты бы давала им советы, какое платье выбрать. Так что, если ты возьмёшься за себя и похудеешь, я всегда с радостью возьму тебя». А потом и заявляет: «А пока, если хочешь, я могу поговорить с миссис Липпман, чтобы она взяла тебя к себе в ученицы подгонять и перешивать наши платья». И всё это таким елейным

голоском, прямо куда там, а потом оказалась натуральной стервой. Но сначала никто из нас не раскусил её.

— И Фредерика согласилась и начала перешивать и подгонять платья для магазина «Ричардс», где вы работали?

— Ей, конечно, было неприятно всё это слушать, но потом она согласилась. Старая миссис Липпман перешивала все платья для «Ричардса», так что работы у неё было по самые уши. Ну и Фредерика начала помогать ей. Эта миссис Липпман умудрялась ещё и сама на заказ шить, а заказов тоже было сколько влезет. Когда она окончательно состарилась и уволилась из магазина, её сын или внук, или кто он там был, который с ней жил, не захотел этим заниматься, и вся работа перешла Фредерике, вместе с клиентами. Ох, и вкалывала же она! Целыми днями только и делала, что шила. Иногда встретит меня с Памом, завалимся все к нему домой, включим видик и балдеем, а она обязательно вытащит из сумки какое-нибудь платье и шьёт, шьёт.

— Фредерика когда-нибудь приходила в магазин снять мерки с покупателей, которым нужно было подгонять одежду? Или ещё каким-то образом встречалась с покупателями и вообще с

посетителями?

— Иногда, но не очень-то часто. Да и я не всегда видела — я ведь не каждый день работала.

— А миссис Бердайн? Она работала каждый день? Может, она знает?

— Да, наверное.

— Фредерика никогда не говорила, что шьёт что-нибудь для фирмы «Мистер Хайд» из Чикаго или Кальюмет-Сити? Может, что-нибудь из кожи?

— Я не в курсе. Это только миссис Липпман могла бы сказать.

— А вы сами видели этикетку фирмы «Мистер Хайд»? В магазине «Ричардс» не продавали её изделий?

— Нет.

— Вы знаете, где живёт эта миссис Липпман? Мне бы хотелось поговорить с ней.

— Она умерла. Поехала отдыхать во Флориду и умерла. Это мне Фредерика сказала. Я её никогда не видела, но мы со Скипом несколько раз подвозили Фредерику до её дома, когда она набирала перешивать целую гору одежды. Вы можете поговорить с кем-нибудь из родственников миссис Липпман. Кто-то же наверняка живёт сейчас в этом доме. Я примерно помню адрес.

Трудно вести этот скучный разговор, когда всей душой находишься в Кальюмет-Сити. Кларис снова украдкой взглянула на часы. Кис раз сейчас спецгруппа по освобождению заложников должна выходить из самолёта. Кларис повернулась в кресле, чтобы не видеть проклятые часы.

— Стейси, а где Фредерика покупала себе одежду? Где она взяла эти свободные тренировочные костюмы «Джуно»?

— Почти всё она шила сама. А костюмы, кажется, покупала у нас в «Ричардсе», когда пошла мода на свободную одежду. Их тогда в любом магазине можно было купить. А «Ричардс» ей сделал скидку, как своему работнику.

— Не знаете, она когда-нибудь покупала себе вещи в магазине для полных?

— Да, мы ходили с ней везде, куда только можно, но в основном просто глазели. Фредерика рассматривала какой-нибудь красивый фасон, а потом дома по памяти делала выкройку.

— Может, кто-то там следил за вами или как-то необычно смотрел на Фредерику, вы не замечали?

Стейси на секунду задумалась, подняв глаза к потолку, потом решительно покачала головой.

— Скажите, Стейси, к вам в «Ричардс» когда-ни-

будь приходили трансвеститы? Или мужчины, которые покупали большие женские платья?

— Нет. Мы со Скипом видели таких только один раз. Да и то в баре в Колумбусе.

— Фредерика была тогда с вами?

— Не помню. По-моему, мы ездили туда на выходные.

— Можно попросить вас выписать все магазины для полных, в которых вы были с Фредерикой? Надеюсь, вы их помните?

— Только здесь, или здесь и в Колумбусе?

— И здесь, и в Колумбусе. И адрес «Ричардса» тоже напишите. Я хочу поговорить с миссис Бердайн.

— Хорошо. Скажите, а интересно работать агентом ФБР?

— Наверное.

— Приходится много ездить, бывать в разных местах, получше чем эта дыра, да?

— Иногда случается.

— Всегда нужно хорошо выглядеть, правда?

— Ну, вообще-то, нужно стараться выглядеть по-деловому.

— А как можно стать агентом ФБР?

— Сначала нужно закончить колледж, Стейси.

— Плата там в этих колледжах слишком уж

крутая.

— Верно. Но можно обратиться в какие-нибудь фонды и попросить помочь. Хотите, я пришлю вам кое-какую информацию?

— Да, конечно. Я тут только что подумала, Фредерика была так рада за меня, когда я получила эту работу. Прямо светилась вся. Она ни разу не работала в конторе, думала, что это так здорово. Все эти бумажки, справочники, компьютерные файлы, телефонные звонки целый день — она считала это таким интересным.

В глазах Стейси Хубка стояли слёзы. Она широко раскрыла глаза и запрокинула голову, словно желая влить их обратно.

— Так вы составите мне список?

— Лучше напишу за своим столом. У меня там телефонная книга, блокнот и всё остальное.

Так и не опустив голову и ориентируясь по потолку, она вышла из кабинета.

Телефон не давал Кларис покоя. Не успела Стейси Хубка закрыть за собой дверь, как она схватила трубку и набрала Вашингтон, сгорая от нетерпения узнать новости.

Глава 55

В этот самый момент гражданский самолёт, следующий спецрейсом, описал дугу у южного берега озера Мичиган и пошёл на снижение над посадочной полосой аэропорта Кальюмет-Сити, штат Иллинойс.

Сидящие в самолёте двенадцать парней из спецгруппы по освобождению заложников спокойно полудремали в своих креслах.

Командир группы Джоел Рэндэлл взял микрофон и ещё раз пролистал записи в блокноте. Он свято верил, что его группа — лучшая из всех специальных подразделений быстрого реагирования в мире, и, вполне возможно, был прав. Некоторые из парней, правда, ещё до сих пор не прошли боевого крещения, но все экзамены и тесты определяли их как лучших из лучших.

За годы службы Рэндэллу часто приходилось стоять в проходах салонов самолётов, поэтому, поднявшись сейчас со своего кресла, он легко держал равновесие, несмотря на тряску во время снижения.

— Значит так, парни, наземная транспортиров-

ка будет проводиться скрытно. Прямо к самолёту подгонят крытый грузовик для доставки цветов и фургон с эмблемой водопроводной службы. Вернон и Эдди, одеваете на бронежилеты штатские костюмы, пойдёте к дому первыми. Если нам придётся пользоваться оглушающей гранатой, не забывайте, что у вас нет защитной маски. Бобби, оставишь в кабине каждой машины по рации для связи с полицией.

Кроме Вернона и Эдди, все члены группы были одеты в тяжёлые бронежилеты и чёрные пластиковые шлемы с прозрачной защитной маской. Вся команда была укомплектована всем необходимым, начиная от приспособлений для лазания по стенам и кончая аппаратурой для подслушивания и приборами ночного видения. Уложенные в футляры скорострельные винтовки с инфракрасными прицелами походили на музыкальные инструменты.

Рэндэлла вызвал на связь Кальюмет. Он выслушал сообщение, потом прикрыл микрофон ладонью и снова обратился к бойцам:

— Они сузили круг до двух адресов. Один, более вероятный, возьмём мы, по второму поедет группа захвата из Чикаго.

Самолёт опустился на посадочную полосу,

подрулил к дальнему терминалу, где уже стояли фургон и крытый грузовик.

Бойцы спецгруппы и полицейские из отдела по борьбе с наркобизнесом, подогнавшие автомобили, обменялись короткими приветствиями.

Один из полицейских вручил Рэндэллу что-то, похожее на цветок на длинной ножке, оказавшийся специальным механизмом по вышибанию дверных замков.

— Возможно, вам придётся доставить адресату этот букетик, — ухмыльнулся полицейский. — Ну что ж, парни, добро пожаловать в Чикаго.

Глава 56

Только ближе к вечеру мистер Гамб решил снова приступить к активным действиям.

Со слезами ненависти и отчаяния он ещё раз просмотрел видеокассету. Потом перемотал и включил снова. На экране телевизора мама поднималась на водный трамплин и неслась вниз, прямо в сверкающий на солнце бассейн. Слёзы делали изображение неясным и расплывчатым, словно мистер Гамб сам сидел в этом бассейне и наблюдал за происходящим из-под воды.

На животе вместо Красотки лежала бутылка с горячей водой.

Он больше не мог выносить все эти страдания. То, что сидело сейчас у него в подвале, угрожало жизни Красотки, пугало её. Красотка мучилась от боли — он чувствовал это. Он не знал, сможет ли убить эту поганую тварь прежде, чем она успеет задушить его Красотку, но попытаться следовало. И прямо сейчас, не откладывая.

Мистер Гамб разделся и накинул халат. Он всегда кончал жертву голым и в крови, как только что родившийся младенец.

Из аптечки он достал тюбик с мазью, которой уже мазал пуделя, когда того исцарапал кот. Вытащил бинты и обезболивающее.

Меткий выстрел в голову — и Красотка спасена. Пускай он лишится волос, жизнь любимого животного важнее. Волосы Кэтрин станут его жертвой, залогом безопасности его бесценной крошки.

Бесшумно спускаясь по ступенькам, мистер Гамб прошёл на кухню. Потом снял тапочки и на цыпочках двинулся по лестнице в подвал, держась поближе к стене, чтобы не скрипели ступеньки.

Свет включать нельзя. Он свернул направо и наощупь пробрался в мастерскую.

Рукав халата задел за проволочную клетку и изнутри донёсся сердитый писк недавно родившейся бабочки. Вот и шкаф. Он открыл дверцу и надел инфракрасные очки. Всё вокруг сразу стало зелёным. Он на мгновение замер, прислушиваясь к ровному успокаивающему журчанию раствора в аквариуме, к согревающему бульканью воды в трубах отопления. Властелин тьмы. Нет, королева тьмы.

Порхающие по комнате бабочки оставляли в лучах очков фосфоресцирующие зелёные следы

и обдавали лицо едва ощутимым дуновением.

Мистер Гамб проверил пистолет. «Питон» был заряжен специальными разрывными пулями. Одного выстрела в голову достаточно. Но если даже она будет стоять и ему придётся выстрелить сверху, пуля наверняка не пробьёт голову насквозь, не проникнет в тело и не повредит кожу на груди. Хорошо, что у него не «Магнум».

Чуть пригнувшись и тихо ступая босыми ногами с накрашенными ногтями, он двинулся вперёд. Ещё тише по песчаному полу комнаты с колодцем. Нужно двигаться тихо, но не слишком медленно. Нельзя, чтобы она успела схватить Красотку.

Колодец ярко-зелёного цвета. Чётко прорисовывается каждый камень. Хорошо виден открытый люк. Наклониться и посмотреть. Вот они. Эта сволочь лежит на боку, свернулась как креветка. Наверное, спит. Красотка прижалась к ней и наверняка тоже спит. Только бы не мертва, только бы не мертва.

Голова открыта, можно стрелять. Или лучше в шею, чтобы сберечь волосы? Заманчиво. Нет, слишком рискованно.

Мистер Гамб перегнулся через край люка, навёл пистолет. Нужно держать его в инфракрасном

луче. Куда лучше выстрелить: в висок или ближе к затылку?

Шорох ли, запах ли разбудил спящую Красотку — ему не суждено было узнать это. Но пудель вдруг подскочил на всех четырёх лапах и залаял в тёмное отверстие колодца. Кэтрин Бейкер Мартин схватила собачонку на руки и выставила перед собой, словно щит. Потом быстро выхватила из-под себя коврик и накрылась вместе с пуделем. Глядя сверху на свернувшийся под ковриком живой шевелящийся комок, мистер Гамб уже не мог понять, где шевелится Кэтрин, а где Красотка.

Но он видел, что пудель жив! Видел, как он подпрыгнул и весело затявкал. Лапы были в полном порядке! И что гораздо важнее, в этот момент он понял ещё одну вещь: Кэтрин Бейкер Мартин не сможет сделать Красотке больно. О, радостное облегчение! Теперь можно не бояться. Теперь можно смело стрелять по её поганым ногам, а когда она схватится за них, снести её вонючую башку.

Мистер Гамб выскочил из комнаты, включил в подвале свет и взял фонарь. Теперь он был абсолютно спокоен и, проходя через мастерскую, не забыл даже подлить в аквариумы с раствором

немного воды.

Он уже был готов действовать, когда вдруг неожиданно задребезжал дверной звонок.

Его резкий звук так ошарашил мистера Гамба, что он застыл на месте, в первое мгновенье даже не сообразив, что бы это могло быть. Он не слышал звонка уже многие годы и даже не помнил его звука. Установленный над лестницей, так, чтобы его было слышно и наверху, и внизу, в подвале, звонок уже порос толстым слоем пыли. Мистер Гамб взглянул на него. Звонок снова зазвонил, взметнув вверх облачко пыли. Кто-то стоял у входной двери и нажимал на кнопку.

Ничего, сейчас уйдут.

Мистер Гамб переложил фонарь из руки в руку.

Нет, не уйдут.

Кэтрин что-то крикнула из колодца, но он не обратил внимания.

Звонок разрывался, не умолкая ни на секунду, словно кто-то опёрся на кнопку плечом.

Лучше подняться наверх и открыть дверь. «Питон» вряд ли поместится в карман халата. Он положил его на стол в мастерской и побежал наверх. Звонок вдруг умолк. Он решил всё равно посмотреть. Когда он проходил через кухню, вне-

запный громкий стук в заднюю дверь заставил его подпрыгнуть. В кладовке у задней двери лежало воздушное ружьё. Он знал, что оно заряжено.

Если дверь в подвал закрыта, никто не услышит её криков, пусть она орёт, хоть разрывается. Проверено.

Снова стук. Мистер Гамб приоткрыл дверь, оставив цепочку.

— Я звонила, но никто не ответил, — сказала Кларис Старлинг. — Я ищу родственников миссис Липпман, вы мне не поможете?

— Они здесь не живут, — отрезал мистер Гамб и захлопнул дверь.

Он уже начал спускаться по ступенькам, когда стук повторился. На этот раз громче и настойчивее.

Он снова открыл дверь, не снимая цепочки.

Девушка поднесла к щели удостоверение. Федеральное Бюро Расследований.

— Извините, но мне необходимо поговорить с вами. Я ищу кого-нибудь из родственников миссис Липпман. Я знаю, что она жила в этом доме. Прошу вас, помогите мне, пожалуйста.

— Миссис Липпман уже сто лет как померла. Насколько я знаю, у неё вообще не было никаких родственников.

— А адвокат или поверенный в делах? Кто-то, у кого остались её документы? Вы сами знали миссис Липпман?

— Очень мало. А в чём дело?

— Я расследую дело об убийстве Фредерики Биммел. Как ваше имя?

— Джек Гордон.

— Вы знали Фредерику Биммел? Она работала у миссис Липпман.

— Нет. Эта такая большая толстая? По-моему, видел пару раз, не помню. Извините, не хочу показаться невежливым, но я уже спал… Да, у миссис Липпман был адвокат. Кажется, у меня даже где-то завалялась его визитка. Нужно поискать. Может, зайдёте в дом? А то я замёрз, да и кот сейчас выскочит на улицу. Пулей вылетит, я и глазом моргнуть не успею.

Он подошёл к бюро в дальнем углу кухни, поднял крышку и принялся рыться в бумагах. Кларис вошла в дверь и вынула из портфеля блокнот.

— Страшное убийство, — вздохнул мистер Гамб, не поднимая головы. — Как подумаю, так прямо дрожь по телу пробегает. Как там у вас дело продвигается? Убийцу-то этого скоро поймаете?

— Работаем. Скажите, мистер Гордон, вы начали жить в этом доме сразу после смерти миссис

Липпман?

— Да, — Гамб повернулся спиной к Кларис и, согнувшись над письменным столом, начал ковыряться в ящике.

— Может здесь остались какие-нибудь документы, деловая переписка?

— Нет, ни единого листочка… А у ФБР есть хоть какая-нибудь ниточка? А то местная полиция, по-моему, вообще ни черта не ищет. У вас-то уже есть описание или отпечатки пальцев?

Из-под воротника халата мистера Гамба выползла на свет Божий ночная бабочка «Мёртвая голова». Переползла на середину спины. Расправила крылья.

От неожиданности Кларис едва не выронила из рук блокнот, но тут же опомнилась и быстро сунула его обратно в портфель.

Да это же сам мистер Гамб! Собственной персоной! Слава Богу, куртка расстёгнута. Выскочить на улицу к телефону-автомату? Нет. Он знает, что я из ФБР. Как только уйду, тут же выпустит ей кишки. Потом его, конечно, схватят, но это же потом… Позвонить по его телефону? Аппарата нигде не видно. Нужно спросить, где телефон. Набрать номер и тут же атаковать. Уложить на пол лицом вниз и ждать подкреп-

ления. Правильно, так и надо. Всё, вперёд — он поворачивается.

— Вот его визитка, нашёл. — Мистер Гамб протянул ей карточку.

Взять? Нет.

— Хорошо, спасибо. Мистер Гордон, у вас есть телефон? Мне нужно позвонить.

Он положил визитку на стол. Бабочка вспорхнула с халата, пролетела между ними и уселась на полку над раковиной.

Он проследил за ней взглядом. Заметил, что Кларис, не обращая внимания на насекомое, продолжает смотреть ему в лицо. И всё понял. Их глаза встретились. Теперь оба знали, что к чему.

Мистер Гамб чуть склонил голову набок и улыбнулся.

— У меня радиотелефон в соседней комнате. Сейчас принесу.

Нет! Вперёд! Натренированным движением Кларис выхватила пистолет, сжала его двумя руками и, выставив перед собой, направила прямо в грудь убийцы:

— Ни с места!

Мистер Гамб поджал губы.

— Руки вверх. Медленно.

Вывести из дома. Следить, чтобы между ним

и тобой всё время был стол. Вывести его через переднюю дверь. Уложить лицом вниз прямо посреди улицы и показать прохожим жетон агента ФБР, пусть звонят в полицию.

— Мистер Габ… мистер Гамб, вы арестованы. Выходите из дома с поднятыми руками.

Вместо этого он повернулся и вышел из комнаты. Если бы он сунул руку в карман, если бы она увидела у него оружие, то, возможно, и выстрелила бы. Но он просто повернулся и вышел из комнаты!

Кларис услышала, как он быстро спускается по ступенькам вниз, в подвал. Она оббежала стол и метнулась к двери на лестницу. Он исчез. Лестница залита ярким светом и пуста. Ловушка. Придётся, как наседке, сидеть на ступеньках и ждать.

Из подвала донёсся приглушённый крик.

Страшные ступеньки ужасные ступеньки кошмарные ступеньки Боже мой как же я не люблю все эти ступеньки!

Кэтрин Мартин закричала снова. *Он убивает её!* Кларис понеслась вниз, держась одной рукой за перила, выбросив перед собой пистолет, держа под прицелом нижние ступеньки, направляя пистолет то налево, то направо, пытаясь держать

под прицелом две открытые двери под лестницей.

В подвале яркий свет. Невозможно войти в одну дверь, не повернувшись спиной к другой. Быстрее, налево, откуда был крик. Комната с песчаным полом. Пистолет в дверной проём, секунда — обшарить взглядом все углы. Никого. Единственное место, где можно спрятаться — за колодцем. Пистолет в обеих руках, палец на курке, вдоль стены к колодцу, медленно вокруг. Никого.

Снова крик. Тонкий, как струйка дыма. Из колодца. Лай, визг. Собака. Не спуская глаз с двери, Кларис нагнулась над открытым люком. Быстро заглянула вниз, увидела девушку, снова вверх, на дверь, и опять вниз, прокричала то, что учили говорить, чтобы успокоить заложника:

— ФБР. Вы в безопасности.

— Какой там хрен в безопасности, у него пистолет. Вытащите меня. ВЫТАЩИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА!

— Кэтрин, с тобой будет всё в порядке. Замолчи. Знаешь, где он может быть?

— ВЫТАЩИТЕ МЕНЯ, ХРЕН ЕГО ЗНАЕТ, ГДЕ ОН МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫТАЩИТЕ МЕНЯ!

— Скоро вытащу, потерпи. Успокойся, лучше помоги мне. Помолчи, чтобы я смогла услышать

его. И попробуй заткнуть собачонку.

Держа под прицелом дверь, Кларис спряталась за колодцем. Сердце отчаянно колотилось где-то у самого горла, прерывистое дыхание сдувало пыль с каменного выступа. Нельзя оставлять Кэтрин Мартин, пока не узнаешь, где Гамб. Она перебралась к двери и встала за косяком. Выглянула наружу. Видны нижние ступеньки лестницы и за ними часть мастерской.

Нужно либо искать Гамба, либо убедиться, что он сбежал, либо вытаскивать и забирать с собой Кэтрин. Больше ничего не придумаешь.

Она быстро обернулась и оглядела комнату.

— Кэтрин! Кэтрин, тут есть где-нибудь лестница?

— Не знаю, я очнулась уже здесь, в этой яме. Он спускал всё в ведре по верёвке.

На торчащем из стены брусе закреплена лебёдка. Верёвки на блоке нет.

— Кэтрин, мне нужно найти что-нибудь, чтобы вытащить тебя. Ты ходить можешь?

— Могу. Не бросай меня.

— Мне нужно выйти. Всего на одну минуту.

— Ты, сука поганая, не смей бросать меня в этой яме, мама вышибет тебе из башки все твои мозги, если…

— Заткнись, Кэтрин. Замолчи, мне нужна тишина. Я должна слышать его. Замолчи, ради своего же спасения, понимаешь? — Она повысила голос и громко крикнула: — Полиция прибудет через пару минут. Так что не беспокойся, мы тебя не бросим.

Нужно найти верёвку. Должна же у него быть верёвка. Но где? Искать.

Одним прыжком Кларис перескочила на другую сторону лестницы, к двери в мастерскую. Дверь — самое страшное. Быстро внутрь, прижаться к стене, осмотреть всю комнату. В стеклянных аквариумах — что-то до боли знакомое, но она слишком напряжена, чтобы испугаться. Молнией через комнату, мимо аквариумов, раковин, мимо проволочной клетки. Перед самым лицом пронеслись несколько огромных бабочек. Плевать на них.

Вперёд, к залитому светом коридору за дальней дверью мастерской. За спиной вдруг выключился холодильник. Кларис непроизвольно пригнулась, резко повернулась и выставила перед собой пистолет. Ложная тревога. В коридор. Нужно сначала выглянуть. Этому их ещё не учили. Ладно, как там в боевиках? Припасть к земле и одновременно высунуть голову и пистолет. В коридоре

пусто. В конце — ярко освещённая студия. Бегом по коридору, мимо закрытой двери (проверить? некогда) к двери в студию. Сверкающая комната, отделанная светлым дубом. Пистолет в вытянутых руках. Убедиться, что каждый манекен — действительно манекен, каждое отражение в зеркале — отражение манекена, каждое движение в зеркале — её движение.

У дальней стены — огромный чёрный шкаф в китайском стиле. Открыт и пуст. Рядом открытая дверь в тёмную часть подвала. Ни верёвки, ни лестницы нигде не видно. Кларис закрыла страшную дверь в тёмную часть подвала, сунула под ручку стул и припёрла швейной машиной. Если его нет в этой части подвала, можно рискнуть на минуту подняться наверх и поискать телефон.

Обратно по коридору, к двери, которую пропустила. Встать с противоположной стороны от петель. Ногой в дверь, пистолет и голову в проём, одним взглядом охватить все углы. Старая ванная. Пуста. Зато на стенах висят верёвки, крюки и ремни. Вытащить Кэтрин или сначала найти телефон? Внутри колодца Кэтрин избежит случайной пули. Но если Кларис убьют, Кэтрин тоже можно считать покойницей. Нет, нужно вытащить её и вместе искать телефон.

Нельзя долго быть в ванной. Он может подкрасться к двери и выстрелить. Она пригнулась, нырнула внутрь, схватила верёвку. Большая ванна заполнена какой-то красной жидкостью. Из неё торчит почерневшая, сморщенная рука с ярко накрашенными ногтями. На запястье — изящные дамские часики. Кларис увидела всё сразу: и верёвку, и ванну, и руку, и часы. Секундная стрелка медленно ползла по кругу.

Это было последнее, что рассмотрела Кларис, прежде чем погас свет.

Сердце подпрыгнуло так, что руки и ноги пробило дрожью.

Ослепляющая темнота. Нужно за что-нибудь схватиться. За ванну, за край ванны. Так, теперь выйти в коридор. Если он наткнётся на открытую дверь в ванную, она окажется в ловушке. Ох, ты, Господи, но как же выйти? Пригнуться и тихо наощупь выбраться в коридор. Интересно, он везде выключил свет? Да, похоже, везде. Наверное, вывернул пробки на счётчике. Где же может быть этот счётчик? Под лестницей. Скорее всего, под лестницей, как у всех. Если так, то он где-то в той стороне. Где-то между ней и Кэтрин.

Кэтрин Мартин снова закричала.

Или, может, ждать здесь? Сколько? А если он

уже удрал? Услышал, что она крикнула Кэтрин про полицию и удрал? Вполне возможно. Очень скоро обнаружат, что она исчезла. Очень скоро. Вечером. Ступеньки в той стороне, откуда был крик. К чёрту! Решайся.

Касаясь плечом стены, Кларис осторожно двинулась к двери Одна рука вытянута вперёд, другая сжимает пистолет на уровне пояса. Вот и коридор. В двух шагах дверь в мастерскую. Чуть согнувшись, туда. Пистолет в вытянутых руках на уровне лица. Стоп, нужно прислушаться.

Тихое шипение труб отопления, звук льющейся из крана воды.

Сильный запах гнили.

Крик Кэтрин.

Около стены в инфракрасных очках стоял мистер Гамб. Он не боялся, что она случайно наткнётся на него — между ними был большой стол. Инфракрасные лучи скользили по телу Кларис. Вниз, вверх, вниз, вверх. Нет, она слишком худенькая, чтобы использовать её по назначению. Хотя волосы просто великолепны. Он ещё на кухне обратил на них внимание. И чтобы получить их, потребуется всего минута. Он в одно мгновение сдерёт их у неё с головы вместе с кожей. А потом наденет на себя. Чудесно!

Можно будет наклониться в люк, улыбнуться и крикнуть этой твари: «Привет, а вот и я. Как тебе моя обновочка?» Как смешно наблюдать за её движениями. Конечно, детка, не очень-то легко ходить в кромешной темноте. Вот она прислонилась бедром к раковине, нацелила пистолет в ту сторону, откуда доносится крик. Наверное, было бы здорово поохотиться за ней подольше — он никогда не играл в эти игры с вооружёнными девушками. Очень, очень интересно. Но времени нет. Жаль.

Лучше всего выстрелить прямо в лицо. С двух метров наверняка не промахнёшься. Пора.

Он поднял «Питон», взвёл курок…

Зелёная фигура вдруг дёрнулась и ударила в глаза яркими вспышками. «Питон» выстрелил и выпал из руки, пол с размаху налетел на спину, но очки не слетели, только теперь перед глазами почему-то был потолок.

Ослеплённая и оглушённая, Кларис упала на пол. Быстро вытащила обойму, бросила рядом, вставила новую, взвела… Она выстрелила четыре раза, два по два. Он — только один. Кларис подобрала обойму, вынула два ещё целых патрона. Куда же их положить? В карман. Она на мгновение замерла. Что теперь? Двигаться, пока он

оглушён и ничего не слышит?

Щелчок при взведении курка не спутаешь ни с чем. Кларис стреляла на звук, не видя ничего, кроме ослепляющих молний из пистолетных стволов. Теперь, лёжа на полу, она очень надеялась, что он выстрелит мимо и она сможет сориентироваться по вспышке и ответить более-менее точно. Слух постепенно возвращался. В ушах всё ещё звенело, но слышать она уже могла.

Что это за звук? Свист? Похоже на чайник, только прерывистый. Что же это? Дыхание? Неужели её собственное? Нет, не её, она дышит прямо в пол и совсем тихо. Только бы в нос не попала пыль, только бы не чихнуть. Да, это дыхание. Дыхание человека с простреленной грудью. Значит, она всё же попала в него. Её учили оказывать первую помощь при таких ранениях. Наложить кусок полиэтилена, туго забинтовать. Продуть лёгкие. Так, хорошо, значит она прострелила ему грудь. Что ж теперь делать? Ждать. Пусть истечёт кровью. Ждать.

Щёку жгло огнём. Но Кларис решила не трогать её. Если кровоточит, лучше не размазывать.

Из колодца снова раздался крик. Кэтрин громко плакала и о чём-то просила. Нет, нельзя. Нужно

ждать. Она не может ответить. Не может сказать ни слова, не может даже пошевелиться.

Невидимые инфракрасные лучи скользили по потолку. Мистер Гамб попытался отвести взгляд или отвернуться, но не смог. Огромная малазийская бабочка подлетела к самому потолку и начала кругами опускаться вниз, сверкая в лучах инфракрасных очков. Гигантская тень от её пульсирующих крыльев была доступна лишь взгляду мистера Гамба.

Внезапно Кларис услышала его хриплый, задыхающийся голос: — Как… хорошо… быть… такой… красивой…

Послышалось бульканье, предсмертный хрип — и свист прекратился.

Кларис знала, что означают эти звуки. Очень давно она уже слышала их в больнице, когда умирал отец.

Она оперлась на край стола и поднялась на ноги. Осторожно, наощупь, двинулась вперёд, в ту сторону, откуда кричала Кэтрин. Нашла ступеньки и в полной темноте выбралась на первый этаж.

Казалось, прошла целая вечность. Кларис прошла на кухню, отыскала свечу и спустилась вниз. Электросчётчик действительно был под лест-

ницей. Она ввинтила пробки и подпрыгнула от радости, когда зажёгся свет. Чтобы добраться до счётчика, он, скорее всего, выбрался из подвала через другую дверь, снова вошёл в дом и тихо спустился вниз, оказавшись у неё за спиной.

Нужно убедиться, что Гамб мёртв. Кларис подождала, пока глаза привыкнут к свету, осторожно подошла к двери в мастерскую и заглянула внутрь. Из-под стола торчали раскинутые в стороны голые ноги с накрашенными ногтями. Не отрывая взгляда от лежащего возле руки пистолета, Кларис обошла стол и ногой отшвырнула его в сторону. Глаза мистера Гамба были открыты. Он лежал в луже крови с простреленной грудью. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что он мёртв. Перед тем, как выключить свет, мистер Гамб надел на себя кое-что из вещей, хранившихся в большом чёрном шкафу с рисунками по лаку в китайском стиле. Кларис поспешно отвела глаза в сторону. Смотреть на его творения не хватало сил.

Она подошла к раковине, положила пистолет на стол и, открыв кран, ополоснула руки. Провела мокрой ладонью по щеке. Крови не было. Вокруг яркой лампочки кружились ночные бабочки. Кларис обошла вокруг тела и подняла валяющий-

ся в углу «Питон».

Потом прошла в комнату с песчаным полом и, наклонившись над открытым люком, громко сказала:

— Кэтрин, он мёртв. Теперь тебе ничего не угрожает. Я схожу наверх позвоню…

— Не-е-ет! ВЫТАЩИ МЕНЯ! ВЫТАЩИ МЕНЯ, ВЫТАЩИ МЕНЯ!

— Послушай, Кэтрин. Он мёртв. Вот его пистолет, узнаёшь? Я пойду наверх, вызову полицию и пожарников. Боюсь, самой мне тебя не вытащить. Как только позвоню, сразу же вернусь сюда и будем ждать их вместе, хорошо? Вот и отлично. А ты постарайся пока успокоить собаку, ладно?

Бригада местного телевидения прибыла сразу же после пожарных и чуть раньше полиции Белведера. Командир пожарных, раздражённый светом прожекторов и миганием фотовспышек, выпроводил репортёров из подвала и, не доверяя лебёдке мистера Гамба, вытащил Кэтрин с помощью своего спасательного кресла. Девушка выбралась из колодца, крепко прижимая к груди маленького пуделя. Не выпустила она его и в машине «скорой помощи».

Но в больницу собачку не пустили. Пожарник, которому поручили сдать её в приют для без-

домных животных, пожалел несчастного пса и забрал его себе.

Глава 57

Самолёт из Колумбуса, прибывший в Вашингтон с большим опозданием, ждало с полсотни человек. Большинство из них встречали родственников. После нескольких часов ожидания все выглядели сонными и усталыми.

Стоя в толпе встречающих, Арделия Мапп наконец увидела выходящую из самолёта подругу. Кларис была бледной, как мел, под глазами темнели большие чёрные круги. На щеках виднелись следы пороха.

— Ну, привет, спортсменка, — улыбнулась Арделия, обняв Кларис. — Багаж есть?

Старлинг покачала головой.

— Тогда пошли. Джефф ждёт в фургоне.

Джек Кроуфорд стоял возле своей машины у входа в аэропорт.

— Я… — начал он. — Ты просто не представляешь, что смогла сделать. Всех нас переплюнула. — Он тронул её щёку: — Что это?

— Порох. Врач сказал, не нужно ничего делать, через пару дней само сойдёт.

Кроуфорд на мгновенье, всего на мгновенье,

крепко прижал её к себе и поцеловал в лоб.

— Нет, ты не представляешь, что смогла сделать, — снова повторил он. — Езжай домой. Отоспись. Хорошенько отоспись. Поговорим завтра.

Новый спецфургон был оборудован всем необходимым для длительного наблюдения. Кларис и Арделия устроились в огромных мягких креслах.

Воспользовавшись отсутствием в фургоне Джека Кроуфорда, Джефф погнал машину на полной скорости, прибыв в Куонтико намного быстрее обычного.

Кларис ехала с закрытыми глазами. Но через несколько минут Арделия тихонько тронула её за руку, протянула открытую бутылку кока-колы и вытащила из сумки виски «Джек Дэниелс». Они сделали по большому глотку кока-колы, долили виски и принялись не спеша потягивать полученную смесь.

— Смотрите, не пролейте на сидения, — бросил через плечо Джефф.

— Не волнуйся, всё о'кей, — улыбнулась Арделия и, повернувшись к Кларис, тихо шепнула: «Ты бы посмотрела на нашего Джеффа, когда он ждал меня возле винного магазина. Сидел с такой рожей, как будто я там грабила, а он был

на стрёме».

Когда виски, наконец, начало действовать и Кларис поглубже устроилась в кресле, Мапп, наконец, решилась спросить:

— Ну, как ты вообще после всего этого, Старлинг?

— Чёрт его знает, сама не пойму.

— Хоть не понадобится ещё раз туда ехать?

— Может, на один день на следующей неделе, а может и нет. Там и без меня народу хватает. Вся полиция Белведера, да ещё прокурор округа из Колумбуса приехал. Я уже дала все показания.

— Кстати, есть приятные новости. Весь вечер звонила сенатор Мартин из Бетесды — знаешь, что Кэтрин отправили в Бетесду? Так вот, значит, с ней всё в порядке. Он не успел нанести ей никаких физических повреждений. А расстройство психики, нервный срыв… — Они ещё не знают, сейчас как раз обследуют её. Насчёт Академии можешь не переживать. Кроуфорд и Брайэм уже позвонили. Повторная проверка на профпригодность отменяется, Крендлер забрал свой запрос. Но сейчас придётся напрячься, на передышку не надейся. Завтра, правда, на экзамен по задержанию и обыску не пойдёшь, но будешь сдавать в понедельник, а потом сразу зачёт по физподго-

товке. Так что с утра начнём заниматься.

До въезда на территорию Куонтико они успели прикончить всю бутылку «Джека Дэниелса» и выбросить улики в придорожные кусты.

— Да, кстати, этот Пилчер, доктор Пилчер, из музея «Смитсониан», он уже раза три звонил, но я сказала, что не знаю, смогу тебе передать или нет.

— Он ещё не доктор.

— Что, думаешь попробовать с ним покрутить?

— Не знаю. Я сейчас ничего не знаю.

— По телефону он мне показался таким забавным. Наверное, у него неплохое чувство юмора. Знаешь, по-моему, в мужчине это самое главное. Ну, конечно, кроме денег и покладистости.

— Согласна. Только ещё про манеры забыла.

— А, ну да. Но где их сейчас найдёшь с хорошими манерами!

Валясь от усталости, Кларис, словно зомби, вышла из душа и рухнула на кровать.

Мапп не гасила настольную лампу, пока не убедилась, что дыхание подруги стало ровным и спокойным. Арделия приподнялась на подушке и посмотрела на Кларис. Девушка спала, изредка судорожно вздрагивая во сне.

Незадолго до рассвета Мапп проснулась и снова включила лампу. Кровать Кларис была пуста. Оглядев комнату, Арделия заметила, что и корзина с грязным бельём тоже исчезла. Она покачала головой и спустилась в прачечную.

Кларис сидела на полу и тихо плакала под мерный гул стиральной машины.

Глава 58

Рано утром Джек Кроуфорд проснулся на диване у себя в кабинете. Из соседних комнат слышался храп приехавших на похороны родственников Беллы. В самый первый миг, когда глаза уже открылись, но голова была ещё свободной от тягот и забот грядущего дня, ему почему-то вспомнилась не смерть жены, а последние слова, которые она произнесла, глядя на него ясными и совершенно спокойными глазами: «Как там сейчас у нас в саду?»

Он взял чашку с зёрнами и в халате вышел во двор покормить птиц. Он обещал Бёлле, что будет делать это каждое утро.

Было ещё темно, когда, оставив записку родственникам, Кроуфорд тихо выскользнул из дома. Он всегда был рад их приезду, но сейчас ему хотелось побыстрее оказаться в Куонтико.

Через час он уже стоял в своём кабинете и просматривал пришедшие ночью телексы. В стеклянную дверь заглянула Кларис. Кроуфорд кивком головы пригласил её в кабинет, очистил от бумаг одно из кресел, и они молча уселись

перед телевизором посмотреть утренний выпуск новостей.

Наконец, на экране появилось то, чего они ждали.

Запущенный фасад старого дома Джейма Гамба в Белведере. Тёмные глазницы окон с облупившейся краской на рамах и тяжёлыми решётками. Кларис едва узнала это жуткое строение.

«Темница ужасов», — объявил диктор.

Страшные, вызывающие дрожь кадры подвала и каменного колодца. То и дело сверкают вспышки фотоаппаратов. Грозный пожарник машет рукой, отгоняя назойливых репортёров. Обезумевшие бабочки, летящие прямо на свет юпитеров.

Кэтрин Мартин. Вот она отказывается от приготовленных для неё носилок и сама идёт к машине «Скорой помощи». На плечах — куртка полицейского. На руках — крошечный пудель, испуганно прижавшийся к девушке.

Кларис Старлинг. Быстро идёт к машине. Голова низко опущена. Руки в карманах.

Режиссёр постарался не включать в репортаж кадры самых жутких объектов в доме маньяка. В дальней части подвала камера выхватила только низкий, забрызганный известью порог комнаты,

хранившей следы прошлых преступлений Гамба. Только в ней полиция обнаружила уже шесть полусгнивших трупов.

Дважды Кроуфорд слышал, как Кларис громко, через нос, выпустила воздух.

Новости прервал рекламный блок.

— Ну, доброе утро, Старлинг.

— Здравствуйте.

— Ночью прокурор округа из Колумбуса передал мне по факсу запись ваших показаний. Просил, чтобы вы подписали ему несколько копий… Значит, из дома Фредерики Биммел вы отправились к Стейси Хубка, потом к директору магазина «Ричардс» миссис Бердайн, а она дала вам адрес миссис Липпман.

— Да, — кивнула Кларис, — Стейси Хубка ездила туда пару раз вместе со своим парнем, они подвозили Фредерику, когда у той было много вещей. Но машину вёл парень, поэтому Стейси очень смутно помнила, где этот дом. А у миссис Бердайн был записан точный адрес.

— Миссис Бердайн не сказала, что в доме миссис Липпман живёт какой-то мужчина?

— Нет.

По телевизору начался репортаж из военно-морского госпиталя в Бетесде. На экране

появилось лицо сенатора Мартин, выглядывающей из окна лимузина.

— Да, вчера вечером Кэтрин чувствовала себя более-менее нормально. Сейчас она спит. Мы надеемся на милость Божью… Нет, как я уже говорила, у неё сильный шок, но она в порядке. Несколько синяков, поломан один палец на руке. Крайне обезвожен организм. Спасибо. — Она легонько толкнула шофёра в спину. — Спасибо. Нет, вчера вечером она сказала мне про собачку, но я даже не знаю, что и делать, у нас уже есть две.

Репортаж заканчивался интервью с врачом-психиатром, который не смог сказать ничего определённого, так как только днём собирался приступить к обследованию Кэтрин Мартин.

Кроуфорд выключил звук.

— Ну, как теперь, воспользуетесь благосклонностью сенатора, Старлинг?

— Не знаю, — равнодушно пожала плечами Кларис.

— Она звонила мне сегодня ночью. Хочет встретиться с вами. Кэтрин тоже собирается приехать, когда выпишется из больницы.

— Я всегда на месте.

— И Крендлер сказал, что навестит вас. Вы же в курсе, что он отменил своё распоряжение?

— А вот насчёт Крендлера не знаю. Нужно подумать.

— Хочу дать вам один бесплатный совет, Старлинг. Не стоит стесняться использовать расположение сенатора. Пусть она везде говорит, как благодарна вам, пусть чем-то поможет. Нужно ловить момент, Кларис. И проворачивать всё побыстрее. У благодарности, увы, короткая жизнь.

— Арделия твердит мне то же самое.

— Это ваша соседка по комнате? Мапп? Директор сказал, что это она упросила преподавателя перенести вам экзамен на понедельник. Молодец. — Кроуфорд немного помолчал и продолжал: — Кстати, наш дорогой доктор Лектер растворился. По всей стране на него объявлен самый экстренный розыск. Но теперь он некоторое время будет слишком занят. А потом начнёт потихоньку развлекаться. Поэтому нам надо быть готовыми к тому, что в своих развлечениях он не забудет и про вас.

— Не думаю, что он будет нападать на меня, — покачала головой Кларис — это грубо и не в его стиле. К тому же я интересую его несколько с другой стороны. Помните наши с ним разговоры? Так что, пока я ему не наскучу, можно не опасаться.

— И всё же я хочу, чтобы вы хотя бы предпри-

нимали меры предосторожности. Когда будете выходить из Академии, всегда отмечайтесь у дежурного и говорите, где вы будете и когда вернётесь. Никому не сообщайте о своём местонахождении по телефону. Я подключу ваш номер к системе прослушивания и срочной тревоги. Если захотите, чтобы разговор был сугубо личным, просто нажмите кнопку.

— И всё же не думаю, что он станет нападать на меня, мистер Кроуфорд.

— Но вы поняли, что я вам сказал.

— Да. Да, я всё поняла.

— Возьмите копии ваших показаний. Просмотрите, добавьте что-то, если сочтёте нужным. А когда закончите, приходите ко мне, я заверю вашу подпись. Я горжусь вами, Старлинг. И Брайэм, и директор Академии — все гордятся вами. — Слова почему-то прозвучали слишком натянуто, совсем не так, как он сам того хотел.

Когда Кларис уже вышла из кабинета и зашагала по пустому, гулкому коридору, Кроуфорд подошёл к двери и, переворачивая айсберги своего личного горя, окликнул её:

— Старлинг, ваш отец наверняка сейчас с гордостью смотрит на вас.

Глава 59

Ещё долгое время Джейм Гамб оставался в центре внимания прессы.

Журналисты сложили воедино куски истории его жизни, начиная с момента его появления на свет.

Его будущая мать уже месяц носила в себе ребёнка, когда провалилась на конкурсе «Мисс Сакраменто-1948». Имя «Джейм» оказалось ошибкой в свидетельстве о рождении, но никто так и не побеспокоился о том, чтобы её исправить.

Распрощавшись с надеждой на карьеру актрисы или фотомодели, мать жутко запила, и в двухлетнем возрасте Джейма поместили в приют.

По крайней мере два солидных психологических журнала писали, что именно несчастное детство и стало главной причиной всех его преступлений. Ни в одной из статей ни разу не упоминалось слово «безумный» или «злодей».

В фильме о конкурсе красоты, который так любил смотреть Гамб, действительно снималась его мать. Но исследования показали, что женщина в

фильме о бассейне была не она.

Когда Гамбу исполнилось десять лет, его дедушка и бабушка пожалели несчастного мальчишку и забрали его из приюта, а через два года «несчастный мальчишка» зверски убил их.

В психиатрической клинике Управления детских исправительных учреждений Гамба научили навыкам шитья. Как выяснилось позже, к этому делу у него проявились поистине поразительные способности.

В сведениях о его трудовой деятельности оказалось много пропусков. Пронырливые репортёры отыскали два ресторана, где он работал без всякой регистрации. Когда подворачивался случай, Гамб был непрочь подработать и в швейных мастерских. То, что в этот период он убивал людей, доказать не удалось, хотя Бенджамин Распейл утверждал об обратном.

Одно время Гамб работал в антикварной лавке, где делали орнаменты из бабочек. Именно там он познакомился с Распейлом и проникся любовью к бабочкам и мотылькам, к физиологическим изменениям, через которые они проходят.

Жить за счёт Распейла оказалось довольно выгодно. Когда же флейтист бросил Гамба, он убил его очередного любовника, Клауса, обезглавил и

содрал с тела часть кожи, а потом, позже, разыскал на востоке и самого Распейла.

Испугавшись строптивого маньяка, музыкант поспешил предоставить его работе доктора Лектера.

Всё это было доказано через неделю после смерти Гамба, когда ФБР, воспользовавшись случаем, потребовал у родственников Распейла магнитофонные записи разговоров флейтиста на приёмах у доктора Лектера.

Когда доктора Лектера признали душевнобольным, все плёнки с записями его бесед с пациентами были переданы родственникам жертв для последующего уничтожения. Но родственники Распейла сохранили плёнки, надеясь позже использовать их на суде по поводу раздела его имущества. Им давно уже наскучило слушать первые записи, где Распейл только предавался воспоминаниям о детстве и жаловался на судьбу. Когда же в прессе заговорили о Джейме Гамбе, родственники флейтиста дружно взялись за прослушивание остальных плёнок, а потом вызвали адвоката Эверетта Йоу и пригрозили, что возбудят иск о повторном рассмотрении дела по разделу имущества покойного. После недолгих колебаний Эверетт Йоу решил позвонить и рас-

сказать обо всём Кларис Старлинг.

Среди плёнок оказалась и запись последнего приёма, во время которого доктор Лектер убил Распейла. Но, что гораздо важнее, ФБР узнало, как много Распейл рассказывал Лектеру о Джейме Гамбе.

Флейтист поведал доктору и о страсти Гамба к бабочкам, и о том, что он и в прошлом сдирал со своих жертв кожу, и о том, что он убил беднягу Клауса. Из его рассказа выяснилось, что Гамб действительно работал в швейной фирме «Мистер Хайд», специализирующейся на производстве изделий из кожи, при этом высасывая деньги из одной пожилой дамы, проживающей в Белведере, штат Огайо, и подрабатывающей у «Хайда». «В один прекрасный день Гамб выдоит из этой старухи всё, что у неё есть», — мрачно предсказывал Распейл.

— Когда Лектер открыл дело и прочитал, что первая жертва Буйвола-Билла жила в Белведере и что убийца содрал с неё кожу, он сразу понял, чья это работа, — сказал Кроуфорд, прослушивая вместе с Кларис плёнку. — Он бы наверняка сдал нам Гамба со всеми потрохами и предстал бы перед всеми настоящим гением, если бы не вмешался Чилтон.

— В своей записке на карте он намекнул, что места похищений и затоплений выглядят слишком уж беспорядочными, — заметила Кларис. — А в Мемфисе спросил, умею ли я шить. Чего он добивался?

— Забавлялся, — ответил Кроуфорд. — Он всю свою жизнь получал удовольствие от диких развлечений.

Записи разговора Лектера с Джеймом Гамбом отыскать так и не удалось, и о его жизни после смерти Распейла пришлось узнавать по частям, тщательно изучая деловую переписку и различные счета, а также беседуя с владельцами магазинов.

Когда миссис Липпман умерла по пути во Флориду, куда она ехала отдыхать вместе с Гамбом, маньяк унаследовал всё: и старый дом с огромным подвалом, и солидную сумму денег. Он оставил работу у «Хайда», хотя некоторое время сохранял за собой квартиру в Кальюмет-Сити и пользовался адресом фирмы, получая посылки на имя Джона Гранта. Он поддерживал контакты с самыми солидными клиентами и часто, как раньше для мистера Хайда, объезжал разбросанные по всей стране магазины, выискивая новые модели кожаных изделий, которые теперь шил

на заказ у себя дома в Белведере. Именно во время этих поездок он выслеживал своих жертв, похищал их и топил в реках. В его крытом коричневом грузовичке под коробками с кожаными куртками и кожаными украшениями нашли и большой прорезиненный мешок для человеческих тел.

В своём огромном подвале Гамб имел полную свободу действий. Там было достаточно места и для работы, и для развлечений. Вначале его привлекали только игры — охота за девушками в полной темноте, запирание их в одной из отдалённых комнат.

Фредерика Биммел начала работать у миссис Липпман в последний год жизни старухи. Гамб увидел её, когда она забирала готовые вещи, чтобы отнести их в магазин. Биммел была далеко не первой жертвой маньяка, но первой, кого он убил ради кожи.

Среди вещей Джейма Гамба обнаружили и письма, которые писала ему Фредерика.

У Кларис едва хватило сил читать эти письма. Все они были полны надежд и ожиданий, полны любви и невероятной преданности Гамбу: «Милый, тайный властелин моего сердца, как я люблю тебя! Я никогда не думала, что скажу тебе это. Прекраснее всего на свете было бы услышать

такие же слова в ответ».

Когда же и как она узнала о нём всю правду? Может, случайно заглянула в подвал?

Какие чувства отразились на её лице, когда в его облике перед ней предстал совсем другой человек? Сколько времени он держал её в плену?

Самое страшное, что Фредерика оставалась преданной ему до самого последнего момента. Одно из писем она написала даже из колодца, ожидая своего смертного часа.

Бульварные газеты на все лады перевирали всю историю, называя Гамба даже самим мистером Хайдом.

Живя в Куонтико, Кларис не желала никаких контактов с прессой. Однако всё в тех же бульварных газетах её имя упоминалось в каждой новой статье. «НЭШИНАЛ ТАТТЛЕР» перекупила у доктора Чилтона запись разговора Старлинг с Ганнибалом Лектером, и вскоре выдала целую серию статей под общим названием «Невеста Дракулы», где сообщила, что в обмен на информацию Кларис описывала Лектеру свои личные сексуальные переживания.

Журнал «Пипл» написал о ней короткую, но довольно приятную статью, сдобрив текст фотографиями из ежегодников университета

Вирджинии и лютеранского приюта Бозмена. Лучшим был снимок лошади Анны, везущей целую повозку детей.

Кларис вырезала фотографию Анны и бережно положила её в свой бумажник. Это было единственное, что она оставила себе на память.

Наконец-то она начала обретать душевный покой.

Глава 60

Арделия Мапп была отличной ученицей — о чём бы ни говорилось на лекции, она схватывала информацию быстрее, чем леопард антилопу. Но что касалось бега… Волоча ноги со стадиона, она часто шутила, что слишком перегружена фактами, чтобы бегать.

Вот и теперь она тяжело трусила позади Кларис по спортивному залу Академии ФБР. Было воскресенье. Уже два дня обе сидели над учебниками и, по мнению Старлинг, мозгам срочно требовался небольшой отдых.

— Так что сказал Пилчер, когда звонил? — выдохнула Арделия, наконец-то остановившись.

— Они с сестрой делят дом в Чесапике. Унаследовали его от бабки.

— Ну и?

— Сестра живёт там с детьми, собаками и, может быть, с мужем.

— Ну?

— Она занимает одно крыло дома.

— Слушай, давай ближе к делу. Не тяни резину.

— А Пилч живёт в другом крыле. На следующие выходные он приглашает нас в гости. Говорит, у него там куча комнат. Как он сказал: «столько, сколько нужно». И ещё добавил, что сестра сама позвонит и пригласит меня.

— Не пудри мне мозги. Я уже давно забыла, чтобы наши мужики соблюдали такие приличия.

— Он даже уже составил программу: никакого бардака, никаких драк и перебранок, приезжаем и сразу идём прогуляться по пляжу, потом приходим домой, а там уже горит камин и навстречу бегут радостные собаки.

— Боже, какая идиллия, камин, радостные собаки. Ну-ну, дальше.

— По-моему, для первого свидания вполне достаточно. Он сказал, что если кто-то замёрзнет, то может спать рядышком с собакой, или с двумя сразу. У него там на всех собак хватит.

— Так он тебя что, на эту шутку с псами купил?

— Ещё он клянётся, что отлично готовит. И сестра подтверждает.

— О, так она уже звонила?

— Ага.

— Какой у неё голос?

— Нормальный.

— И что ты ей сказала?

— Я сказала «Да, спасибо большое».

— Хорошо, — улыбнулась Арделия. — Здорово, молодец. Крабов наедимся. А тебе вообще везёт, ещё и с Пилчером нацелуешься.

Глава 61

По мягкому ковру отеля «Маркус» официант аккуратно катил тележку с ужином. У девяносто первого номера он остановился и тихо постучал в дверь затянутой в белую перчатку рукой. Выждав минуту, постучал сильнее. Из комнаты доносились звуки фортепиано. Глен Гоулд исполнял инвенции Баха.

— Войдите. — Мужчина в домашнем халате и с повязкой на носу что-то писал за письменным столом. — Поставьте у окна и покажите вино.

Официант подал бутылку. Мужчина поднёс её к настольной лампе, прочёл этикетку и приложил горлышко к щеке.

— Откройте и поставьте в лёд, — приказал он и выписал чек со щедрыми чаевыми. — Я выпью позже.

Ему не хотелось, чтобы официант наливал ему вино — от его форменного костюма исходил неприятный запах. Доктор Лектер пребывал в великолепном настроении. Неделя прошла превосходно. Внешность постепенно изменялась. Как только сойдут нежелательные пятна, можно

будет снять повязку и предстать перед фотографом, чтобы сняться на паспорт.

Многое в своём лице доктор Лектер изменил сам — например, сделал в нос уколы силикона. Силикон продавался в аптеках свободно, но для новокаина требовался рецепт. Он легко решил эту проблему, отослав аптекаря за лекарством и стащив рецепт прямо с прилавка.

Лицо, конечно, получилось не особенно красивым, к тому же силикон мог начать растекаться под кожей, но пока этот облик вполне устраивал. Сейчас нужно было думать только о том, чтобы благополучно добраться до Рио.

Давным-давно, ещё до первого ареста, доктор Лектер отложил кое-что на случай, если по какой-то причине ему вдруг придётся уехать из страны и пожить в изгнании. В стене одной из дач на берегу реки Саскуэханна хранились деньги и документы на имя другого человека, а также косметика, необходимая для того, чтобы сделать лицо похожим на вклеенную фотографию. Сейчас, конечно, паспорт был давно просрочен, но Лектер надеялся очень быстро восстановить его.

Зная, что в группе туристов пересечь границу намного легче, он уже купил путёвку на путешествие под названием «Великолепие Южной

Америки», которая должна была помочь ему беспрепятственно добраться до Рио.

Этот вечер доктор Лектер решил посвятить письмам, которые намеревался отправить через агентство посреднических услуг в Лондоне.

Перво-наперво он перевёл солидную сумму денег и написал слова благодарности за доброе отношение санитару Барни.

Затем черканул короткое письмо Фредерику Чилтону, заверив, что намерен навестить его в самое ближайшее время, и добавив, что после этого визита администрации лечебницы будет очень разумно вытатуировать инструкцию по кормлению заключённых прямо на лбу своего главного врача, чтобы не переводить зря бумагу.

И, наконец, налив себе бокал изумительного «Монтраше», он обратился к Старлинг:

— Ну как, Кларис, ваши ягнята замолчали? Вы, конечно, помните, что должны рассказать мне об этом. Очень рассчитываю на вашу порядочность. Надеюсь, вы сдержите обещание.

Было бы чудесно, если бы вы поместили свой рассказ в виде объявления на рекламной полосе «Таймс» или «Интер-

нешинал Геральд Трибьюн» в первый день любого месяца. А ещё лучше опубликовать его в «Чайна Мейл».

Меня не удивит ни положительный, ни отрицательный ответ. Но, Кларис, всё дело в том, что вы судите себя милостью подземных темниц, созданных для Толпы, и поэтому вам всю жизнь придётся бороться за это благословенное молчание. Ибо вами движет только гражданский долг, только долг вы видите перед собой, и этот долг не кончится никогда.

Я не планирую встречаться с вами, Кларис. Мир намного интереснее, когда в нём есть такие, как вы. Надеюсь, вы проявите по отношению ко мне такую же любезность.

Доктор Лектер коснулся ручкой губ, выглянул на ночное небо и улыбнулся.

Теперь у меня есть окна.

Как раз сейчас над самым горизонтом я вижу Орион, рядом сверкает Юпитер. Это самое яркое его сияние, и подобного не будет до самого двухтысячного года. (Мне бы не хотелось называть вам точное время и его высоту над горизонтом). Но, надеюсь, что вы тоже видите их. Некоторые звёзды у нас с вами общие, Кларис.

Ганнибал Лектер

Далеко на востоке, на берегу Чесапикского залива, высоко в ясном ночном небе повис Орион. В большом старом доме нежно мерцает камин. Светлый дымок вылетает из трубы и тут же уносится вдаль лёгким ветерком. На широкой кровати много стёганых одеял, а на них и под ними — несколько огромных собак. В тусклом свете камина невозможно понять, лежит ли под одеялами Нобл Пилчер. Но лицо на подушке, розовое в свете огня, без сомнения принадлежит Кларис Старлинг. Она крепко спит в наступившем для неё молчании ягнят.